

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2010. № 2 (9)

Выходит 2 раза в год

ЕКАТЕРИНБУРГ
Издательство Уральского университета
2010

Редакционная коллегия

Главный редактор

А. К. Матвеев (Екатеринбург)

Заместители главного редактора

Е. Л. Березович (Екатеринбург),
М. Э. Рут (Екатеринбург)

Ответственный секретарь

Л. А. Феоктистова (Екатеринбург)

Члены редколлегии

М. В. Голомидова (Екатеринбург), *Н. В. Васильева* (Москва),
А. Ф. Журавлев (Москва), *Н. В. Кабинина* (Екатеринбург),
И. И. Муллонен (Петрозаводск), *Е. Н. Полякова* (Пермь),
В. И. Супрун (Волгоград), *С. М. Толстая* (Москва),
К. Хенгст (Лейпциг, Германия)

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2010

© ГОУ ВПО «Уральский государственный университет
им. А. М. Горького», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Баранова К. И., Фомин А. А. Кысь в «Кыси»: смыслообразующий потенциал литературного онима и механизмы его реализации</i>	5
<i>Фролова О. Е. Библейские антропонимы в пословицах</i>	41
<i>Ахметова М. В. Заметки о неофициальной русской урбонимии</i>	53
<i>Феоктистова Л. А. Ономастика и ономастическая лексика в жаргоне железнодорожников</i> ..	69

СООБЩЕНИЯ

<i>Алпатов В. В. Английские метафорические топонимы с христианскими ассоциациями</i>	86
<i>Разумов Р. В. Географические термины в системах урбанонимов провинциальных городов</i>	95
<i>Ивашова Н. М. Об одном из первых памятников русской топонимической лексикографии («Изыяснение некоторых корельских слов...» П. П. Свинына, 1829 г.)</i>	101

МАТЕРИАЛЫ

<i>Кривошапова Ю. А., Макарова А. А. Из материалов к Словарю русских оттопонимических образований: Сибирь (пробная словарная статья)</i>	106
--	-----

ОНОМАСТИКА ЗА РУБЕЖОМ

<i>Эва Жетельска-Фелешко</i>	123
<i>Жетельска-Фелешко Э. Глядя на имена собственные (из кн. «В мире имен собственных») .....</i>	124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, съезды, симпозиумы	139
Ономастика на IV Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (<i>А. Н. Соловьев</i>)	139
VII Международная научная конференция «Проблемы общей и региональной ономастики» (<i>Р. Ю. Намитокова</i>)	146
Краткая информация	149
Рецензии	152
<i>Васильев В. Л. [Рец. на:] Вопросы географии. Сб. 132: Современная топонимика</i>	152
<i>Остап Р. И. [Рец. на:] Пахомова С. М. Історія російської антропонімії</i>	155
Книжная полка	161
Библиография работ Г. М. Керга по ономастике	161
Новые книги	165
Новые диссертации по ономастике	179

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

<i>А. К. Матвеев</i>	183
СОКРАЩЕНИЯ	190
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	191
SUMMARY	193

CONTENTS

ARTICLES

<i>Baranova K. I., Fomin A. A.</i> Kys in “Kys”: the semantic potential of the name and mechanisms of its actualization	5
<i>Frolova O. Ye.</i> Biblical names in proverbs	41
<i>Akhmetova M. V.</i> Notes on Russian informal city-names	53
<i>Feoktistova L. A.</i> Names and their derivatives in the jargon of railway workers	69

REPORTS

<i>Alpatov V. V.</i> English metaphorical place-names with Christian associations	86
<i>Razumov R. V.</i> Geographical terms in the systems of in-town place-names in provincial towns	95
<i>Ivashova N. M.</i> On one of the earliest monuments of Russian toponymic lexicography (“Izjasneniye nekotorykh korelskikh slov...” by P. P. Svinjin, 1829)	101

MATERIALS

<i>Krivoschapova Ju. A., Makarova A. A.</i> From materials for the Dictionary of Russian derivatives from proper names (a sample dictionary entry)	106
--	-----

ONOMASTICS ABROAD

<i>Eva Zhetelska-Feleshko</i>	123
<i>Zhetelska-Feleshko E.</i> Looking at proper names (from the book “In the world of proper names”)	124

SCIENTIFIC LIFE

Conferences, congresses, symposiums	139
Onomastic agenda at the IV International congress of scholars of Russian “The Russian language: history and contemporary state” (<i>A. N. Solovjev</i>)	139
The VII international conference “Issues of general and regional onomastics” (<i>R. Yu. Namitokova</i>)	146
Brief notes	149
Reviews	152
[Geographic studies. Vol. 132: Contemporary place-names studies] (<i>Vasiljev V. L.</i>)	152
<i>Pakhomova S. M.</i> Istoriya Rossiyskoy Antroponymii [History of Russian anthroponymy] (<i>Ostash R. I.</i>)	155
Bookshelf	161
Bibliography of works by G. M. Kert on onomastics	161
New books	165
New dissertations on onomastics	179

IN MEMORY OF MASTER

<i>A. K. Matveev</i>	183
----------------------------	-----

ABBREVIATIONS	190
ON THE AUTHORS	191
SUMMARY	193

СТАТЬИ

УДК 811.161.1'373.2 + 811.161'372

К. И. Баранова,
А. А. Фомин

КЫСЬ В «КЫСИ»: СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИТЕРАТУРНОГО ОНИМА И МЕХАНИЗМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: русская литературная ономастика, поэтическая ономастика, литературный оним, поэтоним, имя собственное в художественном тексте, фоносемантика имени собственного в тексте, поэтика имени собственного в тексте.

В статье исследуется окказиональный поэтоним *кысь*, функционирующий в тексте одноименного романа Т. Толстой, который является ключевым словом для данного произведения. Основываясь на анализе употребления этого слова в прототексте, воспринятом писательницей и в значительной мере определившем первичный творческий замысел произведения, а также используя результаты фоносемантического исследования экспонента поэтонима, авторы статьи пытаются выявить влияние собственного имени на динамику формирования важнейшего художественного образа романа, проследить смыслообразующий потенциал окказионального собственного имени и его существенную роль в формировании общего концептуального плана текста.

1

В современных работах по литературной ономастике, пожалуй, общим местом стало утверждение о том, что собственные имена способны генерировать разнообразные эстетические смыслы. Намного реже предпринимаются попытки выявить те конкретные лингвистические механизмы, при помощи которых ономастические единицы порождают в художественном тексте концептуально-

© Баранова К. И., Фомин А. А., 2010

Вопросы ономастики. 2010. № 2 (9)

эстетические феномены. В данной статье мы хотели бы рассмотреть один литературный оним в аспекте его смыслообразующей активности на разных этапах порождения текста — от начального этапа включения онима в авторский замысел художественного произведения до его превращения в важнейший образный и концептуальный компонент текста. Свою задачу мы видим в том, чтобы, обнаружив важнейшие генерируемые онимом смыслы, выявить вместе с тем и текстовые механизмы, обеспечивающие порождение этих смыслов. В центре внимания, таким образом, оказывается литературный оним, взятый в аспекте его функционирования и рассмотренный в отношении к лингвистическому, образному и концептуальному строю произведения.

Объектом наблюдений будет поэтоним *кысь* из одноименного романа Т. Толстой. Это произведение, вышедшее в 2000 г. и впоследствии не раз переиздававшееся, несомненно, стало заметным событием в литературной жизни России и вызвало оживленную дискуссию в критике, показавшую наличие различных точек зрения на роман и полемически заостренных его трактовок. Впрочем, обсуждение текста литературоведами и критиками почти не касалось интересующей нас темы — романной ономастики. По всей видимости, первыми из ономастологов обратились к именам собственным данного произведения Р. Ю. Намитокова и О. А. Скребнева в небольшой статье, очерчивающей ономастическое пространство романа [см.: Намитокова, Скребнева]. Позже О. А. Скребнева опубликовала еще одну статью, в которой выделила ядерные и периферийные элементы этого ономастического пространства [см.: Скребнева]. Другие работы, посвященные изучению ономастики романа нам неизвестны.

Слово *кысь*, многократно воспроизводимое в тексте произведения и ставшее его названием, безусловно, можно отнести к ключевым словам этого текста, кодирующим важнейшие его смыслы. Примечательно, что, по признанию Т. Толстой, с этого слова, по сути, начался роман. В своем интервью она вспоминает:

...Это мы давным-давно как-то с мужем — он тоже филолог, как и я, — сидели и играли в какую-то стихотворную чепуху. Если помните, в одном из переводов «Алисы в Зазеркалье» есть такие стихи: «...и хрюкотали зелюки, как мюмзики в мове». Мы тоже какую-то белиберду сочиняли в том же духе, и среди прочего в одном стишке, который мой муж написал гекзаметром, проскочило слово «кысь». «Ворскнет морхлая кысь...», сейчас дальше не помню. Я это слово подобрала, повертела, смотрю — женский род, третье склонение, мне понравилось. Ну а потом, как говорится, слово за слово...

— То есть вначале было слово, а потом оно разрослось до трехсот страниц убористого текста...

— До четырехсот... Помимо слов, там было еще и настроение — ночь какая-то, лес, болото... Пужлец порскает... [Толстая, 2005б, 327].

Для нас важно обратить внимание на несколько моментов, связанных с возникновением этого слова. Во-первых, оно с самого начала создавалось с установкой на окказиональный характер лексем и использовалось в тексте, состоящем из подобных же окказиональных лексем. Во-вторых, окказиональные лек-

семьи формировались по моделям узуальной лексики, обеспечивающим возможность их осмысления и «понимания». В связи с этим было бы интересно установить этимологию окказионального слова и выявить механизм его образования. В-третьих, хотя сама Т. Толстая не была непосредственным создателем данного слова, она являлась интерпретатором его смысла, извлекающим из него некоторые ассоциативные ряды и оценивающим их. В-четвертых, можно предполагать, что этот эмоционально-ассоциативный комплекс, стоявший у истоков будущего произведения, в значительной мере определил последующее формирование образа *кыси* и соответственно построение всей смысловой структуры романа. Поэтому можно попытаться как-то объективировать те смутные ассоциации, которые возникли у писательницы уже на начальной стадии восприятия лексемы и которые затем получили дальнейшее развитие в процессе генезиса художественного образа. Естественными факторами, способствующими такой объективации, являются материальная форма самой лексемы (ее экспонент) и ближайший контекст употребления слова, сохранившийся в памяти писательницы.

Поскольку окказиональная лексема, отнесенная к неизвестному объекту художественного мира, фактически лишена для реципиента заданного языком значения, его сознание под воздействием пресуппозиции наличия смысла у поэтического конструкта в целом и у отдельных его компонентов начинает активизировать означаемое лексемы, опираясь при этом на ближайший контекст и имеющиеся в распоряжении реципиента языковые элементы, модели и категории. Условия подобной языковой игры требуют, как известно, обязательного наличия в окказиональных лексемах узуальных лингвистических элементов, передающих грамматические значения, так как без них текст превратился бы в набор лексически и грамматически невнятных знаков, обладающих лишь буквенно-звуковой выраженностью своих единиц¹. Это условие соблюдается и в знаменитой фразе Л. В. Щербы о «глокой куздре», и в других подобных экспериментальных построениях. В данном случае по окончанию *-ет* легко «опознать» в лексеме *ворскнет* «глагол» 3-го л. ед. ч. настоящего или будущего простого времени, выступающий в качестве сказуемого и передающий представление о действии или состоянии грамматического субъекта. Флексия *-ая* квазиприлагательного *морхлая*, воспринятого в качестве определения, указывает на признак этого субъекта и на его отнесенность к категории женского рода, а нулевое окончание в квазисуществительном *кысь* — на сам грамматический субъект².

¹ Как, например, в известном стихотворении А. Е. Крученых: «Дыр бул щил убещур скум вы со бу р л эз».

² Конечно, ничто не мешает нам допустить и другие трактовки данного отрывка: к примеру, форму *морхлая* можно воспринять как деепричастие (типа *делая*), выделив аффиксы *-а-* и *-я-* с соответствующими грамматическими значениями. В то же время логически более тесная и потому более легкая для осознания связь между категориями субъекта, его признака и преддицируемого действия, а также само центральное положение этих категорий в грамматической системе русского языка провоцируют иную, указанную выше, идентификацию грамматической структуры высказывания.

Именно так и восприняла последнюю лексему Т. Толстая: «...женский род, третье склонение...». Таким образом, узуальные грамматические элементы, включенные в состав окказиональных квазислов, оказываются той опорой, на которой основывается восприятие и понимание данного произведения его реципиентом.

Активизация плана выражения всех квазислов, входящих в приведенный фрагмент «стихотворения», происходит при восприятии, по крайней мере, в двух направлениях: во-первых, имеет место не контролируемое рациональным сознанием воздействие на реципиента фоносемантического ореола лексем, более интенсивное, чем обычно, вследствие отсутствия у них полноценного языкового значения и вследствие установки реципиента на активизацию смыслообразующего потенциала означающих; во-вторых, продуцирование в сознании ассоциативных отношений квазилексем с опорой на их определенное формальное сходство с узуальными лексемами русского языка. Так, *ворскнет* в силу определенной близости экспонентов может напомнить слушателю *вор*, *ворс* и *воск*, *сверкнет*, *меркнет*, *тускнеет*, а *морхля* ассоциируется под воздействием начального элемента *мор-* и финали *-хля* с *мокрая*, *морок*, *мрак*, *мор*, *морить*, *дохлая*, *сохляя*. Круг ассоциаций увеличится, если учесть, что в лексиконе реципиента (тем более филолога) может иметься не только литературная, но и диалектная лексика. Скажем, *ворскнет* легко соотносится с диалектным глаголом *порскнуть* 'броситься куда-либо', а *морхля* может ассоциироваться со словами *мора* 'мрак, тьма, морок, сумрак, потемки', *моркий* 'кого легко уморить, хвольный, хлибкий', *морливый* 'смертный, гибельный для народа', *морока* и *морок* 'мрак, сумрак, мрачность, темнота и густота воздуха', а также 'обморок, припадок, омраченье ума', *морснуть* 'ударить, хватить, свистнуть, огреть', *морх* 'мохра или мохор, мохры; висячие пучки нитей, кисти, бахромы; космы, непричесанные волосы; клочья, отресья', *морох* 'мгла; туман; мелкий частый дождь' и др.³ Соотнесение с диалектным словом *морх* демонстрирует, кстати, потенциальную словообразовательную структуру данного окказионализма, расчленяя его на основу, суффикс и флексию: *морх-л-ая* по типу *круглая*, *светлая*⁴.

Лексема *кысь* не уступает в ассоциативной активности своему контекстному окружению. Очень редкая в современном русском языке финаль *-ысь* встречается всего в восьми словах (*брысь*, *высь*, *ввысь*, *подвысь*, *надысь*, *прысь*, *рысь*, *хлобысь*), часть из которых вдобавок имеет диалектный и просторечный харак-

³ Значения лексем приводятся по «Словарю русских народных говоров» и по «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля.

⁴ В диалектных словарях зафиксировано, между прочим, прилагательное *морхлый* со значением 'испорченный, больной, гнилой (о хлебных посевах, деревьях, плодах, зернах)', бытующее в некоторых сибирских говорах [СРНГ, 18, 280]. Однако из этого факта все же нельзя делать вывод об осознанном использовании данного диалектизма автором поэтического фрагмента, поскольку у нас нет никаких свидетельств о знании им этого не слишком распространенного диалектного слова.

тер, а часть относится к устаревшей лексике [Обратный словарь, 280]⁵. Наличие в русском языке всего двух существительных (*высь* и *рысь*) с данной финалью делает соотнесение лексемы *кысь* с ними очень вероятным. Впрочем, в этом смысле первое и второе слово отнюдь не равноправны. Основа *кыс-* в русском языковом сознании не может не соотноситься с представлением о кошке, вследствие наличия в русском языке слов *кыса*, *кыска*, *кыс-кыс* и т. п. В свою очередь, *рысь*, как известно, принадлежит к семейству кошачьих, обладая многими повадками, свойственными и другим его представителям⁶.

Мы полагаем, что окказионализм *кысь* скорее всего был получен в результате контаминации двух узуальных лексем *кыса* и *рысь*; этой контаминации способствовало наличие у данных лексем общего формального компонента (*-ыс-*), а также общего семантического компонента⁷. Во всяком случае, в силу наличия общих компонентов у производящих лексем в результате взаимодействия этих компонентов весьма вероятно формирование у реципиента осознанного или неосознанного фонового представления о хищной лесной кошке. В то же время потенциальная ассоциативная связь *кысь* — *высь* не имеет такой мощной

⁵ Нужно сказать, что в диалектных словарях присутствует существительное *кысь* ‘шкурка с нося, оленя или лошади, которой обычно подбивают охотничьи лыжи’, зафиксированное в томских говорах и чаще употребляемое на Урале и в Сибири с конечным твердым согласным, а также аналогичное подзывное слово для голубей, отмеченное в тульских говорах [СРНГ, 16, 206]. Однако семантика этих лексем не дает возможности полагать, что автор стихотворения употребляет хотя бы одну из них в своем тексте. Если они и оказали какое-нибудь влияние на автора в процессе создания окказионализма, то лишь в отношении означаемого и, скорее всего, без осознания им этого подспудного воздействия. Вполне можно допустить и простое совпадение экспонентов окказионализма и указанных диалектных слов.

⁶ Энциклопедическая статья так описывает это животное: «Рысь [*Felis (Lynx) lynx*] — млекопитающее рода кошек. Длина тела 82–109 см, хвоста 20–24 см, весит обычно 8–19 кг (как исключение — до 32 кг). Ноги сильные, относительно длинные, лапы очень широкие. На ушах длинные кисточки, имеются баки. Окраска различная: однотонная (палевая, рыжая) или пятнистая. Распространена Р. в Европе, Северной, Средней и частично Передней Азии, Северной Америке. Обитает в обширных глухих лесах, как на равнинах, так и в горах; иногда заходит в лесостепь. Питается преимущественно зайцами, мышевидными грызунами и птицами; иногда нападает на копытных (косулю и др.). Охотится преимущественно ночью. Хорошо лазает по деревьям. При обилии пищи живет оседло, при недостатке ее — кочует. Гон в феврале–марте. Беременность 9–10 недель. В выводке обычно 2–3 детеныша. Численность Р. колеблется в разные годы в зависимости от количества пищи. Промысловое значение невелико (используется мех). Р. наносит местами некоторый вред охотничьему хозяйству, истребляя промысловых животных» [БСЭ, 22, 454].

⁷ Отметим, что в романе «Кысь» имеются и другие окказионализмы, образованные в результате подобной контаминации двух узуальных лексем: ср. *хлебед* — из *хлеб* + *лебеда*; *кльель* — из *клен* + *ель*; *сусень* — из *сосна* + *ясень*. Эти составленные из «обломков» прежних слов лексемы играют в романе концептуально важную роль: они отражают общую «мутацию» старого языка в новых условиях. Таким образом, лексема *кысь* включается в определенный ряд окказионализмов, создаваемый единством словообразовательного приема, и нельзя исключить, кстати, что именно под ее воздействием и возник этот ряд.

поддержки, а потому степень облигаторности ее намного ниже. Естественно, определенную роль в усилении одного ассоциативного ряда и в ослаблении другого играет ближайший контекст, где ассоциативные ряды включают слова и представления, семантически легко соотносимые с *рысью* и несоотносимые или хуже соотносимые с *высью* (например, *вор, ворс, мохры* и др.). В итоге контекст играет роль координатора ассоциативного фона: он усиливает одни ряды и ослабляет, гасит другие. Это приводит к формированию некоторого интуитивного мысленного представления, ментального образа действительности, заданного поэтическим фрагментом. У авторов данной статьи, к примеру, возник в сознании более или менее конкретизированный образ притаившейся и в любую секунду готовой напасть рыси, сидящей на дереве в ночном лесу, в чьей мокрой шерсти тускло мерцают дождевые капли. Речь, разумеется, не о том, что данное представление, возникшее у нас, является единственно возможным и обязательным для всех; речь о том, что ассоциативные ряды, возникающие при восприятии окказиональных лексем, закономерно организуются в результате их соотношения с языковой системой, выступающей в качестве фона. Поэтому при всей субъективности и привязанности к неповторимому опыту личности их нельзя считать абсолютно произвольными. Так, мы не можем сказать, насколько совпадает возникший у нас образ с тем образом, который, вероятно, существовал в ментальном пространстве автора этого поэтического фрагмента. Вполне возможно, что и ассоциативные ряды, и формируемое ими представление у сочинителя были несколько иными. Мы, однако, убеждены, что возникающий в нашем сознании ассоциативный фон образа обусловлен в значительной мере объективными языковыми и текстовыми отношениями, а потому он не может считаться чем-то совершенно случайным и сугубо индивидуальным. Интересно, что в том же интервью Т. Толстая, выступавшая с позиции реципиента текста, вспоминая свои ассоциации, возникшие при его восприятии, замечает: «Помимо слов, там было еще и настроение — ночь какая-то, лес, болото... Пужлец порскает...». Ассоциативная связь лексемы *кысь* с *рысью* хорошо вписывается в этот конгломерат образов. Рысь живет в лесу, где и добывает себе пропитание, хорошо лазает по деревьям, охотится обычно ночью, наводя страх на своих потенциальных жертв.

Кстати, и второй фрагмент того же стихотворения, упомянутый в интервью (*пужлец порскает*), вполне согласуется с указанной интерпретацией данного фрагмента. Окказионализм *пужлец* легко сопоставляется с просторечными и устаревшими словами *пужать, пужаться, пужливый* [ССРЛЯ, 11, 1663] и благодаря прозрачности внутренней формы может быть понят как ‘существо, совершающее действие или проявляющее признак, названный основой’ (ср. *беглец, жилиец* и т. д.), т. е. в контексте данного фрагмента — ‘пугливый зверек; зверек, боящийся кого-то’ либо ‘зверек, пугающий кого-то’, поскольку мотивирующим глаголом может быть и *пужать*, и *пужаться*. В русских говорах широко пред-

ставлен глагол *порскать* в разных значениях, в числе которых ‘фыркать от смеха, раздражаться неудержимым смехом’, ‘издавать фыркающие, прерывистые звуки’, ‘делать стремительные движения, бросаться куда-либо’ [СРНГ, 30, 90]. Поэтому понять предложение *пужлец порскает* можно двояко: «какой-то пугливый зверек бросается наутек от кого-то» и «какой-то зверек пытается испугать кого-то, издавая резкие, фыркающие звуки». При восприятии отрывка эти значения могут взаимодействовать и накладываться друг на друга различным образом. В любом случае в тексте возникают мотивы *угрозы* и *страха*, накладывающие отпечаток на ассоциативный фон фрагмента и коррелирующие с ассоциативными рядами квазилексемы *кысь*.

Итак, можно констатировать, что слово *кысь* было воспринято Т. Толстой с самого начала не как пустая и лишённая смысла оболочка квазислова, но как ступок потенциальных ассоциаций, возникающих и реализующихся на фоне языковой системы русского языка, в их взаимодействии с ассоциативным потенциалом синтагматически сопряжённых лексем.

Кроме ассоциативных рядов, обусловленных спецификой словообразовательной модели лексемы *кысь*, важным фактором, определяющим ее восприятие и оценку, является звуко-символическая значимость ее оболочки. Методика фоносемантического исследования, разработанная в свое время А. П. Журавлевым [см.: Журавлев, 1974]⁸, достаточно известна и неоднократно апробирована, поэтому вряд ли здесь нужно еще раз подробно излагать ее содержание. Основываясь на предложенных этим ученым формулах и количественных данных, мы вычислили звуко-символические качества экспонента лексемы по используемым в его работах 25 признаковым шкалам. Слово *кысь* оказалось весьма выразительным с точки зрения своих фоносемантических характеристик: по 13 шкалам из 25 его экспонент получает оценки, которые в аксиологическом отношении определяются скорее отрицательно; по 12 шкалам фоносемантическая значимость лексемы может быть охарактеризована оценкой *никакой*. Оценок, которые в аксиологическом отношении определяются положительно, экспонент имени не получил вообще. Ниже мы приводим таблицу, в которой представлены результаты наших вычислений, приведенные в порядке возрастания коэффициента, отражающего интенсивность проявления признака по каждой шкале (см. табл. 1).

По двум шкалам (*женственный/мужественный* и *хороший/плохой*) результат хотя и попадает в зону постулируемого в книге А. П. Журавлева отклонения в 0,5 деления шкалы, но демонстрирует явное тяготение к одному из полюсов оценки. В этом случае мы сочли возможным ввести отсутствующие у А. П. Журавлева корректирующие оценки, соответствующие переходным зонам постепенного

⁸ Эта же методика в более популярной форме излагается в книге: [Журавлев, 1981].

Таблица 1

Шкала	Результат	Характеристика
Большой / маленький	2,40	большой
Добрый / злой	2,87	никакой
Длинный / короткий	2,91	никакой
Громкий / тихий	2,99	никакой
Сильный / слабый	2,99	никакой
Могучий / хилый	3,03	никакой
Гладкий / шероховатый	3,04	никакой
Храбрый / трусливый	3,12	никакой
Легкий / тяжелый	3,22	никакой
Простой / сложный	3,25	никакой
Величественный / низменный	3,27	никакой
Округлый / угловатый	3,29	никакой
Подвижный / медлительный	3,32	никакой
Женственный / мужественный	3,41	почти мужественный
Хороший / плохой	3,47	почти плохой
Безопасный / страшный	3,50	страшный
Нежный / грубый	3,55	грубый
Веселый / грустный	3,56	грустный
Красивый / отталкивающий	3,57	отталкивающий
Светлый / темный	3,59	темный
Активный / пассивный	3,64	пассивный
Быстрый / медленный	3,65	медленный
Радостный / печальный	3,65	печальный
Яркий / тусклый	3,72	тусклый
Горячий / холодный	3,75	холодный

нарастания интенсивности. В случае отклонения от средней величины оценки (3,0) на величину от 0,4 до 0,5 мы пользовались формулой *почти + признак*. Поэтому экспонент лексемы *кысь* был оценен по данным шкалам как *почти плохой* (оценка 3,47 не дотягивает до границы постулируемого отклонения всего 0,03!), *почти мужественный* (до границы постулируемого значимого отклонения не хватает 0,09). Это означает, что по этим признакам лексема тяготеет к соответствующим оценкам, но они выражаются чуть менее ярко, чем по остальным задействованным 11 шкалам.

Таким образом, наглядно проявляется фоносемантическая активность звукобуквенной оболочки окказионализма, чему способствует, еще раз напомним,

отсутствие у нее полноценного лексического значения⁹. Несомненно, фоносемантический ореол лексемы активно повлиял на ее восприятие и на формирование того ассоциативного фона, того «настроения», о котором упоминает Т. Толстая. Нельзя не отметить и высокую степень соответствия выделенных ассоциативных рядов окказиональных квазилексем стихотворного фрагмента и фоносемантического ореола лексемы *кысь*: они явно коррелируют, поддерживая друг друга.

В то же время без мощной поддержки и коррекции художественного текста, проявляющего смысловую потенциал лексемы, ассоциативный фон ее воспринимается как нечто смутное, зыбкое и трудноопределимое даже для филологически развитого сознания. Тот контекст, в котором Т. Толстой была воспринята лексема *кысь*, составленный из нарочитых окказионализмов, не был способен в полной мере проявить фоносемантический ореол слова и порождаемые лексемой ассоциативные ряды. Аккумуляция ассоциативных смыслов, их нарастание и взаимообогащение, происходившие в творческом сознании писательницы, требовали развертывания смутного образа в иной, интерпретирующий этот неясный сгусток образных ассоциаций текст. Отсюда и берет начало роман «Кысь».

2

Войдя в лексическую структуру художественного текста и став ее важным компонентом, лексема *кысь* подверглась естественной семантической трансформации. Она закрепляется за определенным референтом, каковым является номинируемый ею объект конструируемого художественного мира, и начинает обозначать определенный денотат, каковым мы считаем обобщенное представление реципиентов текста о референте имени. Представление об объекте художественной действительности по своей природе индивидуально. Но так как оно формируется у разных людей на основе объективной (т. е. не зависящей в полной мере от индивидуальных особенностей восприятия) языковой семантики, воспринимаемой и перерабатываемой в соответствии с общими законами человеческого мышления, то неизбежно имеет значительную совпадающую часть, обеспечивающую взаимопонимание участников литературной коммуникации. Денотат, будучи инвариантным, очищенным от индивидуальных оттенков представлением, отражает, по сути дела, информационное ядро формируемой в тексте семантической структуры имени; он создается массивом объективной для реципиента информации, поступающей к нему из текста.

⁹ Нередко исследователи, выявляя в эксперименте фоносемантические параметры лексических единиц, специально конструируют искусственные слова с заданными звуко-символическими свойствами и при этом лишены лексического значения, дабы избежать его потенциального воздействия на восприятие испытуемыми звуковой оболочки искусственного слова [см. об этом, например: Журавлев, 1981, 43–46].

Следствием трансформации семантической структуры лексемы является, в частности, получение ею ономастического статуса. Остановимся на этом вопросе подробнее, так как он непосредственно связан с проблематикой данной статьи. До вхождения в текст окказиональная лексема *кысь* не могла быть отнесена ни к собственным, ни к нарицательным именам; вопрос о ее принадлежности к этим языковым категориям был лишен смысла. Действительно, в системе русского языка, если не считать упомянутые выше диалектные лексемы, имя *кысь* отсутствует, а в системе окказионального «квазитекста», воспринятого когда-то Т. Толстой, неопределенность денотата лексемы (если вообще допустить его наличие) столь велика, что полностью исключает постановку вопроса об уникальности референта или однородности его с другими референтами данного класса. Когда лексема *кысь* начинает номинировать в тексте романа определенный денотат, закономерно возникает вопрос, входит ли в наше представление о референте восприятие его как уникального, единственного в своем роде, или же мы формируем представление о номинируемом предмете как об одном из множества однородных предметов художественного мира¹⁰. Другими словами, анализируя данную лексему, мы вправе задаться вопросами: окказиональный оним перед нами или окказиональный апеллатив? Как в тексте проявляется ономастический или апеллативный статус лексемы? Имеет ли этот статус какое-либо значение для концептуального плана произведения?

Наверное, первая мысль, которая приходит в голову в этой связи, касается способа орфографического оформления лексемы. Как известно, имена собственные в русском языке принято начинать с прописной буквы, хотя многими признается, что «употребление больших (прописных) букв — одна из сложнейших проблем современной русской орфографии» и что «в настоящее время, как показывает практика письма, данная область орфографии наименее устойчива и упорядочена» [Лопатин и др., 3]. В то же время, сказанное выше, разумеется, относится к передаче узуальных собственных и нарицательных имен в нехудожественных типах текстов; в художественных же произведениях применение начальной большой или маленькой буквы подчиняется не только (и не столько) орфографическим, но, прежде всего, стилистическим законам, позволяющим писателям использовать отклонение от орфографических правил в качестве смыслообразующего художественного приема¹¹. Примеров подобного художественного использования отклонений от орфографической нормы в русской литературе, вообще говоря, немало. Так, скажем, герой наиболее известного романа М. А. Булгакова носит имя *мастер*, которое на протяжении всего текста пишет-

¹⁰ Художественный мир произведения при этом понимается нами как один из «возможных миров», моделируемый средствами текста и проецируемый на мир объективной реальности.

¹¹ См., к примеру, работу на эту тему: [Чижикова, 81–88].

ся с маленькой буквы¹²; между тем вряд ли стоит сомневаться, что это полноценный литературный оним, вступающий в разнообразные оппозиции с другими ономастическими элементами произведения. В повести В. П. Катаева «Алмазный мой венец» многие персонажи названы именами, которые, несмотря на написание с маленькой буквы (на что, кстати, специально обращает внимание читателей автор повести), также относятся к литературным онимам¹³. В свою очередь, достаточно многочисленны примеры написания в художественных произведениях с большой буквы слов, традиционно относимых в языковой системе к нарицательной лексике. Обычно это свидетельствует либо об онимизации, либо о символизации данных лексем в тексте¹⁴. Тем более осторожно должен применяться этот критерий разграничения проприальной и апеллятивной лексики в отношении окказионализмов, когда писатель, выбирая тип начальной буквы в слове, основывается не на общепринятом представлении о статусе лексемы и не на строгом соблюдении орфографической нормы, а на определенной личной интенции.

Думается, факт написания слова *кысь* в романе Т. Толстой с маленькой буквы еще не говорит о том, что автор считает лексему апеллятивом; этот факт, на наш взгляд, свидетельствует лишь об отказе писателя от диктата традиционного способа выделения собственных имен, принятого в современной русской орфографии. В доказательство этого можно указать на ряд случаев, когда Т. Толстая намеренно отступает от привычного орфографического облика слова. Так, очевидные узуальные собственные имена в романе «Кысь» порой пишутся с маленькой буквы: *пушкин*, *шопенгауэр*, *мир как воля и представление*, *брамс*, *буратино*. Несомненно, такие написания не случайны и отражают концептуальный план произведения: общеизвестные и культурно значимые для современной цивилизации собственные имена не только полностью десакрализируются, но и совершенно теряют всякую культурную семантику, опустошаются вплоть до утраты индивидуализирующей функции в новой, постъядерной цивилизации, превращаясь в бессмысленные и чуждые для новых людей лингвистические знаки. В то же время с большой буквы пишутся многие собственные имена, полученные в результате онимизации апеллятивов и отражающие значимые для персонажей реалии новой культуры: *Взрыв*, *Прежние*, *Болезнь* и т. п. Следовательно, при решении вопроса о принадлежности лексемы *кысь* к проприальной или апеллятивной лексике нельзя полагаться исключительно на орфографический критерий; необходимо проанализировать, как изображается называемый ею объект

¹² Понятно, кроме случаев, когда написание с большой буквы диктуется другими факторами, например позицией в названии романа или инициальной позицией в предложении.

¹³ В этой связи см. две статьи Ю. А. Карпенко, в которых анализируются наименования персонажей катаевской прозы: [Карпенко, 1984, 9–14; 1987, 25–33].

¹⁴ Мы не затрагиваем здесь сложного вопроса о соотношении этих двух процессов.

художественного мира и, соответственно, как функционирует это слово в тексте романа. Обратимся к фрагменту, в котором оно появляется впервые, осуществляя, таким образом, первичную номинацию данного объекта художественного мира.

На семи холмах лежит городок Федор-Кузьмичск, а вокруг городка — поля необозримые, земли неведомые. На севере — дремучие леса, бурелом, ветви переплелись и пройти не пускают, колючие кусты за порты цепляют, сучья шапку с головы рвут. В тех лесах, старые люди сказывают, живет кысь. Сидит она на темных ветвях и кричит так дико и жалобно: кы-ысь! кы-ысь! — а видеть ее никто не может. Пойдет человек так вот в лес, а она ему на шею-то сзади: хоп! И хребтину зубами: хресь! — а когтем главную-то жилочку нащупает и перервет, и весь разум из человека и выйдет. Вернется такой назад, а он уж не тот, и глаза не те, и идет, не разбирая дороги, как бывает, к примеру, когда люди ходят во сне под луной, вытянувши руки, и пальцами шевелят: сами спят, а сами ходят. Поймают его и ведут в избу, а иной раз для смеху поставят ему миску пустую, ложку в руку вторнут: ешь; он будто и ест, из пустой-то миски, и зачерпывает, и в рот несет, и жует, а после словно хлебом посудину обтирает, а хлеба-то в руке и нет; ну, родня, ясно, со смеху давится. Такой сам ничего делать не может, даже оправиться не умеет: каждый раз ему заново показывай. Ну, если жене или там матери его жалко, она его с собой в поганый чулан водит; а ежели за ним приглядеть некому, то он, считай, не жилец: как пузырь лопнет, так он и помирает. Вот чего кысь-то делает.

В данном фрагменте производится структуризация художественного пространства, которое разделяется на «свое» (городок *Федор-Кузьмичск*) и «чужое», неведомое и опасное, одной из ипостасей которого является лес, — тип структурирования, присущий мифологическому сознанию и легко обнаруживаемый, скажем, в русских народных сказках¹⁵. Далее в текст вводится предложение, фиксирующее экзистенцию объекта; в нем утверждается существование во враждебном человеку пространстве леса некоего существа, которое называется *кысью*. Стоит отметить несколько моментов в связи с содержанием этого предложения.

Во-первых, предикат его однозначно квалифицирует объект как одушевленный, живой; это существо, а не предмет, и поэтому он наделен собственной жизненной активностью, регулируемой и направляемой его собственной, не зависящей от другого существа волей. С этого момента, кстати, в тексте закрепляются и получают развитие ассоциативные связи *кысь* — *рысь* и *кысь* — *кошка* (*кыса*), возникшие, по всей видимости, у автора романа еще до порождения текста, на стадии виртуального бытования лексемы, вследствие проекции ее на лексикон русского языка.

Во-вторых, в экзистенциальное дополнительно включается вводное предложение, художественная функция которого состоит в том, чтобы представить объект под определенным углом зрения. Из содержания этого предложения следует, что ни сам Бенедикт, ни окружающие его горожане не сталкивались

¹⁵ Подробно картина мира, представленная в данном произведении, исследована в диссертационной работе [Крыжановская].

с *кысью* непосредственно, в своей физической реальности; неопределенность референта *старые люди* с его имплицитным указанием на выделяемую некоторую часть названного множества (*существуют старые люди; из них есть отдельные, которые рассказывают, что...*) способствует формированию в художественном мире романа наряду с областью реального области мифического, формирующего миф и сформированного мифом. *Кысь* с самого начала воспринимается читателем как мифическое существо, персонаж мифа, обозначаемого этим именем. Обладающая безусловной экзистенциальной реальностью для мифологического сознания Бенедикта, она не имеет таковой для рационального сознания «Прежних», например Никиты Ивановича:

И Никита Иванович туда же: ничего не понимает, а говорит. Раз говорит: никакой, говорит, кыси нет, а только одно, говорит, людское невежество. Эвона как. А кто людям жилу-то рвет? Кто из шеи кровь пьет?! А?! Не знаешь, дак и молчи. Помалкивай в тряпочку.

Образцы других мифов, излагаемых «старыми людьми», содержатся, к примеру, в рассказах странствующих «чеченцев»:

Будто лежит на юге лазоревое море, а на море на том — остров, а на острове — терем, а стоит в нем золотая лежанка. На лежанке девушка, один волос золотой, другой серебряный. Вот она свою косу расплетает, все расплетает, а как расплетет — тут и миру конец. <...>

Есть большая река, отсюда пешего ходу три года. В той реке живет рыба — голубое перо. Говорит она человеческим голосом, плачет и смеется и по той реке туда-сюда ходит. Вот как она в одну сторону пойдет да засмеется — заря играет, солнышко на небо всходит, день настает. Пойдет обратно — плачет, за собой тьму ведет, на хвосте месяц тащит, а часты звездочки — той рыбы чешуя. <...>

На севере стоит дерево вышиной до самых туч. Само черное, корявое, а цветики на нем белые, ма-а-ахонькие, как соринки. На дереве мороз живет, сам старый, борода за кушак заткнута. Вот как к зиме дело, как куры в стаи собьются да на юг двинутся, так мороз за дело принимается: с ветки на ветку перепрыгивает, бьет в ладоши да приговаривает: ду-ду-ду, ду-ду-ду! А потом как засвищет: ф-щ-щ-щ! Тут ветер подымается, и те белые цветы на нас сыплет: вот вам и снег. А вы говорите: зачем зима.

Поскольку художественный мир романа проецируется на наш, физически реальный, изученный мир, с его установленными наукой законами и достоверными знаниями, мифологическая картина мира, компонентом которой является *кысь*, предстает перед читателем как отчужденная от рационального знания сфера народного вымысла, как то, что не существует на самом деле, но существует в воображении ее носителей. Амбивалентность образа, соединившего в себе мнимость бытия и реальность воздействия, становится основой его дальнейшей символизации.

В-третьих, в экзистенциальном предложении, как и в следующих за ним, отсутствует ситуация специального представления объекта с присвоением ему имени, т. е. интродукция имени. Н. Д. Арутюнова пишет: «Текст обычно открывается экзистенциальными предложениями, утверждающими существование

предмета (лица), о котором пойдет речь... На втором этапе повествования “введенный в бытие” предмет должен быть поименован. Этим обеспечивается возможность его однозначной и недвусмысленной идентификации в дальнейшем повествовании» [Арутюнова, 359]. В данном случае экзистенциальное и интродуктивное предложения не разведены. В состав экзистенциального предложения имя *кысь* вводится как узуальное слово с заведомо известным значением, а потому не требующее предварительного пояснения, что фиксирует точку зрения героя, но не читателя, который не в состоянии приложить данное слово ни к одному из уже известных элементов художественной действительности и для которого поэтому семантика имени оказывается неопределенной (*кысь* — *кто это?*). Отметим, что эта неопределенность семантики лексемы для читателя в значительной мере сохраняется и далее, поскольку семантическое пространство лексемы в рамках данного фрагмента заполняется в основном фреймами, описывающими типовые действия объекта. Мы узнаем, что и как делает *кысь*, к чему приводят ее действия, но не что это за существо. Ее внешний вид, ее физическая ипостась совсем не описываются, более того, категорически утверждается принципиальная невозможность воспринять объект зрением. По ходу дальнейшего повествования упоминаются лишь отдельные детали ее облика и опять же, как правило, при изображении совершаемых ею действий: она «перебирает лапами, вытягивает шею, прижимает невидимые уши к плоской невидимой голове», «кривится невидимое лицо ее, и дрожат когти», «мотает она головой и принохивается», «причмокивает холодными губами» и т. д. Единственный отрезок текста, который может считаться описанием кыси (впрочем, очень фрагментарным и варьирующим ранее сказанное) содержится в главе «Ща»:

Тело-то у ней длинное, гибкое, головка плоская, уши прижаты... Гнать ее! Сама она бледная, плотная такая, без цвету, — вот как сумерки, али как рыба, али как у кота на животе кожа, между ног...

Таким образом, если обычно в тексте, как и в реальной жизни, при познании какого-то предмета мы движемся логически от восприятия его наружности, от формирующегося представления о его внешнем облике к его действиям и отношениям, а затем и к последствиям этих действий (ср. хотя бы подобную последовательность развертывания смыслов в энциклопедической статье о рыси, приведенной выше), то в романе, наоборот, мы от действий объекта и их результатов приходим к его описанию. Эта инверсия смыслов мотивирована художественно, поскольку предназначена отразить постепенное созревание образа кыси в ментальном мире героя. Его сознание само растит в себе разрушительный образ, питая его внутренними страхами (фобиями), и лишь тогда, когда этот образ полностью созрел в сознании героя, становится возможным его описание. Психолог, вероятно, мог бы определить глубинную природу фобий персонажа; для нас же гораздо важнее осознать динамику формирования образа и мифа. Исход-

ной точкой возникновения мифа о кыси, как можно предположить, было наличие среди жителей Федор-Кузьмичска людей, страдающих аутизмом (что могло быть так или иначе связано со Взрывом); миф о кыси предложил простую и удобную основу для объяснения этого болезненного состояния психики. Будучи однажды воспринят и включен в индивидуальную картину мира, общий миф о кыси постепенно становится для Бенедикта ключевым личным мифом, регулирующим все его взаимодействие с универсумом, определяя и моделируя судьбу героя. Отступление от нормативного порядка смыслового развертывания необходимо, чтобы показать последовательное течение этого процесса вызревания личного мифа.

Итак, читательское представление о кыси складывается на основе суммирования разрозненных сведений о немногочисленных деталях внешности и фреймов, описывающих ее типичные действия. Недостаточность информации для необходимого заполнения семантического пространства слова в процессе формирования образа активизирует воображение и задействует ассоциативную способность читателя, заставляя его восполнять недостающие образу черты. Ассоциативный фон образа, определяемый его наименованием, приобретает при этом важнейшее значение.

Наконец, в-четвертых, обращает на себя внимание единственное число лексемы. Примечательно, что в тексте романа нет ни одного случая употребления слова *кысь* в форме множественного числа. Все 30 фиксации этой лексемы (к которым следует добавить употребление слова в такой специфической позиции текста, как название) относятся к единственному числу. Таким образом, она в пределах текста демонстрирует очевидную асимметрию в реализации грамматической категории числа, что, как известно, весьма характерно для собственных имен. Нельзя также не отметить, что из процесса формирования текстовой семантики лексемы исключаются синонимические, антонимические и родо-видовые (гипонимические) отношения; вследствие этого объект, называемый *кысью*, не только не включается в какой-либо класс объектов, что дало бы возможность сопоставления его с другими объектами внутри класса, но с самого начала вводится в качестве единичного, уникального, принципиально не объединяющегося с какими-либо другими объектами в однородную совокупность¹⁶. Все это дает нам возможность видеть в лексеме окказиональное имя собственное и причислить его, таким образом, к литературным онимам. Принимая во внимание принадлежность формируемого именем образа к сфере мифа и учитывая влияние, которое оказывает

¹⁶ Следует заметить, что употребление лексемы *кысь* в предложении *В тех лесах... живет кысь* не аналогично употреблению соответствующих лексем в предложениях типа *В уральских лесах водится волк, медведь, рысь, кабан*, где единственное число связано с выражением значения собирательности и подразумевает реальную множественность называемых предметов. В указанном предложении слово *кысь* не выражает такого значения, и это проявляется далее в характере семантики предикатов, обозначающих конкретные действия одного конкретного существа в конкретных ситуациях.

на формируемый образ ассоциативный фон имени, ономастический окказионализм *кысь* можно отнести к разряду *литературных мифозоонимов*.

С принадлежностью к ономастической лексике связана специфика семантики данного слова, легко вмещающей всю информацию о референте и в результате ее обработки проявляющей денотат имени. Все сведения, сообщаемые в тексте о данном существе, включаются в денотат мифозоонима, способствуя его расширению и обогащению. Денотативный, а не сигнификативный характер семантики обуславливает употребление лексемы почти исключительно в идентифицирующей функции¹⁷. Лишь в конце романа, когда семантика онима достигает максимального насыщения, в результате метафорического переноса оним получает возможность занять позицию предиката, и это расширение номинативного потенциала онима важно в концептуальном плане: оно маркирует момент, когда в тексте открыто декларируется новый угол зрения на героя, который, являясь жертвой *кыси*, сам становится *кысью* в отношении других. Вот этот эпизод:

— Чего вы вообще?.. Вы вообще... вы... вы... вы — кысь, вот вы кто!!! — крикнул Бенедикт, сам пугаясь: вылетит слово и не поймает; испугался, но крикнул. — Кысь! Кысь!

— Я-то?.. Я?.. — засмеялся тесть и вдруг разжал пальцы и отступил. — Обозначка вышла... Кысь-то — ты.

— Я-а?!?!?!

— А кто же? Пушкин, что ли? Ты! Ты и есть... — Тесть смеялся, качал головой, разминал затекшие пальцы, погасил в глазах свет — только красноватые огни перебежали в круглых глазницах. — А ты в воду-то посмотришь... В воду-то... Хе-хе-хе... Самая ты кысь-то и есть...

В связи с явной направленностью онима на выполнение идентифицирующей функции¹⁸ вполне понятно почти полное отсутствие при лексеме каких-то иных, дополнительных, лингвистических средств, способствующих идентификации предмета (уточняющих значение имени прилагательных, определительных придаточных, указательных местоимений и т. п.)¹⁹. Как известно, «поскольку имя собственное однозначно указывает на своего носителя, оно не нуждается

¹⁷ Связь между характером семантики слова и его функцией в предложении убедительно показана в работах Н. Д. Арутюновой, в том числе и в указанной выше. Речь в них, разумеется, идет о функциях имени как лингвистической единицы, а не о функциях, связанных с его принадлежностью к эстетическому плану произведения.

¹⁸ Н. Д. Арутюнова называет имена собственные «идеальными идентификаторами предмета» [Арутюнова, 336].

¹⁹ Справедливости ради нужно отметить, что отдельные случаи непредикативного употребления прилагательных при лексеме *кысь* имеются (*незримая, голодная, бледная*), но цель их употребления не столько идентификация предмета (так как они отнюдь не отличают незримую кысь от другой, зримой, голодную от сытой, бледную от румяной и т. д.), сколько акцентирование посредством повтора основных коннотем образной структуры. Эстетические задачи при построении и функционировании художественного текста превалируют в данном случае над потребностями лингвистической прагматики.

в атрибутах, которые бы выражали отличительные приметы объекта» [Арутюнова, 12]. Установление однозначного тождества объекта в различных ситуациях его появления с легкостью обеспечивается ономастическим статусом номинативной единицы. Так, читая фрагмент текста, где *кысь* упоминается во второй раз, любой реципиент уже не может не идентифицировать объект как *тот самый*, тот, о котором ему ранее стало известно, о котором уже шла речь в первом фрагменте: «Застонут высокие деревья в северных лесах, выйдет из лесу кысь, подступит к городку, завоет жалобно: кы-ысь! кы-ысь!».

Несомненно, что это именно то самое существо, о действиях которого рассказывалось в предыдущем эпизоде, а не похожее на него, не подобное ему, не представитель того же класса существ. Читатель легко идентифицирует объект как раз в силу того, что этот объект уникален в художественном мире романа. Эта уникальность, манифестируемая принадлежностью слова к ономастической лексике, важна не только в лингвистическом, но и в художественном отношении. Оним беспрепятственно и легко вбирает в свою семантику все признаки референта, аккумулируя в своем означаемом неповторимый комплекс качеств, на основе которого происходит концептуализация и символизация образа. Попробуем проследить, как формируется семантика онима в тексте романа, какие текстовые механизмы при этом задействуются и какую стратегию избирает автор при конструировании его смысловой структуры.

3

Ранее мы пришли к выводу, что ассоциативная активность онима в его первичном тексте была обусловлена, по крайней мере, двумя факторами: во-первых, интуитивным представлением о словообразовательной модели, по которой строится ономастический окказионализм, о его, так сказать, внутренней форме, задающей основные ассоциативные ряды, и, во-вторых, фоносемантической значимостью его означающего²⁰. В новом тексте оба этих фактора не только не перестают действовать, но интенсивность их воздействия в соответствии с авторской волей заметно усиливается, поскольку семантическое пространство слова начинает обогащаться новым содержанием и претендовать на центральное место в смысловой структуре произведения.

Чтобы добиться ассоциативного сближения образа кыси с рысью, автор формирует семантику слова на основе двух смысловых рядов: с одной стороны, он приписывает кыси такие признаки, которые присущи стереотипному представлению о рыси, имеющемуся у рядового носителя русского языка; с другой —

²⁰ Показательно, что А. П. Журавлев, говоря о фоносемантике собственных имен, подчеркивает особую значимость именно фонетического и ассоциативного аспектов их значения [см.: Журавлев, 1974, 139].

определенные признаки, никоим образом не совпадающие с этим стереотипным представлением. В то же время признаки, образующие эти ряды, не являются по отношению друг к другу контрадикторными, т. е. отрицающими друг друга. В результате ассоциация *кысь* — *рысь*, получив опору в лексической и смысловой структуре образа, возникает и развивается в сознании читателя, но при этом не происходит ни отождествления реального лесного хищника с мифическим персонажем (*кысь* — *это та же рысь, только иначе названная*), ни осознанно-рационального, аналитически-расчлененного сопоставления их. Образ-стереотип реального животного для читателя оказывается неотчетливым фоном художественного образа, и, чтобы обнаружить «мерцание» этого фона, ему необходимо фокус внимания переключить с концептуальных текстовых структур на лингвистические и семиотические механизмы формирования образа, т. е. сменить установку на чтение установкой на исследование.

Уже в первых текстовых фрагментах, в которых фигурирует *кысь*, ей приписан ряд вполне «рысьих» качеств, которые можно сравнить со стереотипным представлением о рыси и ее действиях. Она живет в глухом лесу, является крупным хищником, «сидит на темных ветвях», подкарауливая добычу, откуда зачастую нападает на свою жертву, пуская в ход зубы и когти. Она «перебирает лапами», «вытягивает шею», «прижимает... уши к плоской... голове» — движения, легко связываемые в воображении читателя с представителями семейства кошачьих. У нее длинное, гибкое тело и плоская головка, что может напомнить о рыси; манерой двигаться она опять же напоминает рысь из-за кошачьей плавности движений:

Это она там, на ветвях, в северных лесах, в непролазной чашобе, — плачет, поворачивается, принохивается, перебирает лапами, прижимает уши, выбирает... выбрала!.. Мягко, как страшный, невидимый Котя, соскочила с ветвей, пошла, пошла, пошла, — ползком под буреломом, под завалами сучьев, колючек, длинным скачком через седой, мохом обросший, метелями поваленный сухостой!.. Ползком и скачком, гибко и длинно; поворачивается плоская головка, поводит из стороны в сторону: не упустить, не потерять бы следа: далеко в худой избе, на лежанке, налитый теплой кровью, как квасом, лежит и дрожит, в потолок устался Бенедикт.

Кысь обладает очень острым зрением²¹, а ее взгляд, устремленный в спину жертвы, может, по поверью, причинить человеку физические и душевные страдания²²:

Другой раз кому пожалуешься, а тебе и скажут:
— Это тебе *кысь* в спину смотрит.

²¹ См. словарное определение лексемы *рысь*: «хищное млекопитающее семейства кошачьих с очень острым зрением» [Ожегов, Шведова, 679], а также переносное значение прилагательного *рысий* в выражении *рысий взгляд*: «острый», «зоркий» [Там же].

²² Согласно словарю, *рысьи глаза* — «зеленовато-желтые, зоркие или злые» [БТСРЯ, 1137]. Зоркость и злобность, присущие стереотипному представлению о рыси, служат в романе основой для формирования мифа о способности *кыси* агрессивно воздействовать на жертву, находясь на значительном расстоянии от нее.

Вместе с тем с самого начала кыси приписываются некоторые качества, не только не вписывающиеся в стереотипное представление о рыси, но и явно противоречащие ему. Она невидима для человеческого глаза («...а видеть ее никто не может»), хотя доступен для человеческого слуха ее крик («...и кричит так дико и жалобно: кы-ысь! кы-ысь!»), больше напоминающий вой и совсем не похожий на те звуки, которые могла бы издавать реальная рысь. И существующая в физической реальности рысь, и мифологическая, не существующая вне мифа кысь схожи в том, что являются хищниками, охотящимися на теплокровную добычу, но единственным объектом нападения для кыси является человек, тогда как рысь на человека нападает редко и лишь в особых случаях. И, наконец, последствием нападения кыси является не просто физическое увечье («...а она ему на шею-то сзади: хоп! и хребтину зубами: хрусь!»), но исчезновение социализированной личности, распад всех конституирующих ее связей и превращение человека в живого мертвеца, в своеобразного зомби.

Нужно сказать, что предцирование объекту тех или иных признаков — не единственный способ «пробудить» в сознании читателя необходимую ассоциативную реакцию. Достижению того же результата способствует и образование в тексте определенных образных оппозиций, манифестированных на ономастическом уровне синтагматическим и семантическим сближением номинирующих образы имен. Речь идет об отношении онимов *кысь* и *Котя*, которые встречаются в отдельных синтагматически смежных контекстах. Данное имя, традиционно относимое в произведениях русского фольклора к коту²³, закрепляется за образом, представляющим другую ипостась «кошачьего», — кошки как домашнего животного, пушистого, мурлычущего и ласкового, с которым приходит в дом уют и спокойствие. Первый случай синтагматического сближения двух имен имеет место в рамках следующего фрагмента:

Застонут высокие деревья в северных лесах, выйдет из лесу кысь, подступит к городку, завоет жалобно: кы-ысь! кы-ысь! А над городком снежный ветер бушует, над теремами завивается, далеко разносит дикую жалобу.

Представилось Бенедикту, как сидит он в детстве на печи, свесив валенки, а за окном метель гуляет. Трещит синеватая свечка из мышиноного сала, тени под потолком пляшут, матушка у оконца сидит, вышивает цветными нитками полог или полотенце. Из-под печки вылезает Котя, мягкий, пушистый, прыгает Бенедикту на колени. Матушка Котю не любит: если он за подол ей уцепится, всегда его стряхивает. Говорит, не может его голого розового хвоста видеть, морды с хоботком. И не нравится ей, что пальчики у него тоже розовые, детские. Будто в ее молодости звери эти совсем другими были.

Семантическое пространство онима *Котя* формируется аналогичным вышеописанному способом: референту имени приписываются как качества, соответствующие стереотипному представлению о домашнем коте, так и противоречащие ему.

²³ Например, в известной колыбельной песне: «Котя, серенький коток...».

В результате образ Коти воспринимается на фоне этого стереотипного представления, но, в отличие от образа кысы, фон в данном случае является вполне проявленным и ясно осознаваемым. Читатель должен осознанно спроецировать стереотипное представление о существое реальной действительности на существо художественного мира, зафиксировать их различия и воспринять один объект как однозначную трансформацию другого (*Котя — это представитель породы котов, мутировавшей после Взрыва*). Этому способствует узуально закрепленное собственное имя, выбор фреймов, входящих в семантическое пространство онима, и, наконец, включение в текст прямого указания на произошедшую метаморфозу. Таким образом, денотат онима *Котя*, воплощая собой сознательно трансформированное представление об одном из самых привычных животных домашнего обихода, наряду с денотатами других объектов художественного мира осуществляет его проекцию на реальный мир, моделируя одну из его художественных ипостасей, как бы один из вариантов его будущего.

Появление обоих имен в рамках одного фрагмента сюжетно мотивировано движением мысли героя, направляемым отношениями сходства и противоположности мыслимых объектов. От чуждого, далекого, враждебного мира, обитателем которого является и воплощением которого становится кысь, внутренний взгляд персонажа вначале движется к промежуточному, составляющему периферию своего пространства миру (городку). Но, так как это пространство перестало быть безопасным в результате агрессии чужого мира (кысь подступает к стенам городка), мысль героя продолжает движение и сосредоточивается в наиболее защищенной от внешней угрозы хронотопической зоне. В пространственном отношении это дом Бенедикта, в темпоральном — пора его детства. Метель как атрибут чужого мира и кысь как воплощение его сущности остаются за стенами и перестают представлять опасность для находящихся внутри дома. Образуется оппозитивный ряд элементов образной и мотивной структур, каждый из которых прочно привязан к одному из миров — либо внешнему, несущему угрозу, либо внутреннему, безопасному и комфортному. Примерами подобных оппозиций являются «снаружи/внутри», «тьма/свет», «холод/тепло» (не случайно Бенедикт представляет себя сидящим на печи), «опасность/безопасность» и т. п. Естественно, что все эти оппозиции находят отражение в лексической структуре данного фрагмента. Образы *кысы* и *Коти* коррелируют и, будучи привязаны каждый к своему миру, тем самым маркируют противопоставление их миров. Определенная общность, как мы отмечали, фиксируется и в означающих этих имен, содержащих отсылку к апеллятивам *кыса* и *кот*, что, конечно, поддерживает коррелятивность онимов. В целом, однако, их коррелятивность в рамках данного фрагмента имплицитна, т. е. не выражена никакими специальными лингвистическими средствами и следует из анализа их отношений с контекстом. Композиционно это подчеркивается абзачным делением, разграничивающим онимы, а также те семантические миры, которые они представляют.

Второй фрагмент текста (см. выше), в котором онимы употребляются в синтагматически смежных позициях, в отличие от первого, содержит лингвистический показатель, манифестирующий их сходство — в качестве такового выступает сравнительный союз. Здесь сопоставление двух объектов художественного мира, выявляющее наличие общего и противопоставляемого, особенно отчетливо, поскольку зафиксировано в формальной синтаксической структуре. Бенедикт, представляя мягкие и ловкие движения воображаемой кыси, сравнивает их с движениями Коти и, следовательно, видит в них нечто кошачье, нечто свойственное представителям этого семейства с их грациозной точностью движений. Интересно, что сходство объектов в данном эпизоде реализуется посредством глагольного ряда, тогда как противопоставление объектов реализовано эпитетами-прилагательными. В качестве определений к ониму *Котя* использованы прилагательные *страшный* и *невидимый*, чья семантика к этому моменту для реципиента не только прочно связана с образом кыси, но даже составляет доминанту его восприятия и оценки²⁴. Отметим, что сравнительная конструкция маркирующая корреляцию этих онимов и синтагматически сближающая образы *кыси* и *кота*, встречается в тексте еще один раз: «Сама она <кысь> бледная, плотная такая, без цвету, — вот как сумерки, али как рыба, али как у кота на животе кожа, между ног...».

Образная оппозиция *кысь/кот*, обладающая достаточной устойчивостью в тексте, оттеняет «кошачье» в образе *кыси* и подталкивает читателя к развитию ассоциативной связи *кысь* — *рысь*. Все вышеизложенное побуждает нас сделать вывод, что возникшая в первичном для окказиональной лексемы тексте и увлеченная творческим сознанием писательницы ассоциативная связь затем проявляется в лексической и смысловой структуре нового текста и каузирует формирование соответствующего ассоциативного фона у художественного образа.

Усиливает свое действие и становится более ощутимым в тексте также фактор фоносемантической значимости экспонента онима. В данном отношении следует ожидать, что воздействие означающего лексемы тем сильнее, чем чаще появляется это окказиональное слово в тексте, так как отдельные акты восприятия фоносемантического ореола его словоформ²⁵ неосознанно суммируются

²⁴ Еще раз подчеркнем, что употребляемые в данном случае определения, как и прочие семантически связанные с *кысью*, служат не задаче логической идентификации предмета (решение этой задачи, как уже было сказано, полностью обеспечивается ономастическим статусом имени), а стилистическим задачам построения образной и смысловой структуры художественного текста.

²⁵ Из 30 словоформ в тексте романа (без учета его названия) 24 (80 %) относится к форме им. п., по 3 (10 % + 10 %) — к формам род. и вин. п. Формы остальных падежей в тексте отсутствуют. Учитывая преобладание в русском языке активной конструкции предложения и его общее тяготение к номинативному строю, можно видеть в падежной дистрибуции имени прямое указание на принцип художественного изображения *кыси*: *кысь* изображается как самодовлеющий и активный субъект действия, и, наоборот, для нее нетипична позиция прямого или косвенного объекта, на который действие направляется кем-то другим.

подсознанием реципиента и поэтому для него отчетливее проявляются доминирующие звуко-символические признаки лексического экспонента. Если уподобить отдельные акты восприятия и воздействия экспонента тем каплям, которые обтачивают камень, сущность происходящего можно было бы выразить известными строками Овидия: «*Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo*». Сама частотность слова²⁶ (а 31 словоупотребление в данном объеме прозаического текста для окказионального существительного, несомненно, высокая частотность) усиливает доминантные признаки фоносемантического ореола и способствует иррадиации их на весь художественный текст. Однако автор текста не ограничивается даже такой высокой частотностью и находит способ еще более увеличить силу воздействия лексического экспонента. Для этого он прибегает к созданию своеобразного дублета имени, который регулярно сопровождает употребление онима в большом количестве его контекстов. Этот дублет представляет собой звукоподражательное изображение крика кыси, звучащего в воображении Бенедикта и аккумулирующего в себе весь спектр отрицательных эмоций, воздействующих на героя. С лингвистической точки зрения, речь идет о звукоподражательном слове (разумеется, тоже окказиональном), экспонент которого очень близок (но не идентичен) экспоненту существительного²⁷. Это звукоподражание встречается в тексте 14 раз, заметно увеличивая общую частотность появления данного буквенно-звукового комплекса в тексте. Его экспонент содержит тот же самый набор графем, что и экспонент окказионального онима, но по сравнению с ним в состав звукоподражательного слова вводится дополнительная графема (или несколько графем) *ы*, что имитирует протяжный, полный мучки крик или вой кыси. Экспонент *кы-ысь* фиксируется 8 раз, экспонент *кы-ы-ысь* — 4 раза, *кы-ы-ы-ы-ысь* — 2 раза. Нас, однако, в данном случае интересует не сюжетная мотивировка введения в текст этого фонетического дублета окказиональной лексемой, а тот фоносемантический эффект, к которому приводит его использование в тексте. Помимо того, что возросшая частотность употребления данного звукобуквенного комплекса обуславливает более сильное и регулярное фоносемантическое воздействие экспонента на читателя, дополнительная графема сама по себе оказывает существенное влияние на формирование фоносемантического ореола онима и на яркость проявления характеристик его экспонента по тем или иным признаковым шкалам. Объясним, что мы имеем в виду.

²⁶ Высокую частотность обычно считают одним из важных критериев выделения ключевых слов [см., например: Николина, 185].

²⁷ Попутно отметим специфичность отношений между существительным и звукоподражанием в данном тексте. Первичным (синтагматически, семантически и этимологически) является существительное, а звукоподражательное слово производится от него и сопровождает его в тексте, тогда как в естественном языке обычно обратное отношение: существительное является производным от звукоподражания (*кукушка* образуется от *ку-ку* и т. п.).

Когда мы рассчитывали звуко-символические качества лексемы *кысь* по признаковым шкалам, мы при изложении полученных результатов не останавливались подробно на роли отдельных звукобукв этого слова. Между тем методика А. П. Журавлева, по которой производились расчеты, постулирует заведомое неравенство звукобукв в создании совокупного фоносемантического впечатления. Звукобуквы с меньшей частотностью воздействуют на реципиента сильнее, чем звукобуквы с большей частотностью; играет немаловажную роль и позиция звукобуквы (инициальная, а также акцентно выделенная). Определяющей для экспонента лексемы *кысь* является звукобуква *ы*, которая значительно менее частотна, чем *к* или *с'*: ее частотность, по данным А. П. Журавлева, составляет 0,006, что в 5 раз меньше, чем у *к* (0,030), и почти в 3 раза ниже, чем у *с'* (0,017) [см.: Журавлев, 1981, 159]. К тому же она находится под ударением, и это еще более увеличивает ее звуко-символическую значимость в слове. Поэтому оценки звукобуквы *ы*, по сути дела, становятся базовыми для формирования оценок всего экспонента лексемы, а остальные звукобуквы выполняют более или менее корректирующую по отношению к ним роль. В ряде случаев они ослабляют по отдельным шкалам итоговую оценку слова, приближая общий коэффициент к среднему значению и нейтрализуя значимые отклонения, присущие звукобукве *ы*. Максимальное отклонение итоговой оценки от оценки этой важнейшей звукобуквы составляет 0,75 (по шкале *быстрый/медленный*); остальные отклонения меньше и в среднем составляют 0,34. Чтобы наглядно продемонстрировать вышесказанное, представим сравнение оценок звукобуквы *ы* и полученных нами итоговых оценок полного экспонента слова по указанным 25 шкалам (см. табл. 2).

Из таблицы понятно, что добавление в состав экспонента дополнительной графемы *ы* (а тем более нескольких графем) в еще большей мере приблизит итоговые оценки к фоносемантическим параметрам этой звукобуквы.

Таким образом, введение в текст названного звукоподражательного элемента, синтагматически строго привязанного к ониму, значительно усиливает, по нашему мнению, выразительность его означающего и соответственно облегчает восприятие звуко-символических качеств означающего реципиентом.

Из всего изложенного, однако, остается неясным, влияют ли свойственные экспоненту онима фоносемантические характеристики на лексическую и смысловую структуру текста, происходит ли иррадиация этих признаков с имени на другие текстовые структуры, или влияние фоносемантического ореола лексемы проявляется исключительно через ее экспонент; и, кроме того, если такое влияние имени на текст имеет место, то в чем оно сказывается и как реализуется в тексте.

Мы склонны положительно ответить на первый вопрос. Экспонент онима не закрепляет доминантные фоносемантические признаки за собой, но транслирует их на другие текстовые структуры, заставляя их выстраиваться в соответствии с диктуемыми звуко-символическими параметрами. Это находит отражение в развитии определенных мотивов, каждый из которых, будучи так или иначе

Таблица 2

Шкала	<i>Ы</i>	Признак <i>ы</i>	Экпо- нент	Признак экспонента	Разница
Большой / маленький	1,7	боль шой	2,4	большой	+0,70
Длинный / короткий	2,2	длинный	2,91	<i>никакой</i>	+0,71
Гладкий / шероховатый	2,5	гладкий	3,04	<i>никакой</i>	+0,54
Величественный / низменный	3,1	<i>никакой</i>	3,27	<i>никакой</i>	+0,17
Подвижный / медлительный	3,9	медлительный	3,32	<i>никакой</i>	-0,58
Женственный / мужественный	3,8	мужественный	3,41	почти мужественный	-0,39
Хороший / плохой	3,6	плохой	3,47	почти плохой	-0,13
Безопасный / страшный	3,5	страшный	3,5	страшный	0
Красивый / отталкивающий	3,7	отталкивающий	3,57	отталкивающий	-0,13
Активный / пассивный	4,0	пассивный	3,64	пассивный	-0,36
Быстрый / медленный	4,4	медленный	3,65	медленный	-0,75
Радостный / печальный	3,6	печальный	3,65	печальный	+0,05
Яркий / тусклый	3,6	тусклый	3,72	тусклый	+0,12
Веселый / грустный	3,7	грустный	3,56	грустный	-0,14
Простой / сложный	3,1	<i>никакой</i>	3,25	<i>никакой</i>	+0,15
Добрый / злой	2,7	<i>никакой</i>	2,87	<i>никакой</i>	+0,17
Светлый / темный	3,8	темный	3,59	темный	-0,21
Нежный / грубый	3,8	грубый	3,55	грубый	-0,25
Горячий / холодный	4,0	холодный	3,75	холодный	-0,25
Легкий / тяжелый	3,5	тяжелый	3,22	<i>никакой</i>	-0,28
Храбрый / трусливый	2,8	<i>никакой</i>	3,12	<i>никакой</i>	+0,32
Округлый / угловатый	2,9	<i>никакой</i>	3,29	<i>никакой</i>	+0,39
Сильный / слабый	2,5	сильный	2,99	<i>никакой</i>	+0,49
Могучий / хилый	2,5	могучий	3,03	<i>никакой</i>	+0,53
Громкий / тихий	2,4	громкий	2,99	<i>никакой</i>	+0,59

связан с кысью, имеет свой исток и опору в фоносемантическом облике имени. Естественно, мотивная структура формируется средствами лексики, так что задействованной оказывается и лексическая структура текста. Наконец, мотивные элементы, варьирующиеся в тексте, не являются автономными и самодостаточными, а выражают некоторые концептуальные смыслы, организующие

концептуальный план произведения. Таким образом, те фоносемантические качества онима, которые присущи его экспоненту, подхватываются, определенным образом трансформируются и развиваются текстом, влияя на функционирование ряда важнейших его структур. Рассмотрим этот процесс более подробно.

Как было сказано выше, экспонент лексемы *кысь* получил значимые оценки по 13 шкалам. Он был охарактеризован как «большой», «почти мужественный», «почти плохой», «страшный», «грубый», «грустный», «отталкивающий», «темный», «пассивный», «медленный», «печальный», «тусклый», «холодный». Из этих оценок, пожалуй, лишь одна («почти мужественный»), обладающая, кстати сказать, наименьшим из всех коэффициентом интенсивности проявления признака, оказывается более или менее индифферентной к содержанию образа и не востребованной (или мало востребованной) в процессе его формирования. Остальные признаки активно задействуются и входят в формирующееся семантическое пространство, коннотативно окрашивая его. Некоторые признаки, транслируемые экспонентом онима, относятся непосредственно к характеристике самой кыси; другие характеризуют пространство ее обитания; отдельные относятся к характеристике жертв кыси, тех, кто контактировал с ней и пострадал от нее; наконец, большая часть признаков относится одновременно к двум или трем художественным конструктам²⁸.

Поскольку *кысь* является воплощением чужого для героя мира, начнем с описания тех признаков, которые являются атрибутами этого мира. По шкале «светлый/темный» это темный мир, и потому *кысь* неизменно связана с темнотой. Место ее обитания — «дремучие леса», «пустынные», «темные», «сидит она на темных ветвях», выходит из леса зимним вечером, когда «занесет избы по самые окна», вой ее разносится ночью, когда «молчат черные избы на черных пригорках», взгляд кыси Бенедикт чувствует на закате и прячется «в тухлой избыной тьме», «не додышав... синего вечернего воздуха» и т. д. Жертвы кыси уподобляются лунатикам, которые «ходят во сне под луной», и «чувствуется им» «мрак черным-черный». В лексической структуре образа кыси доля лексики с соответствующей семой очень высока. Приведем в доказательство сказанного фрагмент текста, выделив курсивом лексические и синтаксические единицы, семантически и ассоциативно связанные с реализацией микротемы «темнота» (о выделенных жирным лексемах см. комментарий ниже):

...*Заметет* избу по самые окна... Зажжет Бенедикт мышиную сальную свечку, сядет за стол, подопрет голову рукой, пригорюнится, глядя в *тощий огонек*: *темные* бревна над

²⁸ Вообще говоря, нужно хорошо понимать искусственность и условность подобного деления; художественный текст, ориентированный на повышенную ассоциативную активность реципиента, на его способность переносить смысловые признаки с одних структур на другие, противится строго рациональному разграничению смыслов. Ассоциативные связи способствуют развитию амбивалентности — важнейшего и неотъемлемого свойства художественного текста.

головой, вой **снежных** пустошей за стенами, вой кыси на *темных* ветвях в **северной чаще**: кы-ысь! кы-ысь! Так завоет, будто ей недодали чего, будто нет ей жизни, если не выпьет живую душу, нет покоя, голодом свело кишки, и мотает она незримой головой, и вытягивает незримые когти, шарит ими по *темному* воздуху, и причмокивает **холодными** губами, ищет теплую человеческую шею — присосаться, упиться, наглотаться живого... Мотает она головой, и принохивается, и почуяла, и соскочила с ветвей, и пошла, и плачет, и жалуется: кы-ы-ысь! кы-ы-ысь! И **снежные смерчи** поднимутся с *темных* полей, где *ни огонька* над головой, ни путника на бездорожье, ни **севера**, ни юга, только белая *тьма* да **метельная слепота**, и понесутся **снежные смерчи**, и подхватят кысь, и полетит над городком *смертная жалоба*, и **заметет** *тяжелым сугробом* мое слабое, *незрячее*, захотевшее пожить сердце!..

По шкале «горячий/холодный» мир кыси, безусловно, холодный. Холод может пониматься в тексте двояко: с одной стороны, это внешний холод, холод окружающего пространства, холод физический; с другой стороны, это ощущение холода, холод внутренний, то, что субъект чувствует внутри себя. Само собой разумеется, что два этих значения, хотя и связаны друг с другом, могут не совпадать: допустим, страдая ознобом, человек вполне может чувствовать, что ему холодно («внутренний» холод) даже в жарко натопленной комнате, и наоборот, он может испытывать внутренний жар даже в сильный мороз. Оба значения *холода* реализованы в романе. Первое значение («внешний холод») относится к пространству, где обитает кысь; второе («внутренний холод») — к ней самой. Обитает она «в северных лесах»²⁹, подступает к городку, когда в полях «метель ходит белыми столбами, как тот, кого волокут под руки, а голова запрокинулась» (что, конечно, не может не напомнить о жертвах кыси) и в городке «снежный ветер бушует», когда «просится в дом что-то белое, тяжелое, холодное, незримое» и когда «весь городок издалека представится, как оброненный в сугроб». Она почти сливается с метелью в одно целое: «где поземка стелется, пылит по оврагам, где метель столбом, где снежный смерч с полей поднялся, там и она: летит в поземке, вьется в метели!». Лексический ряд, характеризующий мир кыси, включает такие слова, как *север*, *северный*, *метель*, *поземка*, *снег*, *снежный*, *сугроб* и другие, содержащие в своей семантике сему 'холод'. Можно показать это на примере приведенного ранее фрагмента текста, выделив единицы, образующие данный ряд, жирным шрифтом.

Кысь, являясь порождением холодного мира, и сама испытывает этот лютый холод внутри себя, страдая от него и стараясь прекратить мучительное ощущение холода и голода при помощи отнятого человеческого тепла своей жертвы. Поэтому тревожное ощущение приближения кыси у героя тоже связыв-

²⁹ Повторное употребление определения *северные* по отношению к *лесам* в аспекте «чистой» информативности является избыточным, так как в первом же фрагменте, в котором появляется *кысь*, указывается, что кысь живет в лесах, расположенных в северном направлении от городка Федор-Кузьмичска. Тем не менее, эпитет регулярно используется автором, акцентирующим мотив холода — один из важнейших в мотивной структуре образа кыси.

вается с холодом: «и тревога холодком ... тронет сердце». Следовательно, признак «холодный», относясь, прежде всего, к описанию пространства, в котором существует кысь, распространяется и на сам ее образ, и на объекты ее губительного воздействия.

По шкале «нежный/грубый» мир кыси можно квалифицировать как грубый, в соответствии с теми действиями, которые он предпринимает по отношению к человеку, попавшему в него: «...дремучие леса, бурелом, ветви переплелись и пройти не пускают, колючие кусты за порты цепляют, сучья шапку с головы рвут». Не назовешь нежными и действия самой кыси: «...она ему на шею-то сзади: хоп! и хребтину зубами: хрусь! ... главную-то жилочку нащупает и перервет...». Впрочем, надо признать, что с позиции читателя данный признак относится не только к кыси и ее миру, но и к своему для Бенедикта миру городка, где всем формам отношений между людьми свойственна примитивная грубость (эпизодов, иллюстрирующих это, немало в романе). Данный признак, следовательно, не является коррелятивным для читателя в противопоставлении двух художественных пространств; он в большей мере противопоставляет художественный мир романа в целом конструируемому в сознании читателя идеальному миру. С позиции персонажа, однако, чужой мир предстает как грубый, свой же мир — как обычный, повседневный, не дающий оснований для данной оценки и (особенно в начале романа) вызывающий к себе скорее нежные чувства.

Признак «тусклый», задаваемый экспонентом онима, реализуется в лексической и смысловой структуре текста двояко. Во-первых, он используется для развертывания мотива темноты, объединяясь, таким образом, с признаком «темный». Тусклый свет, будь он естественным светом заката за порогом дома или слабым искусственным светом свечи внутри жилища, всегда связан с темнотой, свидетельствуя о наступлении темного времени и приближении кыси. Бенедикт вспоминает о кыси в тот момент, когда «медвежьи пузыри на окнах синевой отливают» и «вечер уже»; он задумывается о ней, «глядя в слабый, синеватый огонек свечи», «в тощий огонек»; прячется от нее, «не досмотрев заката, не додышав сырого, синего вечернего воздуха». Наступление темного мира гасит все яркие краски, сливая их в один тусклый оттенок, который предвещает скорейшее воцарение темноты и приближение кыси. Во-вторых, признак «тусклый» находит отражение в описании самой кыси: «сама она бледная, плотная такая, без цвету, — вот как сумерки, али как рыба, али как у кота на животе кожа, между ног...» и поддерживает мотив незримости кыси, один из важнейших в мотивной структуре образа. Он возникает в тексте с первого же эпизода: «сидит она на темных ветвях... — а видеть ее никто не может» — и регулярно проявляется в дальнейшем повествовании. Бенедикт внутренним зрением представляет, как «качается на ветках, — вверх-вниз, — незримая кысь», «кривится невидимое лицо ее», как «мотает она незримой головой, и вытягивает незримые когти» и «ни следа не оставит лапами на снегу». Мотив незримости кыси, влекущий

за собой представление об ее бестелесности, очень важен для символизации этого образа.

Признак «большой», в отличие от ранее рассмотренных, не проявляется непосредственно в формировании собственных лексических рядов, им объединенных, он реализуется через ассоциативные связи лексем некоторых других рядов. Вообще, признак величины имеет явно релятивный характер, и закономерно может возникнуть вопрос об эталоне измерения величины. Обычно таким эталоном служит некий стереотип, типизированное представление об объекте данного класса, и относительно этого стереотипа выносятся наше суждение о величине каждого отдельного объекта. Так, дога мы скорее назовем большой собакой, а болонку маленькой, ориентируясь на определенный эталон величины этого животного, который сложился в нашем сознании. В данном случае, однако, подобный способ «измерения» объекта и присвоения ему того или иного признака размера не может быть использован, потому что, как уже говорилось ранее, кысь представляет в художественном мире романа уникальный объект, не допускающий объединения с другими объектами в рамках одного класса. Более того, в своем мире, в мире «северных лесов», она изображается единственным живым существом; какие-либо другие обитатели этого мира в тексте не представлены³⁰. В таких условиях для человека естественным эталоном величины живого существа является его собственный размер, с которым и сравнивается величина оцениваемого животного. Скажем, кошку мы скорее оценим как маленькое животное, а лошадь или корову как большое (ср. переносное употребление этих лексем в отношении человека, акцентирующее признаки величины или массивности объекта номинации). В этом смысле кысь воспринимается как большое животное, так как она сильнее человека и всегда выходит победителем из единоборства с ним. Признак величины, таким образом, коррелирует с признаком силы, будучи связан с ним ассоциативно. Поэтому кысь летит в метели, как бы сливаясь с ней; метель воспринимается как нечто «большое», захватывающее значительные пространства, а кысь «перенимает» у метели это качество. Корреляция величины и силы проявляется и в способности кыси активно воздействовать на человека, подчинять его душу на большом расстоянии: «Вот что она делает, кысь-то, вот что она уже издалека с тобой делает... — через дальнюю даль, сквозь снежную бурю, сквозь толстые бревенчатые стены, а случись она рядом?...». Показательно, что, когда герой начинает смотреть на свой мир извне, как бы глазами кыси, его мир представляется ему маленьким: «...и представится тебе вдруг твоя изба далекой и малой, словно с дерева смотришь, и весь городок издалека представится, как оброненный в сугроб...». Признак

³⁰ Конечно, в тексте романа изображаются или упоминаются некоторые лесные обитатели: дрявница, слеповран, русалка и др., — но это обитатели другого леса, не того непроходимого северного леса, где живет кысь, а более освоенного и безопасного для людей, где у Кудеярыча «птицеловы цельный день в лесу сидят, полны силки приносят».

величины иррадирует с кыси на ее мир — «дремучие леса», — в название которого закономерно входит лексема во множественном числе с указанием на значительную пространственную протяженность.

По шкале «красивый/отталкивающий» экспонент лексемы охарактеризован оценкой «отталкивающий». Данный признак реализован в тексте в аспекте отношений героя и кыси. Бенедикт, воображение которого дает кыси власть над собой, стремится отстранить, отогнать навязчивый образ: «нет, нет, нельзя, ну ее, не думать о ней, гнать, не думать...»; «...передернулся весь, замотал головой, чтоб не думать, глаза зажмурил, уши пальцами заткнул, язык высунул да прикусил; гнать ее из мыслей, гнать ее, гнать ее!». Если кысь, являясь порождением сознания персонажа, тянется к нему, постоянно выходит за пределы своего мира, вторгается в пространство, которое Бенедикт считает своим, и стремится завладеть им, то герой, соответственно, безуспешно стремится оттолкнуть ее, скрыться в недоступном для нее пространстве. Таким образом, данный признак реализуется не в эстетической («красивый/некрасивый»), а скорее в этической плоскости («притягивающий/отталкивающий»).

Две шкалы из предлагаемых А. П. Журавлевым («радостный/печальный» и «веселый/грустный») очень близки в смысловом отношении, поэтому представляется закономерной близость оценок по ним экспонента онима. Разница между оценками составляет всего 0,09, причем чуть ярче проявлена оценка по первой из этих осей. Как было сказано выше, экспонент лексемы характеризуется как печальный и грустный. Оба признака получают реализацию через развитие мотивов тоски и жалобы, которые устойчиво фиксируются в тексте в связи с функционированием образа кыси. Мотивы эти тесно связаны: тоска присуща кыси как ее имманентное качество, внешним выражением которого является жалоба, заключенная в крике. Уже в первом фрагменте текста, где мы встречаем упоминание о кыси, содержится и характеристика ее крика: «...и кричит так дико и жалобно...». Подступая к стенам городка, кысь «завоевывает жалобно», и ветер «далеко разносит дикую жалобу». Раскачиваясь на ветках, кысь «плачет» и «жалуется» от голода и муки. Тоска переполняет все ее существо: «мука ей, мука!», «будто ей недодали чего, будто нет ей жизни, если не выпьет живую душу». Соответственно эти мотивы переносятся с кыси на ее мир пустынных и бесприютных «северных лесов», где «застонут высокие деревья...» и где «ноет метельный ветер», вторя смертной жалобе кыси. Такую же беспредельную тоску испытывают и жертвы кыси: «А должно быть, чувствуется им тоска страшная, лютая, небывалая! Мрак черным-черный, слезы ядовитые, жидкие, бегучие!». Жизнь их на всем протяжении длится «со слезами, с криком душевным, с воем непереносимым, не людским, беспрестанным...». Способен повергнуть человека в тоску не только крик, но и взгляд кыси, издали настигающий свою жертву. Таким образом, присущие ему оценки экспонент транслирует как на номинируемый объект, так и на объекты, тесно с ним связанные.

Несколько иначе реализованы в мотивной структуре текста такие коррелирующие между собой признаки экспонента, как медленный и пассивный. Если все вышеперечисленные признаки означают иррадируют на две или три текстовые структуры, то два указанных параметра сосредоточены лишь на одной: они характеризуют именно жертв кыси, не будучи присущи ей самой или ее миру. Действительно, сама кысь проявляется как активное, более того, агрессивное начало, постоянно осуществляющее эту агрессию в отношении человеческого мира. Агрессии кыси свойственна быстрота: она, выследив жертву, нападает резким и быстрым прыжком, движется «ползком и скачком, гибко и длинно», «летит в поземке, вьется в метели». В лексическую структуру персонажа вводятся определенные элементы (по большей части глаголы и наречия), отражающие данную характеристику действий. Активным в своей враждебности к человеку является и мир северных лесов: «ветви переплелись и пройти не пускают, колючие кусты за порты цепляют, сучья шапку с головы рвут». Как активное и быстрое начало проявляется также метель, своеобразный «спутник» и «союзник» кыси в ее агрессии. Неудивительно, что акцентирование этой целенаправленной враждебности приводит к «одушевлению» мира кыси:

Машет снег, машет, словно бы рукавами, взметается до крыши, перекидывается через заборы, понесся по слободе, по улочкам, через плетеные тыны, худые крыши, за окраину, через поля, в непролазные леса, там деревья-то попадали — мертвые, белые, как человечесья кость; там северный кустарник можжевель иголки свои расставил: пешего ли проколоть, санного ли; там и тропки-то петлями свернулись: за ноги схватить, спеленать; там и сучья приготовлены — шапку сбить; и колючка свесилась: ворот рвануть. Ударит снегом в спину, опутает, повалит, вздернет на сук: задергаешься, забьешься, а она уж почувяла, кысь-то, — она почувяла...

Признаки экспонента вроде бы входят в противоречие с характеристиками образа, если рассматривать образ кыси изолированно от всей образной системы произведения. Между тем они просто находят иной способ реализации: мотивы медлительности и пассивности переносятся с кыси на жертв ее воздействия. Уже из приведенного отрывка видно, что мир кыси стремится сделать человека, проникшего в его пределы, неподвижным, максимально затруднив его движения и лишив его собственной активности. Жертвы нападения кыси передвигаются подобно тем, которые ходят «во сне под луной», т. е. лунатикам, а движениям людей, страдающих этим психическим расстройством, как известно, присуща медлительность.

Жертвы кыси, утратив всякую способность к проявлению самостоятельной воли, оказываются полностью пассивными в своем взаимодействии с внешним миром и абсолютно зависимыми от воли окружающих: «такой сам ничего делать не может...». Внутреннее эмоциональное состояние таких людей по своей тягости и бессмысленности подобно гнетущему сну:

Вот как иной раз во сне бывает: будто бредешь себе, волоча ноги, да все влево да влево забираешь, — и не хочешь, а идешь, словно ищешь чего, да чем дальше заходишь, тем больше пропадаешь!

Для движения, которое осуществляется субъектом подобного сна, характерны медлительность («бредешь себе, волоча ноги») и отсутствие целенаправленности, поскольку оно совершается вопреки воле самого субъекта («и не хочешь, а идешь») и в результате потери с его стороны всякой способности формировать какое бы то ни было намерение.

Признак «страшный» реализован через развитие мотива угрозы со стороны кыси и мотива страха, который связывается с восприятием Бенедиктом этой угрозы. Как было показано выше, эти мотивы возникали еще в прототексте, откуда писательницей была извлечена окказиональная лексема. Появляясь в ментальном мире Бенедикта, кысь неизменно демонстрирует свою агрессивную сущность, и реакцией на эту агрессию становится постепенно нарастающий ужас героя перед ней. Мысль о кыси и чувство страха оказываются неразрывны, так что одно всегда вызывает другое:

Бенедикт вздохнул тяжело, да сам свой вздох и услышал. Вот, опять... Опять в голове раздвоение какое-то. То все было просто, ясно, счастливо, мечты всякие хорошие, а то вдруг будто кто сзади подошел да все это счастье из головы и выковырнул... Как когтем вынул...

Кысь это, вот что! Кысь в спину смотрит!

Бенедикта даже затошнило от страха, от нехорошего, под ложечкой сосущего чувства.

Ужас становится для Бенедикта атрибутом кыси, неотделимым от нее и предельно суженным эмоциональным фоном личного мифа. В итоге образ и чувство, вызываемое им, персонажем фактически отождествляются: «Ужас, это как? — это когда Красные Сани скачут, тьфу, тьфу, тьфу, нет, нет, нет; не меня, не меня; али когда про кысь подумаешь, вот это ужас».

Показательно, что такое же отождествление образа и его эмоционального фона, но уже в отрефлексированном виде проявилось в вопросе корреспондента «Московских новостей», заданном Т. Толстой во время интервью: «Кысь, которой до смерти боится Бенедикт, это и есть внутренний страх?» [Толстая, 2005а, 336].

Экспонент лексемы, который изначально являлся потенциальным генератором этого мотива, порождает в тексте важнейшую образную характеристику кыси и через нее воздействует на формирование концептуального плана произведения.

Наконец, признак «плохой», воспринятый в качестве одного из полюсов аксиологической оси, по которой задается оценка образа, является, по сути, следствием суммирования и переработки всех знаний реципиента о кыси. Все упомянутые выше характеристики образа, вытекающие из фоносемантических параметров экспонента номинирующей его лексемы, оцениваются читателем негативно и указывают на однозначность его отрицательной оценки. Поэтому

реализация данного признака в лексической структуре образа существенно отличается от реализации других признаков. Текст не нуждается в этом случае во введении специальных лексем, непосредственно выражающих отрицательную оценку кыси персонажем, поскольку соответствующее восприятие образа обеспечивается реализацией других признаков. Иными словами, автору произведения нет никакой необходимости включать в текст специальную оценочную лексику и с ее помощью эксплицировать аксиологические параметры кыси в художественном мире произведения, так как они очевидным образом выводятся из оценки прочих параметров объекта.

Итак, иррадиация фоносемантических признаков экспонента на другие текстовые структуры не только имеет место, но и оказывается важнейшим художественным приемом построения образа. Образ развертывается в тексте по тем «силовым линиям», которые заложены в экспоненте окказионального онима, имя персонажа становится своеобразной «программой» реализации образного потенциала, его, так сказать, «геномом». Тем самым наглядно демонстрируется текстообразующая функция онима, о наличии которой у имен собственных немало писали и продолжают писать исследователи литературной ономастики.

4

По мере развертывания текста испытывает определенную трансформацию и семантика онима. Выше мы уже отмечали, что его семантическое пространство формируется с активным участием фреймов, описывающих типовые действия кыси, которые претендуют на центральное положение в его структуре. После установления экзистенции номинируемого объекта в художественном мире произведения и указания на его мифологический статус между наименованием и объектом формируется референтная связь, позволяющая идентифицировать данный объект в данном мире. Затем объекту предписываются определенные свойства через систему мотивов: незримость, бледность, агрессивность, голод, страх и т. п., которые за счет регулярных повторов становятся семантическими акцентуантами онима и атрибутами образа. Далее, когда в сознании читателя эти мотивы и фреймы в результате повтора неразрывно связываются с *кысью*, автор постепенно и настойчиво перенаправляет их на других героев. В смысловую структуру текста вводятся конструкты, которым приписываются определенные качества кыси. Общность сопровождающих их введение мотивов с мотивной нюансировкой кыси, к этому моменту прочно усвоенной читательским сознанием, обеспечивает ассоциативное соотнесение возникающих образов с образом кыси, хотя она сама при описании того или иного явления может вообще не упоминаться. Вероятно, первым текстовым фрагментом, когда читатель невольно должен вспомнить о кыси, несмотря на отсутствие непосредственного упоминания о ней в тексте, является описание великана, образ которого возникает

в разыгравшемся воображении Бенедикта после ухода его от Варвары Лукиничны (глава «Люди»):

Страх какой! «Страх, петля и яма», — Федор Кузьмич сочинил... Не Федор, говорит, Кузьмич, слава ему... Полную тревог... И обмана... Не Федор Кузьмич... Другой кто-то, невидимый, древний, лицо укрывший... Большой, наверное, белый и большой, бледный, старинный, давно вымерший, высотой с дерево, бородачи до колен, глаза страшные... Сам страшный, стоит среди стволов, не пошевелится, только лицо воротит, а глазами все смотрит сквозь мартовский сумрак, шарит глазами-то, чтобы Бенедикта различить во мгле-то: где там Бенедикт-то, чего скрылся, чего привалился к забору, — а сердце в шее колотится, под язык подступает, уши глушит, — где Бенедикт, поди сюды, Бенедикт, чего сказать-то хочу, — да как выбросит руку, да корявым пальцем под ребра-то, со страшным криком древяницы: «Мя-я-я-я-я-я-я-я!!!»

Легко убедиться, что в данном фрагменте производится перенос мотивного фона кыси на другое существо, такое же воображаемое, как и кысь, но не полностью тождественное ей. Это как бы ипостась кыси, ее перевоплощение, изменяющее облик, но сохраняющее за собой самую суть центрального персонажа личного мифа Бенедикта. В данном фрагменте начинается активное «размывание» ее образа, в процессе которого те или иные черты, свойства и действия кыси раз за разом отрываются от заявленного ранее референта и прикрепляются к другому персонажу. В результате возникает определенный устойчивый комплекс смыслов, который лишен строго однозначной референции: он вроде бы принадлежит *кыси*, но регулярно то одни, то другие его компоненты образуют новые референтные связи, обнаруживаясь у ряда персонажей. Причем, в отличие от созданного воображением Бенедикта великана, они обладают полной физической реальностью в художественном мире романа, существуя не в воспаленном мозгу героя, а в окружающей его действительности. И, прежде всего, это Кудеяр Кудеярыч Кудеяров и члены его семейства. Имя лесного разбойника, да еще и утроенное (разбойник не только по своим личным качествам, но и по происхождению и по семейному положению), конечно, дано этому персонажу отнюдь не случайно³¹. В описании его внешности уже с эпизода его первой встречи с Бенедиктом акцентируются детали, которые напоминают о кыси и заставляют читателя ассоциативно сближать два этих образа.

Росту Кудеяр Кудеярыч большого, али сказать, длинного. И шея у него длинная, а головка маленькая. Поверху головка вроде лысоватая, а окрай плечи — волос венчиком, бледный такой волос, светленький... А глаза у него круглые и желтые, как огнецы, и на дне глаз вроде как свет светится.

Величина тела, длинная шея, маленькая головка, круглые и желтые глаза, которым присуща гипнотическая сила воздействия (недаром под его взглядом Бенедикт «сдвинуться не может — ноги будто к полу приросли»), вызывают

³¹ Подробнее об этом собственном имени см. в статье: [Баранова].

представление о кыси, а Бенедикт начинает ассоциироваться с ее жертвой. Этой же способностью — свечением глаз — обладает и Оленька, унаследовавшая звериную сущность отца. Еще более яркой деталью являются когти на ногах всех членов Кудеярова семейства («длинные такие, серые, острые»), напоминающие о когтях кыси, главном ее оружии, которыми она «главную-то жилочку нащупает и перервет». Неутолимый метафизический голод кыси, о котором раз за разом упоминается в связи с ней, трансформируется в гиперболизированный аппетит семьи Кудеяра («Стол каждый раз от стены до стены яствами уставлен, а все до крошки съедают», «Мы любим много кушать» и т. п.). Все эти и многие не названные здесь детали заставляют видеть в представителях данного семейства ряд ипостасей кыси. Сложный семантический комплекс, поначалу закрепленный за одним образом, постепенно становится принадлежностью целой группы образов-двойников, приобретая с каждой новой референцией все большую самостоятельность и автономность. Этот процесс облегчается многократно акцентированным указанием на незримость кыси (и закономерно, что воображаемый Бенедиктом «кто-то», принимая от кыси это качество, также кажется герою невидимым). Незримость, принципиальная невозможность охватить зрением хотя бы очертания предмета влечет за собой ослабление, а затем и полную утрату конкретной телесности его (не случайно кысь, как будто не имея тела, совсем не оставляет следов на снегу). В итоге она становится не просто персонажем со своим комплексом характеристик, а приобретает качества некоего бытийного начала — начала, враждебного жизни, от агрессии которого людям нет защиты. Соответственно, первый и главный носитель этого агрессивного начала — кысь — меняет свой масштаб и свою значимость в образной системе произведения. Если в начале романа главным героем представляется Бенедикт, а кысь является собой кошмарное порождение его сознания, то к концу произведения именно она, отражающаяся разными своими чертами во многих окружающих Бенедикта персонажах, выходит на передний план. Повествование о жизни Бенедикта постепенно становится рассказом о его быстрой деградации под воздействием кыси.

Из человека, в котором даже весьма строгий к «голубчикам» Никита Иванович провидит «искру человечности», он превращается в «санитара», готового убивать без малейших угрызений совести. Жертва, подвергаясь воздействию зла и как бы заражаясь им, сама становится жестоким агрессором и носителем зла. Естественно, что некоторые мотивы, присущие кыси и ставшие ее «представителями» в мире текста, своеобразными сигналами о причастности того или иного персонажа к демоническому злу, закрепляются за Бенедиктом. Они манифестируют процесс постепенного личностного перерождения героя. Крюк, который вручает Бенедикту Кудеяр Кудеярыч в качестве атрибута его новой должности санитаря и которым персонаж совершает свое первое убийство, пока еще не умышленное, не преднамеренное, ассоциируется с когтем кыси. На это

указывает сам способ убийства, характерный для нее: «...Попал голубчику прямо по шее, по шейной жиле, а как крюк-то повернул неловкими пальцами, — жила-то и выдернись...».

Мотив постоянного голода кыси трансформируется в неутолимую страсть Бенедикта к чтению, которое, как наркотик, дает ему на некоторое время желанное забытие. Лишенный новых книг, герой испытывает тоску, напоминающую о метафизической тоске и смертной жалобе кыси. В поисках спрятанных «голубчиками» книг он без устали мечется по городку, наводя ужас на его обитателей. Однако сколько бы ни отнял и ни прочел книг герой, этот голод, как и у кыси, принципиально не может быть насыщен. Даже Никита Иваныч, единственный близкий Бенедикту человек, заботившийся о нем и много раз помогавший ему и его родителям, оказывается жертвой этой непобедимой страсти к чтению. Совершая предательство, подобное предательству Иуды, персонаж отступает от своего друга и учителя и присутствует при его сожжении: «Но Бенедикт проявился и укрепился и на все стал смотреть спокойнее, так что и этот выбор он сделал сразу, без оглядки: искусство дороже».

Изменение референциального статуса поэтонима, подготовленное его семантическим развитием, знаменует это превращение человека в ипостась кыси. Далее становится возможным перенос уже не отдельных элементов мотивного фона, а самого поэтонима на другие объекты: Бенедикт называет кысью Кудеяра, а тот, в свою очередь, Бенедикта. Употребление лексемы в позиции предиката, достаточно нетипичной для собственного имени, указывает на кардинальное изменение семантики. Вместо референции уникального объекта, обладающего рядом известных качеств, имя начинает обозначать сам комплекс этих качеств, который трудно (наверное, и невозможно) разложить с полной определенностью на составляющие. Происходит превращение окказиональной лексемы в символ с многообразной и нечеткой референцией: слово при этом начинает обозначать не только мыслимое Бенедиктом существо, но и все воплощение его личного мифа, его личность и судьбу, и все метаморфозы персонажа на пути превращения из мирного и даже отчасти симпатичного «голубчика» в безжалостного убийцу. После этого символ духовной деградации героя, которая составляет предмет изображения в романе, закономерно становится символом всего его содержания, что позволяет поэтонуиму стать ключевым словом и, как следствие, названием текста. В этом смысле роман может быть прочитан как повествование о постепенном превращении человека в кысь.

Показательно, что на приведенный выше вопрос корреспондента, о возможности трактовать образ кыси как внутренний страх, Т. Толстая, отказавшись от предложенной однозначной интерпретации многозначного символа, мудро и уклончиво ответила: «Это много чего...» [Толстая, 2005а, 336].

- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). 3-е изд., стереотип. М. : Едиториал УРСС, 2003.
- Баранова К. И.* Смыслообразующий потенциал онима *Кудеяр Кудеярыч Кудеяров* в романе Т. Толстой «Кысь» // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. Вып. 6. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 133–146.
- БСЭ — Большая советская энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия, 1975.
- БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1978–1980.
- Журавлев А. П.* Фонетическое значение. Л., 1974.
- Журавлев А. П.* Звук и смысл. М. : Просвещение, 1981.
- Карпенко Ю. А.* Ономастические загадки В. П. Катаева // Рус. речь. 1984. № 4. С. 9–14.
- Карпенко Ю. А.* Ономастика новой прозы В. П. Катаева // Язык и стиль произведений В. П. Катаева, К. Г. Паустовского и Л. И. Славина. Одесса, 1987. С. 25–33.
- Крыжановская О. Е.* Антиутопическая мифопоэтическая картина мира в романе Татьяны Толстой «Кысь» : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005.
- Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельцова Л. К.* Как правильно? С большой буквы или с маленькой? : орфографический словарь : ок. 20 000 слов и словосочетаний. М. : ООО «Издательство Астрель» ; ООО «Издательство АСТ», 2002.
- Намитоква Р. Ю., Скребнева О. А.* Ономастическое пространство романа Т. Н. Толстой «Кысь» // Проблемы региональной ономастики. Майкоп, 2004. С. 169–172.
- Николина Н. А.* Филологический анализ текста. М. : Изд. центр «Академия», 2003.
- Обратный словарь русского языка. М., 1974.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1994.
- Скребнева О. А.* Ядерно-периферийные отношения в ономастическом пространстве романа Т. Толстой «Кысь» // Проблемы региональной ономастики. Майкоп, 2006. С. 263–265.
- Словарь русских народных говоров. М. ; Л. 1966–... .
- Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. М., 1948–1975.
- Толстая Т. Н.* Мюзки и Нострадамус : интервью газете «Московские новости» // Толстая Т. Н. Кысь. М. : Изд-во Эксмо, 2005.
- Толстая Т. Н.* Непальцы и мюзки : интервью журналу «Афиша» // Толстая Т. Н. Кысь. М. : Изд-во Эксмо, 2005.
- Чижикова О. В.* Прописная буква как средство кодирования сакрального смысла в романе В. Набокова «Лолита» // Язык и письмо. Волгоград, 1994. С. 81–88.

Рукопись поступила в редакцию 10.10.2009 г.

БИБЛЕЙСКИЕ АНТРОПОНИМЫ В ПОСЛОВИЦАХ

К л ю ч е в ы е с л о в а: русские пословицы, антропоним, семантика имени собственного в тексте, поэтика Библии, семантическое поле.

В статье рассматриваются русские пословицы с библейскими антропонимами. Такие пословицы вступают в «диалог» с Библией и служат комментарием к ней. Цель автора — выявить семантические и прагматические особенности функционирования библейских антропонимов в пословице. Антропонимы можно рассматривать как поле, центр которого занимает имя Бог. Семантика этого имени представляется сложной, так как оно может выступать в номинативной и предикативной функциях. Более того, статус этого имени как антропонима не безусловен. Периферию антропонимического поля пословиц составляют имена собственные с безусловным статусом: *Иисус, Адам и Ева*.

Пословица — минимальный текст, подчиненный ситуации и служащий комментарием к ней или руководством к действию для ее участников. Пословица с библейским антропонимом, кроме этого, еще и апеллирует к первоисточнику, Библия и паремия вступают в своеобразный диалог, Священное писание формирует смысл и направляет понимание пословицы.

Цель статьи — с одной стороны, выявить закономерности функционирования библейских антропонимов в пословице, с другой — показать особенности синтаксиса таких текстов. Специфика семантики библейского онима в пословице может проясниться при сопоставлении этого паремиологического жанра с каким-либо другим — например, с загадкой. Мы намереваемся решить несколько задач: а) выявить интертекстуальную составляющую пословиц с библейскими антропонимами, б) представить библейский ономастикон данного жанра паремий, в) определить коннотации библейских антропонимов в пословицах, г) показать

особенности предикатов таких пословиц, д) сравнить семантику антропонимов в пословицах с существующими лексикографическими описаниями. В статье будет показана организация ономастикона пословиц с библейскими антропонимами. Не анализируются притяжательные прилагательные, образованные от антропонимов, так как эти единицы в паремиях тесно связаны с приметам и народным календарем, что формирует особый класс текстов со своей семантикой.

Материалом послужили сборники пословиц В. И. Даля, А. А. Барсова (1770), Д. М. Княжевича (1822), И. М. Снегирева (1848), П. К. Симони (1899), Письмовник Н. Г. Курганова (1795), а также «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [см.: Барсов; Курганов; Княжевич; Снегирев; Даль; Даль ПРН; Симони; Пословицы...].

В сборниках пословиц представлены следующие ветхозаветные библейские антропонимы: *Авель, Авессалом, Адам, Авраам, Ависага, Ахав, Ахитофель, Давид, Данила, Ева, Енох, Иаков, Иисус, Илья, Иона, Иосиф, Иродиада, Каин, Маккавей, Ной, Олоферн, Сарра, Саул, Соломон, Фарра, Хам, Иафет, Сим*. Из новозаветных имен в пословицах встречаются: *Иисус Христос, Иуда, Петр, Павел, Фома, Ирод*. Пословичный библейский ономастикон составляет более 30 единиц, а корпус пословиц примерно 150 текстов. Источниками антропонимов в данном жанре паремий служат Пятикнижие, книга пророка Ионы, книги Царств и Евангелия.

Коннотации, связанные с именами собственными, диктуются библейскими сюжетами¹. Однако количество признаков, приписываемых каждому персонажу, может быть неодинаковым: некоторые из них являются ведущими, другие отражают менее существенные качества или проявляются в незначительных эпизодах. Разные жанры паремий обращаются к нетождественным характеристикам библейских персонажей.

Сравним пословицу и загадку с библейским антропонимом. Если пословица обращается к постоянным свойствам носителя имени, то загадка часто основывается на незначительных признаках. Более того, загадка с библейским антропонимом строится по-разному в зависимости от того, включен ли такой антропоним в текст загадки или служит отгадкой. Если антропоним служит отгадкой, то загадка опирается на несущественные характеристики персонажа, так как постоянные признаки должны быть хорошо знакомы адресату. Примеры 1–6 — загадки:

(1) *Не родился, а умер* <Адам и Ева> [Даль ПРН].

(2) *Матери у меня нет, а отец мне муж* <Адам и Ева> [Даль ПРН].

(3) *Рожден, да не помер, сотворен, да помер, помер, да не истлел* <Енох, Адам, Лотова жена> [Даль ПРН].

(4) *Родивыйся не умер, не родивыйся умре, умерший не истле* <Енох, Адам, Лотова жена> [Даль ПРН].

¹ Показательно, что текстовые коннотации библейских антропонимов в пословицах и в названиях растений не совпадают полностью [см.: Родионова].

Заметим, что такой персонаж, как *Лотова жена*, в пословице не встречается.

(5) *Гроб плывет, в нем мертвец поет* <Иона> [Даль ПРН].

(6) *Сколько на небе святых во плоти?* <Илия, Енох, Богородица> [Даль ПРН].

Если же библейский антропоним не является отгадкой, а включен в текст загадки, загадка, как и пословица, опирается на устойчивые коннотации библейского имени собственного.

(7) *Взят от земли, яко же Адам; ввержен в печь огненную, яко три отроки; взят от печи и возложен на колесницу, яко Илия; везен бысть на торжище, яко же Иосиф; ставлен на лобное место и биен по главе, яко же Иисус; возопи велиим гласом, и на глас его прииде некая жена, яко же Мария Магдалина, и, купивши его за медницу, принесе домой; но расплакася по своей матери, умре, и доныне его кости лежат не погребены* <горшок> [Даль ПРН].

А теперь обратимся собственно к пословицам и выявлению коннотаций библейских имен. Персонажи Пятикнижия, представленные в пословицах, — *Адам, Ева, Каин, Авель* — наделены устойчивыми характеристиками. В пословице могут быть отражены одна или несколько характеристик антропонима.

Имя *Каин* преимущественно связывается с первым убийством (см. пример 8). У антропонима *Адам* выделяется несколько постоянных признаков. В сборнике Снегирева подчеркнуты: древность, греховность, изгнание из рая, смертность. Имена *Адама* и *Евы* встречаются в паре (см. примеры 9–13). У Даля же *Адам* — божье творение, первый человек, от которого произошли другие люди (см. пример 14).

(8) *Авель праведен, а Каин грешен, а оба убиты* [Снегирев].

(9) *Адамовы лета с начала света* [Снегирев].

(10) *Адамов грех излияся на всех* [Снегирев].

(11) *Адам сотворен и рай отворен* [Снегирев].

(12) *Адаму копают яму, а мы не хотим, да туды ж глядим* [Снегирев].

(13) *Ева Адаму идти кажет в яму* [Снегирев].

(14) *Все одного отца дети. Все Адамовы детки* [Даль ПРН].

Пословица служит также гипертекстовым средством, объединяя персонажей из разных глав Библии: в примере 15 сопоставляются эпизоды грехопадения первых людей и рождения *Исаака* и сравниваются *Ева* и *Сарра* (Быт., 3: 22, 24; 21: 5, 6):

(15) *Адам да Авраам женами славны: едина смехом, а другая грехом* [Снегирев].

Существительное *смех* отсылает к Библии: *Авраам был ста лет, когда родился у него Исаак, сын его. И сказала Сарра: смех сделал мне Бог; кто ни услышит обо мне, рассмеется* (Быт., 21: 5, 6).

В пословицах с библейскими антропонимами мы сталкиваемся с парадоксальным явлением: с одной стороны, не представлены имена собственные,

связанные с важнейшими событиями Священной истории, с другой, упоминаются малозначительные персонажи. Удивительным представляется отсутствие в пословицах имени *Моисея*. Данный антропоним встречается у Даля в своеобразной считалке:

(16) *Един бог; два тавля Моисеевых; три патриарха на земле; четыре листа евангельска; пять ран господь претерпел; шесть крыл херувимских; семь чинов ангельских; восемь кругов солнечных; девять в году радостей; десять божьих заповедей; одиннадцать праотец; дванадцать Апостолов* [Даль ПРН].

Видимо, можно говорить о том, что ветхозаветные заповеди «оторвались» от имени персонажа.

Из малозначительных антропонимов в пословице встречаются следующие: *Фара, Ахав, Ахитофель*.

Если пытаться выявить внутренние связи в тематической группе библейских антропонимов пословицы, то следует говорить о двух оппозициях: а) «очевидный»/«неочевидный» антропоним, б) известный/малоизвестный антропоним.

Библейские антропонимы в пословице можно представить как поле, однако свойства его необычны: в центре находится имя, статус которого не вполне ясен: *Бог* — «неочевидный» антропоним. О подобных именах говорила в своем докладе «К понятиям апеллятивизации и онимизации» на конференции «Ономастика в кругу гуманитарных наук» С. М. Толстая [см.: Толстая]. В центре ономастического поля библейских антропонимов пословицы находятся те единицы, которые являются наиболее значимыми, так как называют важнейшие силы, управляющие миром. Кроме того, имя *Бог* объединяет обе части Библии, для этого имени не важно разделение на ветхозаветную и новозаветную группу антропонимов.

«Словарь Академии Российской» интерпретирует семантику и категорию числа имени *Бог* следующим образом: «1) Предвечное и верховное существо, от которого все прочие существа приняли начало бытия своего и о коем существуют. 2) Придается сие название и тварям, не по естеству их, но по единому только наименованию, как то: А) идолам и языческим богам, Б) царям, властям и народоначальникам» [САР-2, 1, стлб. 262]. В статье Н. И. Толстого, посвященной слову *Бог*, не говорится, причисляется ли эта единица к классу нарицательных или собственных имен [см.: Толстой, 202–203].

Поскольку имя собственное присваивается объекту внеязыковой действительности, который мыслится как единственный и уникальный, в определении статуса таких единиц важную роль играет категория числа. Ясно, что *singularia tantum* «работает» только для первого значения имени *Бог*, следовательно, именно в этом значении данное имя может быть интерпретировано как антропоним.

(17) *Бог видит, кто кого обидит* [Барсов].

(18) *Без Бога ни до порога* [Курганов].

(19) *Бог вымочит, Бог и высушит* [Княжевич].

(20) *Бог сдаст, и свинья съест* [Симони].

Справедливости ради следует сказать, что в пословицах представлены такие употребления имени *Бог*, в которых категория ед. ч. получает неоднозначную интерпретацию:

(21) *Дай Бог нашему Богу жить — все живы будем* [Даль ПРН];

(22) *Который Бог вымочит, тот и высушит* [Курганов].

В примере 21 первое употребление имени *Бог* может относиться к Богу-отцу, а второе — к Иисусу. Что касается примера 22, с одной стороны, он может быть интерпретирован как денотативное тождество, с другой — в нем *Бог* предстает не как абсолютная, а, скорее, как относительная величина.

Сложнее вопрос о месте в библейском ономастическом поле пословицы имени *Сатана*. Здесь мы сталкиваемся с вопросами кореференции и интерпретации категории числа. В словаре В. И. Даля на заголовочное слово *бес* дается пространный список синонимов, по-видимому, относящихся к одному и тому же внеязыковому объекту: «БЕС, злобное, бесплотное существо, злой дух, демон, сатана, диавол, черт, вельзевул, царь или князь тьмы, царь ада, преисподней; змий, крошечный, враг, ворог, вражья сила, недруг, неистовый, лукавый, нечистый, луканька, не наш, недобрый, нелегкий, нелегкая, нечистая сила, неладный; соблазнитель, бланзнитель, морока, мара, ляхой, игрец, шут, шайтан; черная, неключимая сила, некошной, ненавистник рода человеческого, наше место свято» [Даль, 1, 157] (см. также: [Белова]). Не все имена из этого ряда равноправны относительно категории числа: не все способны принимать форму мн. ч. В отличие от существительных *бес*, *черт*, *дьявол*, имя *Сатана* может выступать только в форме ед. ч., что позволяет интерпретировать его как имя собственное. Однако в тексте Библии картина с именами нечистой силы оказывается сложнее. В цепочку кореферентных имен включены: *змея*, *сатана*, *дьявол*; при этом в кн. Бытия враждебная Богу сила называется *змеем* (Быт., 3: 1–5, 13–14). И в кн. Бытия *змея* относится к иному классу: *Самым хитрым из всех диких зверей, сотворенных Господом Богом, был змей* (Быт., 3: 1). Имя *Сатана* упоминается в славянском переводе Библии только в 1 кн. Паралипоменон (21: 1). А в Откровении Иоанна Богослова приводится уже несколько имен нечистой силы, относящихся к одному объекту: *И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатанюю, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним* (Отк., 12: 9).

По-видимому, имя *Сатана* не занимает центральной позиции, но будет находиться близко к имени *Бог*. Для имени *беса/Сатаны* будет работать та же закономерность: референт имени встречается в обеих частях Библии.

Близко к центру следует поместить и имя *Богородицы* и *Иисуса Христа*. По сравнению с центральным именем *Бог* периферию ономастического поля

пословицы с библейскими антропонимами составляют «безусловные» онимы, статус которых не подлежит сомнению: *Адам, Ева, Каин, Авель* и др.

Оппозиция «известный/малоизвестный антропоним» позволит нам различить ближнюю и дальнюю периферию поля. Антропонимы *Адам, Ева, Давид, Каин, Авель, Авраам, Сара, Иона, Соломон* расположены ближе к центру и составляют ближнюю периферию. Однако кроме этих имен в пословицах отражены редко упоминающиеся в Библии, не связанные с какими-то важными событиями и малоизвестные антропонимы *Ависага, Ахав, Ламех, Саул* и *Фарра*, они составляют дальнюю периферию антропонимического поля пословицы.

Не всегда возможно определить смысл и употребление пословицы, в состав которой входят такие малоизвестные антропонимы. Так, остается неясным пример 23: *Аврааму отец Фара, а жена ему Сара* [Снегирев]. Непрозрачен переносный смысл данного предложения, можно предположить, что обращение к таким именам в пословицах служит, главным образом, целям освоения Библии. Рифмуя онимы, читатель Библии мог лучше запомнить ее текст.

Не вполне понятно, в каких случаях употреблялась пословица: (24) *Ависана дева Давида грела* [Снегирев]². Ошибка в имени собственном (*Ависана* вместо *Ависага*) свидетельствует о том, что перепутаны две ивритские буквы, близкие по графике, — гимель и нун³. В данном случае онимы в пословице отражают еще и освоение текста на чужом языке в непривычной графике. Ясно, автор данного предложения был знаком с текстом Пятикнижия на иврите.

Лексикографическая практика обращена преимущественно к семантическому центру пословичного библейского ономастикона.

Для имен, называющих антагониста Творца, словари В. И. Даля, Д. Н. Ушакова и А. П. Евгеньевой отмечают характеризующее переносное значение, однако для слова *Бог* такого значения не дано. Лишь САР во втором значении описывает такие употребления: «Придается сие название и тварям, не по естеству их, но по единому только наименованию, как то ... царям, властям и народоначальникам» [САР-2, 1, 262]. В данном случае речь идет о предикатном оценочном значении, так как имя *Бог* употребляется переносно не как имя языческого божества, а как обозначение царя и властителя.

Что касается периферии пословичного библейского ономастикона, то далеко не все библейские антропонимы, встречающиеся в пословицах, отмечены Е. С. Отиным в его словаре коннотативных имен: он включает в словник имена *Адам, Ева, Ирод, Иуда, Каин, Лазарь, Мафусаил, Пилат* (отсутствует у Снегирева и Даля), *Фома, Хам, Христосик* [см.: Отин].

² Интересна интерпретация и комментарий И. М. Снегирева к данной пословице: «Ависага — красивая девица, ухаживавшая за престарелым Давидом и согревавшая его на ложе» [Снегирев, 1999, 479].

³ Мы благодарим Е. М. Сморгуну, обратившую наше внимание на причину изменения данного библейского имени.

Перейдем к рассмотрению особенностей синтаксиса пословиц с библейскими антропонимами. Для этого следует: а) выявить корпус библейских антропонимов в актантных позициях, б) определить, какие предикаты устойчиво приписываются антропонимам-субъектам в пословицах, в) определить библейские имена в предикатном употреблении, г) описать временные параметры предикатов, д) охарактеризовать модальность пословиц с библейскими антропонимами.

В анализе синтаксиса пословиц мы опираемся на статью Т. М. Николаевой «Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии» [см.: Николаева]. Следует напомнить, что, описывая временные характеристики предикатов пословицы, Т. М. Николаева пришла к выводу о том, что в текстах, представляющих собой простые предложения, предикат выражен формами глагола в настоящем времени и императивами, в сложном предложении формы прошедшего времени возможны при выражении условных отношений. Таким образом, автор предполагал, что пословице не свойственны предикаты в формах прошедшего времени.

Пословицы с библейскими онимами можно разделить на две группы: а) с гномическими предикатами, которые называют постоянные признаки и выражены именами и глаголами в настоящем времени несовершенного вида (НСВ), и б) с «эпизодическими» предикатами (термин Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева), выраженными формами прошедшего времени глаголов совершенного вида (СВ) и НСВ [см.: Булыгина, Шмелев, 118].

В пословицах актанту, названному библейским именем собственным, приписываются постоянные признаки, которые выражены прилагательными, причастиями и глаголами в настоящем гномическом времени.

- (25) *Адаму копают яму, а мы не хотим, да туды ж глядим* [Снегирев].
- (26) *Адам привычен к бедам* [Снегирев].
- (27) *Ева Адаму идти кажет в яму* [Снегирев].
- (28) *Давид молится да плачет, а Саул веселится да скачет* [Снегирев].
- (29) *Ирод кланяется, Иуда лобзает, да им веры неймут!* [Даль ПРН].

С другой стороны, часть пословиц, представляющих собой простые или сложносочиненные предложения, содержит предикатные выражения в прошедшем времени глаголов СВ со значением актуального результата и страдательными причастиями прошедшего времени. Такие ветхозаветные пословицы довольно многочисленны:

- (30) *Адам Евы послушал, да яблочко скушал* [Барсов, Снегирев].
- (31) *Адам зло сотворил, рай затворил* [Снегирев].
- (32) *Женою и Адам из рая изгнан* [Снегирев].
- (33) *Авеля Каин, а Каина Ламех, а Ламех умер сам* [Снегирев].
- (34) *Ахитофель Давиду солгал, а сам удавился* [Снегирев].
- (35) *Авессалом отнял у отца царство* [Снегирев].
- (36) *Авраам иному богу голову сломил* [Снегирев].
- (37) *Адам сотворен и рай отворен* [Снегирев].

- (38) *Ад сотворен, и Адам водружен* [Барсов].
 (39) *Авель праведен, а Каин грешен, а оба убиты* [Снегирев].
 (40) *Сам Аврам дался в обман* [Снегирев].
 (41) *Адам прельщен женою, а жена змиею, а оба вон из рая* [Снегирев].
 (42) *Умре Адам, быть там и нам* [Снегирев].
 (43) *Иисус Сирахов насказал много страхов* [Снегирев].

Последняя поговорка отсылает к неканонической Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, Ветхого Завета. Пример 42 предполагает сопоставление двух ситуаций, причем в первой предикат выражен аористом, а во второй — формой инфинитива.

При обращении к новозаветным антропонимам в поговорках встречаются предикаты в форме прошедшего времени как СВ (пример 44), так и НСВ (примеры 45, 46):

- (44) *Евдокия и Иродиада не за все ль едино пропали* [Снегирев].
 (45) *Андрей крестил, Иоанн благовестил* [Снегирев].
 (46) *Было время, целовали в темя, а теперь и в уста ради Христа* [Снегирев].

Пословиц с ветхозаветными антропонимами, в которых предикат выражен глаголом СВ в прошедшем времени, значительно больше, чем текстов с новозаветными именами.

Появление подобных предикатов в поговорке объяснимо: они в Библии включены в нарративный событийный текст, двигателем которого считаются сказуемые в форме аориста, в поговорках сохраняются подобные предикаты, так как паремия еще и пересказывает библейский сюжет.

Пословицы, в которых имена занимают предикатные позиции, менее десяти:

- (47) *По бороде — Авраам, а по делам — Хам* [Снегирев; Даль ПРН].

В сборнике 1961 г. это речение представлено несколько иначе:

- (48) *По бороде Авраам, а по делам хам* [Пословицы..., 1961].
 (49) *По бороде Авраам, а по делам дьявол* [Пословицы..., 1961].

По той же модели *по + предметное имя в дат. + антропоним* строятся и другие поговорки:

- (50) *По бороде Никола, а по зубам собака* [Пословицы..., 1961].
 (51) *По образу Никола, по усу Илья, по уму свинья* [Симони].

Основание сравнения, выраженное дательным падежом имени, может заменяться локативом:

- (52) *В людях Илья, а дома свинья* [Пословицы..., 1961].

Предикатное употребление имени *апостол* — и в примере 53: *Мы тебя почитали за апостола, а ты не стоишь кобеля бесхвостого* [Пословицы..., 1961].

Как семантические предикаты антропонимы выступают в пословице со сравнительными оборотами. В эту же группу можно включить и два речения, в которых приписываемый признак выражен отыменным прилагательным и наречием:

- (54) *Сердит, как Илья, а дерзок, как Петр* [Пословицы..., 1961].
(55) *Бородушка апостольская, а усок дьявольский* [Снегирев].
(56) *Давидски согрешаем, да не Давидски каемся* [Снегирев].

Нами не отмечено предикатного употребления новозаветных имен в пословицах.

Говоря о синтаксисе пословиц с «безусловными» библейскими антропонимами, следует заметить, что, помимо предикатов в прошедшем времени СВ, в них крайне редко антропоним занимает позицию вокатива, отсутствует условная модальность и практически не представлена модальность долженствования, выраженная глагольными императивами и инфинитивами.

Возвращаясь к анализу предикатных употреблений имен, отметим, что они отмечаются и у имен, чей ономастический статус остается не до конца проясненным:

- (57) *Муж и жена — одна сатана* [Даль ПРН].
(58) *Кнут не дьявол, а правду сыщет* (от пытки) [Даль ПРН].

Теперь обратимся к синтаксису пословиц с именем *Бог*.

Из имен собственных имя *Бог* в пословицах является наиболее частотным. В качестве устойчивых предикатов при таком субъекте отметим выраженные глаголами: *любить, давать, прощать, знать*. Глагольный предикат *любить* открывает для имени *Бог* две позиции — субъекта и пациенса:

- (59) *Кто любит Бога, добра получит много* [Даль ПРН].
(60) *Любящих и Бог любит* [Даль ПРН].

Имя *Бог* устойчиво включается в денотативные тождества с отрицанием, в качестве вторых членов в которых выступают носители нарицательных и собственных имен: *мужик, Никитка, Макешь*. Например: (61) *Бог не Макешь* (или: *Мокошь*, языческое божество), *чем-нибудь да потешит* [Даль ПРН].

В пословицах встречаются предикаты с отрицанием, когда позицию субъекта занимает имя *Бог* и когда в качестве субъекта выступает адресат:

- (62) *Бог не убог, милость его не скудна* [Даль ПРН].
(63) *Как ни живи, только Бога не гневи* [Даль ПРН].

Имя *Бог* употребляется и в позиции вокатива: (64) «*Господи, помилуй!*» — *не грех говорить и не тяжело носить* [Даль ПРН].

Сложна для интерпретации семантика имени *Бог* в пословице: (65) *Какова вера, таков у ней и Бог* [Даль ПРН]. Имя *Бог* в ней не может быть признано собственным, а кроме того, предполагает относительность характеристик, приписываемых субъекту (ср. пример 22).

Соотношение гномических и эпизодических предикатов в пословицах с именем *Бог* показывает, что форм прошедшего времени СВ в них меньше, чем в ветхозаветных пословицах:

- (66) *Бог дал, бог и взял* [Даль ПРН].
- (67) *Бог напитал, никто не видал* (прибавка: *а кто и видел, тот не обидел*) [Даль ПРН].
- (68) *В тревогу — и мы к богу, а по тревоге — забыли о боге* [Даль ПРН].
- (69) *И рано встал, да бог не пристал* (о неудаче) [Даль ПРН].
- (70) *У бога-света с начала света все доспето* [Даль ПРН].
- (71) *Бог поберег вдоль и поперек* [Даль ПРН].

Количество пословиц с гномическими предикатами при актанте *Бог* примерно в 10 раз превышает число эпизодических предикатов.

- (72) *Бог — старый чудотворец* [Даль ПРН].
- (73) *Бог богом, а люди людьми* [Даль ПРН].
- (74) *Бог видит, да нам не сказывает* [Даль ПРН].
- (75) *Бог видит, кто кого обидит* (или: *кто кого любит*) [Даль ПРН].
- (76) *Бог видит, кто куда* (или: *что куда идет*) [Даль ПРН].
- (77) *Бог долго ждет, да больно бьет* [Даль ПРН].
- (78) *Бог за худое плательщик* [Даль ПРН].
- (79) *Бог и слышит, да не скоро скажет* [Даль ПРН].
- (80) *Бог кормилец, не как мужик возгривец* [Даль ПРН].
- (81) *Бог лучше знает, что дать, чего не дать* [Даль ПРН].

Модальные характеристики пословиц с именем *Бог* показывают, что долженствование, возможность и условие представлены здесь очень широко:

- (82) *Богу молись, а в делах не плошись!* [Даль ПРН].
- (83) *Богу молись, а добра-ума держись!* [Даль ПРН].
- (84) *Богу молись, а к берегу гребись!* [Даль ПРН].
- (85) *Кто добро творит, тому бог оплатит* [Даль ПРН].
- (86) *Что народ увидит, то и бог услышит* [Даль ПРН].
- (87) *Бог полюбит, так не погубит* [Даль ПРН].
- (88) *Богу молиться — вперед пригодится* [Даль ПРН].
- (89) *Богу молиться — не вовсе разориться* (т. е. надо заняться и мирским) [Даль ПРН].
- (90) *Жить — богу служить* [Даль ПРН].
- (91) *Бог накажет, никто не укажет* [Даль ПРН].

Наконец, в сборнике Даля встречается *Бог* в предикатной позиции: (92) *На поле Никола обций Бог* [Даль ПРН]. Заметим, что предикатное употребление имени *Бог* отмечается в русском переводе Ветхого Завета: *Иаков разгневался на Рахиль и сказал: разве я Бог, который не дал тебе плода чрева?* (Быт., 30: 2). Церковнославянский перевод этого же ветхозаветного отрывка не содержит такой конструкции: *Разгневався же Иаков на Рахиль, рече ей: еда вместо бга азъ есмь, иже лиши ты плода утробнаго.*

Что касается имени *Сатана*, его употребление в пословицах осложнено несколькими факторами: в некоторых предложениях оно выступает как кореферентное

именам *черт*, *бес*, *лукавый*. В других пословицах такая кореферентная цепочка разрывается и замена одного имени на другое невозможна (примеры 93–99).

- (93) *У него черт в подкладке, сатана в заплатке* [Даль ПРН].
- (94) *Мил черт одному сатане. Черт дьяволу родимый* [Даль ПРН].
- (95) *Сбирайтесь, бесы, сатана-то здесь!* [Даль ПРН].
- (96) *Мостися черт с сатаной впереверт* [Даль ПРН].
- (97) *Бес пришел, сатану привел, чертенят наплодил, дьявола в кумовья зовет* [Даль ПРН].
- (98) *Всех чертей знаю, одного сатану (дьявола) не знаю* [Даль ПРН].
- (99) *Черт на дьяволе женился* [Даль ПРН].

У имени *сатана* не обнаруживается позиции вокатива.

Анализ синтаксиса пословиц с антропонимами подтверждает наши предположения о структуре поля библейских антропонимов: центр поля занимает неочевидный антропоним — имя *Бог*, вместе с именами Богородицы и Иисуса имя *Сатана* может входить во второй круг от центра, ближнюю периферию занимают очевидные известные антропонимы *Адам*, *Ева*, *Каин*, *Авель*, *Авраам*, *Сарра*, *Хам*, *Давид*, *Соломон*, дальнюю периферию составляют малоизвестные антропонимы *Ахав*, *Фара*, *Ависага*.

Описывая семантику слова в интеграции с его грамматическими характеристиками, Ю. Д. Апресян отмечал, что центру свойственны отсутствие валентностных ограничений, представленность полных парадигм предложения с точки зрения времени и модальности [см.: Апресян]. Подобным образом ведут себя библейские имена, занимающие центральное положение в полевой структуре.

Анализ синтаксиса пословиц с именем *Бог* подтверждает центральное положение этого имени в тематической группе, организованной библейскими антропонимами: данное имя способно сочетаться с гномическими и эпизодическими предикатами, присутствует в пословицах с модальностью условия, возможности, долженствования. Наоборот, ограничения на модальность наблюдаются в пословицах с очевидными антропонимами, что подтверждает их периферийный статус в поле библейских имен в пословице.

Подводя итоги, скажем, что библейское имя в пословице формирует корпус речений, который функционирует как (а) упрощенное изложение Священного писания или комментариев к Библии, обеспечивающий ее адаптацию к обиходному употреблению, (б) библейская гипертекстовая ссылка, (в) предикат, называющий постоянное качество. Синтаксис пословиц с именами *Бог*, вехто- и новозаветными антропонимами демонстрирует различия во временном плане и в модальных характеристиках, что позволяет считать имя *Бог* центральным в данной группе пословиц. Принадлежность к центру определяется актантным и предикатным употреблением в предложении, сочетаемостью с гномическими и эпизодическими предикатами, наличием позиции обращения и разнообразием модальностей (долженствования, условной, возможности). Напротив, пословицы с безусловными антропонимами сочетаются с предикатами прошедшего времени

СВ, которые можно интерпретировать как своеобразную модальность безысходности, поскольку семантика глагольных форм СВ интерпретируется как значение актуального результата в момент речи. Значит, пословица представляет такое положение дел, когда актуальный результат не подлежит пересмотру, ситуацию невозможно изменить и следует с ней смириться.

- Апресян Ю. Д.* Основания системной лексикографии // *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э. и др.* Языковая картина мира и системная лексикография. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 33–160.
- Барсов А. А.* Собрание 4 291 древних российских пословиц. М. : Печатаны при Императорском Московском университете, 1770.
- Белова О. В.* *Бес* // *Славянские древности : этнолингвистический словарь* : в 5 т. Т. 1. М., 1995. С. 164–166.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1978–1980.
- Даль ПРН* — *Пословицы русского народа* : сб. В. И. Даля : в 2 т. М., 1984.
- Княжевич Д. М.* Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. СПб., 1822.
- Курганов Н. Г.* Письмовник, содержащий в себе науку российского языка : со многим присовокуплением разнаго учебного и полезнозабавнаго вещесловия. 5-е изд., вновь выправленное, приумноженное и разделенное в две части профессором и кавалером Николаем Кургановым. СПб., 1795. Ч. 1–2.
- МАС* — *Словарь русского языка* : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981.
- Николаева Т. М.* Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии // *Малые формы фольклора*. М., 1995. С. 311–324.
- Отин Е. С.* *Словарь коннотативных собственных имен*. М. ; Донецк, 2006.
- Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков* / изд. подгот. М. Я. Мельц ; вступ. ст. Б. Н. Путилова. М. ; Л., 1961.
- Родионова И. В.* Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
- САР-2* — *Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный* : в 6 т. СПб., 1806–1822.
- Симони* — *Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий*. Собрал и подготовил к печати Павел Симони. СПб. : Тип. Акад. наук, 1899. Вып. 1, 2.
- Снегирев И. М.* *Русские народные пословицы и притчи*. М., 1848.
- Снегирев И. М.* *Русские народные пословицы и притчи* / изд. подгот. Е. А. Костюхин. М., 1999.
- Толстая С. М.* К понятиям апеллативизации и онимизации // *Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. научн. конф.* Екатеринбург, 2005. С. 24–27.
- Толстой Н. И.* *Бог* // *Славянские древности : этнолингвистический словарь* : в 5 т. Т. 1. М., 1995. С. 202–203.
- Ушаков* — *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1996.

Рукопись поступила в редакцию 14.10.2009 г.

ЗАМЕТКИ О НЕОФИЦИАЛЬНОЙ РУССКОЙ УРБОНИМИИ

Ключевые слова: топоним, неофициальный топоним, квазитопоним, русская урбонимия, разговорная речь, интернет-язык, жаргон, сленг, словообразование имен собственных.

В статье рассматриваются способы образования урбонимов — названий городов — в современном разговорном русском языке. Автор выделяет три доминирующих способа образования неофициальных названий: сокращение, включающее различные виды буквенной и слоговой аббревиации; морфемно-фонетическое изменение, включающее различные виды усечения слова, суффиксацию, адъективацию и метатезы; семантическое изменение, включающее контаминацию топонимов, замену официального названия квазитопонимом, использование реального или модифицированного исторического названия.

Разговорные названия населенных пунктов в русском языке отмечаются по меньшей мере с XVIII в. [Поспелов, 162]¹. В словаре В. И. Даля фиксируются *Питер* («народное название Петербурга»), *Можай* («г. Можайск»), *Рамбов* («город Ораниенбаум»), *Шлюшин* («народн. назв. г. Шлиссельбурга») [Даль, II, 338; III, 115; IV, 57, 640]. Есть свидетельства известности подобных топонимов и в советское время. Например, в 1960-е годы г. Петропавловск в Казахстане называли *Петродыровском* [Петрушевская, 173]. В. Н. Гельфанд в своем дневнике (26.10.1941) упоминает «об ужасах бомбежки *Минвод* (Минеральных Вод. — М. А.)

¹ Впрочем, если учитывать народно-этимологические русифицированные версии иностранных топонимов, то можно говорить и о более раннем времени: ср. распространенные в XVI–XVII вв. названия типа *Стекольна* ‘Стокгольм’.

и *Невинки* (Невинномысска. — М. А.)» [Гельфанд]. Свердловск в 1980-е гг. молодежь могла именовать *Свердликом*², и т. д.

Однако в постсоветскую эпоху, с 1990-х гг., происходит своего рода прорыв неофициальных топонимов (далее НТ) в СМИ и художественную литературу — наряду с жаргонизмами и сниженной лексикой разного плана. Огромную роль в распространении НТ играет Интернет.

Обычно НТ привлекают внимание исследователей не столько как самостоятельное явление, сколько как частные примеры, иллюстрирующие какие-либо языковые механизмы, или как отдельные факты субстандартной лексики [см.: Гарбовская; Жемерова; Клубков; Крюкова; Никандрова; Пономаренко]. Отдельно стоит упомянуть статью В. И. Беликова, целиком посвященную НТ [см.: Беликов]. В последние годы НТ попадают в жаргонные словари, например, в «Региональном словаре русской субстандартной лексики» [Липатов, Журавлев] представлены *Йоха* и *Йошка* ‘Йошкар-Ола’, *Кузьма* ‘Козьмодемьянск’, *Чебы* ‘Чебоксары’ и др. (удивительным образом они объединены с названиями районов, кафе, магазинов и пр. в разделе «Микротопонимы»). С 2004 г. НТ наряду с другими региональными лексемами и фразеологемами собираются в рамках словарного проекта «Языки городов» [см.: Языки городов].

Всего в поле нашего зрения оказалось около 1 000 номинаций, называющих почти 400 городов России и ближнего зарубежья. Источником в большинстве случаев послужил Интернет (блоги, форумы, сетевая литература), а также материалы электронной базы СМИ «Интегрум»; кроме того, большую помощь нам оказали коллеги из разных регионов³. К сожалению, по причине письменного характера большинства источников не всегда возможно установить, как должен произноситься тот или иной НТ; также не всегда возможно выделить НТ, употребляющиеся исключительно в письменной речи, интернет- и *sms*-общении, хотя очевидно, что это будут в первую очередь аббревиатуры.

У одного и того же города может быть несколько НТ разной степени распространенности (более всего пока обнаружено у Екатеринбурга: (*город*) *Е / Ё, Бург, Ебург* и *Е-бург, Ёбург* и *Ё-бург, Ек, Ека, Екабе* и *Екабэ, Екабург* и *Ека-бург, Екбург* и *Ек-бург, Ек-г, Екат* и *Е-кат, Ектер, ЕКБ, ЕКТБ, Йобург* и *Йо-бург, Катер, Катькинград* и *Катькин-град, Катькоград, Катя, Катька, Свердл, Свердлик, Сверхжлобск*). Несколько городов могут иметь омонимичные НТ, например *Зарик* ‘Зарафшан; Заречный Пензенской обл.; Заречный Свердловской обл.’.

Интересно, что при переименовании города старый НТ может не уходить из бытования. Например, НТ *Бедный* ‘Спасск Пензенской обл., в 1925–2005 гг.

² Благодарю Е. Л. Березович за эту информацию.

³ Благодарю всех своих «корреспондентов», в особенности А. Б. Ипполитову, Т. М. Крихтову, Н. Г. Комелину и С. В. Федорову, а также участников форума «Городские диалекты» и блогеров, участвовавших в моих опросах в «Живом журнале».

Беднодемьяновск' сохраняется и после возвращения городу исторического имени, а *Тетюха* 'Дальнегорск, до 1973 г. Тетюхе' живо уже более 30 лет после переименования. В Казахстане, где топонимы казахского происхождения имеют русифицированную версию (которая в советское время была официальной), и у славянской, и у казахской версий есть неофициальные варианты, строящиеся по одной модели: ср. *Жез(ик)* и *Джез(ик)* 'Жезказган, бывш. Джезказган', *Житипариж* и *Джетыпариж* 'Житикара, бывш. Джетыкара', *Кост* и *Куст* 'Костанай, бывш. Кустанай', *Шим* и *Чим* 'Шымкент, бывш. Чимкент'⁴.

НТ свойственны разные сферы употребления. Одни названия практически нормативны для всего русскоязычного пространства и не употребляются лишь в сугубо официальном контексте (прежде всего *Питер* 'Санкт-Петербург', *Нижний* 'Нижний Новгород', *Минводы* 'Минеральные Воды'). Большинство НТ ограничено регионально и употребляется в разговорной, прежде всего молодежной, речи жителей именуемых городов и соседних населенных пунктов; приблизительно с середины 1990-х гг. они попадают в местную прессу, в названия предприятий и СМИ, например *Кырск* 'Красноярск', *Энск* 'Новосибирск', *Долгона* 'Долгопрудный' и др. (разумеется, кроме тех, что имеют уничижительные и обценные коннотации и не выходят за пределы разговорной речи и интернет-общения). Ряд НТ употребляется социальными группами, которым свойственна особая мобильность (профессиональные арготизмы водителей-дальнобойщиков, машинистов, пилотов и т. д., а также, видимо, социолект «командированных»; жаргон молодежных субкультур — хиппи, ролевиков, автостопщиков, фанатов и др.): *Кингинестон* (хиппи, 1980-е гг.) 'Кингисепп', *Ижмуртск* (фанаты) 'Ижевск' и др. Наконец, существует целая группа топонимов-псевдонимов, которые живут в литературе и публицистике — например, *Мухус* 'Сухум' из творчества Ф. Искандера встречается также в поэзии А. Городницкого и Д. Быкова, *Красноямск* 'Красноярск' используется в сатирическом информационном агентстве «Хорох-пресс»; впрочем, авторские топонимы могут переходить и в разговорную речь, например *Ростов-Дон* 'Ростов-на-Дону' из песни 1941 г. «Ростов-город» (слова А. Софронова, музыка М. Блантера) [см. подробнее: Ахметова, 2009; 2010].

Некоторые НТ употребляются окказионально, особенно те, которые мотивированы метафорами провинции, например *Мухозаводск* 'Петрозаводск' < *Мухосранск*. Выявление окказионализмов по материалам Интернета иногда затруднительно, поскольку населенные пункты обладают разным количеством жителей (и, соответственно, разным количеством пользователей Интернета) и разной значимостью, что влияет на число упоминаний их неофициальных названий в Интернете. Например, *Ебург* 'Екатеринбург' упоминается в «Яндексе»

⁴ Сложно сказать, всегда ли эти неофициальные топонимы существовали параллельно или это следствие «тюркификационной» топонимической политики Республики Казахстан.

более 1 000 раз, а *Краснотурка* 'Краснотурьинск' — 33 раза. Отчасти маркером «неоказиональности» является наличие образованных от данных НТ прилагательных и хоронимов, например, употребимость НТ *Кувьркиан* 'Кайеркан' («Яндекс» находит всего 2 документа) подтверждается наличием в выдаче «Яндекса» слов *кувьркианский* и *кувьркианцы* в релевантных значениях.

В целом можно говорить о трех основных мотивациях образования НТ: во-первых, сокращение (если учитывать, что разговорная речь вообще стремится к упрощению); во-вторых, освоение, выражение фамильярного отношения к городу; в-третьих, языковая игра.

В качестве прототипов ряда НТ можно назвать следующие:

1. Трехбуквенные авиационные коды. Примечательно, что одни трехбуквенные НТ-аббревиатуры совпадают с этими кодами (например, *ПТЗ* 'Петрозаводск'), а другие не совпадают (ср. *МГН* 'Магнитогорск' и авиационный код МГС).

2. Картографические и библиографические сокращения: *Верх. Пышма* 'Верхняя Пышма', *СПб.* 'Санкт-Петербург'.

3. Топонимические метафоры: *Танкоград* — обозначение Челябинского тракторного завода в годы войны, перешедшее на Челябинск; *нефтеград* — первоначально обозначение г. Стрежевой, сейчас обозначение любого города, основное население которого занято в нефтедобывающей промышленности; *наукоград* — с 1991 г. официальный термин для населенных пунктов с градообразующим научно-производственным комплексом.

4. Вымышленные топонимы из литературы: *город N.*, *Энск*, *Скотопригоньевск*, *Глухов*, *Нью-Васюки*, *Сан-Комарик* и т. д. — и метафоры провинции: *Мухоморанск*, *Зажопинск*, *Кислодрищевск* и др. [см. об этом: Белоусов].

5. Фольклорные топонимы, т. е. именованья (как в городской речи, так и в диалектах) отдельных зданий, районов и населенных пунктов с помощью уже существующих топонимов, обычно экзотических или имеющих политические коннотации: *Америка*, *Сайгон*, *Карабах*, *Чили*, *Шанхай* и т. п. [см. об этом: Березович, 176–205; Клубков, Лурье, 454; Подюков, 472–473].

Нередко НТ омонимичны другим словам. Эта ситуация представлена следующими проявлениями:

а) случайная омонимия с реально существующими топонимами, ср.: *Ленск* 'Лениногорск, Татарстан; Риддер, бывш. Лениногорск, Казахстан' и одноименный город в Якутии; *Севск* 'Северодвинск' и одноименный город в Брянской обл.; *Архара* 'Архангельск' и одноименный поселок в Амурской обл.;

б) омонимия с реально существующими топонимами, связанными с именуемыми населенными пунктами, ср. *Днепр* 'Днепропетровск' и р. Днепр; *Челяба* 'Челябинск' и одноименная крепость, основанная в середине XVIII в. и давшая название городу. Насколько в таких случаях связь названий является умышленной, сказать сложно;

в) омонимия, связанная со вторичной номинацией на базе онимов и/или апеллятивов [см.: Телия, 1977]. «Вторую жизнь» в неофициальной топонимии получают имена как собственные (ср. *Нюрка* ‘Нерюнгри’ и *Нюрка* ‘уменьш. от имени Анна’, *Павлик* ‘Павловский Посад; Павлоград; Павлодар’ и *Павлик* ‘уменьш. от имени Павел’), так и нарицательные (ср. *Железка* ‘Железноводск; Железнодорожск Курской обл.; Железнодорожск Красноярского кр.; Железнодорожный’ и *железка* ‘предмет из железа’; *Апачи* ‘Апатиты’ и *апачи* ‘индейское племя’). Явление вторичной номинации вообще свойственно разговорным онимам, ср. *мерин* ‘автомобиль «Мерседес»’, *Машка* ‘тепловоз марки М62’ и т. д.;

г) омонимия с однокоренными разговорными номинациями, ср. *Академ* / *Академка* ‘Академгородок’ и *академ* / *академка* ‘академический отпуск’; *Комса* / *Камса* ‘Комсомольск-на-Амуре’, *Комса* / *Камса* ‘сокращение для топонимов, образованных от прилагательного *комсомольский*’ и *комса* ‘комсомол; комсомолец’.

НТ существуют не только в русском языке. В других языках отмечены в принципе те же модели образования НТ, что и в русском: как различные виды сокращения (*A'dam* ‘Амстердам’, *L. A.* ‘Лос-Анджелес’, *MTL* ‘Монреаль, от *Mountreal*’), так и семантическое изменение (*Bollywood* ‘Бомбей, контаминация *Bombay* + *Hollywood*’, *Kaczogród* ‘Варшава, от фамилии Л. Качиньского’ — ср. с российским *Путинбургом-Петербургом*).

Наконец, в русском языке существуют неофициальные варианты и для зарубежных топонимов, преимущественно в узусе туристов, эмигрантов и жителей приграничных территорий: *Амс* и *Амстер* ‘Амстердам’, *Нюрка* ‘Нюрнберг’, *Сунька* ‘Суйфэньхэ’, *Шарм* ‘Шарм-эль-шейх’ и др.

Далее будут рассмотрены основные модели, по которым образуются НТ⁵.

1. Сокращение

1. Сокращение названия до первой буквы, факультативно — с добавлением определения «город»: (*город*) *Е* / (*город*) *Ё* ‘Екатеринбург’, (*город*) *Х(а)* ‘Хабаровск; Харьков’, (*город*) *Ч(е)* ‘Челябинск’, (*город*) *Ш(а)* ‘Шадринск’.

Это очевидная аллюзия на *город N* и другие литературные города подобного рода («губернский город С.» в «Ионыче» А. П. Чехова и др.).

2. Сокращения двусловных или двухосновных названий:

а) двубуквенные аббревиатуры: *БГ* ‘Борисоглебск’, *БЦ* ‘Белая Церковь’, *ДП* ‘Днепропетровск’, *ЗП* ‘Запорожье’, *ИФ* ‘Ивано-Франковск’, *ЛК* / *Л-К* ‘Ленинск-Кузнецкий’, *НН* ‘Нижний Новгород’, *НЧ* ‘Новочебоксарск’, *ПЗ* ‘Переславль-

⁵ Ценными замечаниями при обсуждении данной классификации моделей, а также самого феномена неофициальной топонимии я обязана В. И. Беликову и Е. В. Кулешову, за что выражаю им глубокую признательность. Без их помощи эта работа вряд ли была бы написана.

Залесский; Полярные Зори’, УУ / У-У ‘Улан-Удэ’, ХМ ‘Ханты-Мансийск’, ЧГ ‘Черноголовка’.

Одним из прототипов данной модели является именование человека по его инициалам или по первым буквам его имени и фамилии (наподобие БГ ‘Борис Гребенщиков’);

б) сокращение первой части до одной буквы: В. Поляны ‘Вятские Поляны’, Г-Алтайск / Галтайск ‘Горно-Алтайск’, Д-пилс ‘Даугавпилс’, Е-бург / Ебург > Ёбург ‘Екатеринбург’, Ж-водск ‘Железноводск’, Н. Вартовск / Н-вартовск / Нвартовск ‘Нижевартовск’, С-Двинск / Сдвинск и С-винск / Свинск ‘Северодвинск’, Сральск ‘Североуральск’.

Эта модель отчасти наследует картографическим сокращениям (хотя в ней задействуются для сокращения слова и части слов, которые обычно не сокращаются), отчасти — сокращению при беглом письме. Нередко образованный таким образом НТ приобретает новую семантическую окрашенность — например Сдвинск ‘Северодвинск’ мотивируется глаголом *сдвинуться* перен. ‘сойти с ума’, Свинск ‘то же’ отсылает к слову *свинья*;

в) сокращение первой части до первых трех букв, иногда совпадающих с первым слогом: Гавпосад ‘Гаврилов Посад’, Горключ ‘Горячий Ключ’, Дагогни ‘Дагестанские Огни’, Димград ‘Димитровград’, Марпосад ‘Мариинский Посад’, Медгорск ‘Медвежьегорск’, Медгора ‘то же; от ж/д станции Медвежья Гора’, Набчелны ‘Набережные Челны’, Пушгоры ‘Пушкинские Горы’, Серпосад ‘Сергиев Посад’, Совгавань ‘Советская Гавань’.

Эта модель вообще широко распространена в русском языке (ср. *подлодка*, *детсад*, *минобороны* и т. д.), и значительное количество подобных аббревиатур вошло в литературный язык — видимо, поэтому многие из образованных с ее помощью НТ употребляются в местных СМИ в абсолютно нейтральном контексте (Марпосад, Дагогни, Пушгоры), например: «Нарушения встречаются сплошь и рядом в Дербенте, Дагогнях, Хасавюрте» («Дагестанская правда», 23.01.2008);

г) единичны случаи сокращения обеих частей до их первых слогов или трех букв (Желдор / Жел-Дор ‘Железнодорожный’, Ленкуз / Лен-Куз ‘Ленинск-Кузнецкий’, Севкур / Сев-Кур ‘Северокурильск’), несмотря на популярность этой модели в русском языке (ср. *завхоз*);

д) редукция одной из частей, обычно являющейся прилагательным, образованной от прилагательного или выступающей в функции определения. Редуцироваться может как первая часть (Бург ‘Екатеринбург’, Вишерск ‘Красновишерск’, Джегута ‘Усть-Джегута’, Луки ‘Великие Луки’, Посад ‘Гаврилов Посад; Павловский Посад; Сергиев Посад’; Рог ‘Кривой Рог’, Франковск ‘Ивано-Франковск’), так и вторая (Гусь ‘Гусь-Хрустальный’, Ростов ‘Ростов-на-Дону’, Спасск ‘Спасск-Дальний’);

е) реже редуцируется существительное, опорное слово: Кривой ‘Кривой Рог’, Нижний ‘Нижний Новгород’ (вероятно, к этой модели можно отнести и Ханты ‘Ханты-Мансийск’).

3. Буквенная аббревиация:

а) трехбуквенные аббревиатуры. Наиболее частотна аббревиация от первых трех согласных: *БРН* 'Барнаул', *ВЛН* 'Вильнюс', *ВРН* 'Воронеж', *КЗН* 'Казань', *КЛГ* 'Калуга', *ЛБТ* 'Лабытнанги', *МСК* 'Москва', *СТР* 'Стерлитамак', *ТМБ* 'Тамбов' и т. д. Однако встречаются и другие способы аббревиации: *ВБГ* 'Выборг', *ЕКБ* 'Екатеринбург', *КГД* 'Калининград', *НСК* / *Н-ск* 'Новокуйбышевск; Новомосковск; Новосибирск', *ПТЗ* 'Петрозаводск', *РНД* 'Ростов-на-Дону', *СХД* 'Салехард', *СПБ* 'Санкт-Петербург', *УКГ* 'Усть-Каме-ногорск' и др.

Эти аббревиатуры почти исключительно буквенные, а не звуковые: *МСК* [эмэска], *ПТЗ* [пэтэзэ] — по крайней мере те, которые встречаются в устной речи (впрочем, поскольку источниками были в основном письменные тексты, это утверждение небесспорно);

б) реже встречаются четырехбуквенные аббревиатуры: *ДНДЗ* 'Днепродзержинск', *КЛМН* 'Коломна', *КРСК* / *Кр-ск* 'Красноярск; Красноуфимск', *НВРС* 'Новороссийск', а пятибуквенная аббревиатура (*НВРСК* 'Новороссийск') вообще единична. Мотивация в каждом отдельном случае здесь своя; обратим лишь внимание на *КЛМН* 'Коломна', где обыгрывается последовательность букв алфавита и основанный на этом эвфемизм «ЁКЛМН!».

Если говорить о типе 3 в целом, то, наряду с авиационными кодами, послужившими прототипом для группы 3а, стоит указать на модель сокращения, распространенную в справочных изданиях, библиографии, деловом и беглом письме: *вдхр* 'водохранилище', *вск* 'воскресенье', *мкрн* 'микрорайон', *стб* и *стлб* 'столбец' и т. д.

4. Заполнение лакун между согласными в аббревиатурах: Борисоглебск > Б-бск > *Бэбск* / *Бебск*, Даугавпилс > Д-пилс > *Депилс* / *Дэ-пилс*, Екатеринбург > ЕКБ > *Екабэ*, Красноуфимск и Красноярск > Кр-ск > *Кырск*, Нижний Новгород > НН > *НиНо* и *Энэн*, Новокуйбышевск, Новомосковск, Новосибирск > Н-ск > *Энск* и т. д.

Если аббревиатуры, как ожидается, употребляются в письменной речи, то мы имеем дело с их озвучиванием. Стоит обратить внимание на то, что *Энск* 'Новокуйбышевск; Новомосковск; Новосибирск' совпадает с литературным *Энск*, а сокращения от *Красноярск* и *Красноуфимск*, по логике, должны читаться как *Крыск*, однако этот вариант непопулярен, в отличие от *Кырск*, что объясняется большей легкостью произношения последнего.

5. Слоговое сокращение с сохранением первой (нескольких первых) и последней (нескольких последних) букв: *Лангес* 'Лангепас', *Ленск* 'Лениногорск', *Новочек* 'Новочеркасск', *Севск* / *Сев-ск* 'Северодвинск', *Семск* / *Сем-ск* 'Семипалатинск', *Сыр* и *Сык-р* 'Сыктывкар', *Тотти* 'Тольятти', *Ульск* 'Ульяновск', *Челск* / *Чел-ск* 'Челябинск', *Эки-баз* 'Экибастуз'.

Скорее всего, ближайший прототип этой модели — сокращения в обиходном или деловом письме, в справочных изданиях, ср. *лит-ра* ‘литература’, *чл.-корр* ‘член-корреспондент’, *к-рый* ‘который’ и т. д.

II. Морфемно-фонетическое изменение

1. Усечение слова:

а) с гласной в конце. Гласная-окончание может быть частью исходного топонима (*Бря* ‘Брянск’, *Йошка* и *Ёшка* ‘Йошкар-Ола’, *Ново* ‘Новороссийск; Новосибирск’, *Орджо* ‘Орджоникидзе’, *Прио* ‘Приозерск; Приозёрск’, *Фео* ‘Феодосия’) или добавляться к отделяемой части, оканчивающейся на согласную (*Белора* ‘Белореченск’, *Поха* ‘Похвистнево’, *Прокопа* ‘Прокопьевск’, *Чебара* ‘Чебаркуль’, *Челяба* ‘Челябинск’);

б) с согласной в конце: *Альмет* ‘Альметьевск’, *Бир* ‘Биробиджан’, *Влад* ‘Владивосток’, *Гелендж* ‘Геленджик’, *Ирк* ‘Иркутск’, *Киш* и *Кишин* ‘Кишинев’, *Маг* ‘Магадан’, *Новокуй* ‘Новокуйбышевск’, *Новосиб* > *Сиб* ‘Новосибирск’, *Орен* ‘Оренбург’, *Симф* и *Симфер* ‘Симферополь’, *Таш* ‘Ташкент’, *Экибас* ‘Экибастуз’. Очевидно, по этой же модели образовано и *Питер* < (*Санкт-*)*Питербурх*.

Образуемый НТ может иметь один, два или (реже) три слога, при этом чаще всего часть, оставшаяся после усечения, не имеет семантической целостности (а если и имеет, то скорее случайно). Стоит также отметить дублетные варианты усечения с разным оформлением по роду: *Благ* и *Блага* ‘Благовещенск’, *Днепр* и *Днепро* ‘Днепропетровск’, *Долгон* и *Долгона* ‘Долгопрудный’, *Хабар* и *Хабара* ‘Хабаровск’;

в) первая часть или основа во мн. ч. или в ед. ч. муж. р. преобразуется в существительное во мн. ч.: *Апачи* ‘Апатиты’, *Баранки* ‘Барановичи’, *Дубики* ‘Дубоссары’, *Олени* ‘Оленегорск’, *Стрежи* ‘Стрежевой’, *Тимаши* ‘Тимашевск’, *Чебы* ‘Чебоксары’;

г) корень топонима преобразуется в существительное в ед. ч., причем в одних случаях получается слово, действительно однокоренное изначальному топониму (*Липа* ‘Липецк’, *Рыба* ‘Рыбинск’, *Слюда* ‘Слюдянка’), а в других получившиеся существительные лишь омонимичны производящим словам (*Дудка* ‘Дудинка’, *Лытка* ‘Лыткарино’, *Нора* ‘Норильск’, *Рама* ‘Раменское’, *Качок* ‘Качканар’, *Рубец* ‘Рубцовск’, *Улей* ‘Ульяновск’) — это каламбуры, в определенном смысле сопоставимые с народной этимологией.

2. Суффиксация:

а) из обычно трехсложного или четырехсложного топонима в муж. р. образуется двусложное слово с ударением на первом слоге (реже трехсложное с ударением на втором слоге) в муж. р. с суффиксом *-ик*: *Арзик* ‘Арзамас’, *Владик* ‘Владивосток; Владикавказ; Владимир’, *Дальник* ‘Дальнереченск’, *Мурик* ‘Мурманск’, *Нижник* ‘Нижневартовск; Нижнекамск’, *Новчик* ‘Новочеркасск’, *Павлик* ‘Павловский Посад; Павлодар; Павлоград’, *Петрик* ‘Петрозаводск, Петро-

павловск', *Светлик* 'Светлогорск', *Светик* 'Светогорск', *Солик* 'Соликамск', *Ташик* и *Ташитик* 'Таштагол', *Хабарик* 'Хабаровск', *Ярик* 'Ярославль'.

Примечательно, что для НТ *Франик* 'Ивано-Франковск', известного также в украинском языке, существует вариант *Франык*. Интересный случай представляет собой неофициальное название Солигорска, имеющее варианты *Солик* и *Солиг*, что позволяет видеть в НТ сочетание суффиксальной модели на *-ик* и усечения;

б) из, как правило, четырехсложного (или с большим количеством слогов) топонима образуется двусложное слово с ударением на первом слоге или трехсложное с ударением на втором слоге в жен. р., чаще всего с суффиксом *-к-*, реже *-ик-*, *-очк-*, *-ах-* и др.: *Анжерка* 'Анжеро-Судженск', *Балабашика* 'Балабаново', *Белочка* 'Белая Церковь', *Гусинка* 'Гусиноозерск', *Железка* 'Железнодорожный', *Зелёнка* 'Зеленогорск Красноярского кр.; Зеленогорск Ленинградской обл., Зеленоград, Зеленоградский', *Златка* 'Златоуст', *Крамаха* 'Краматорск', *Лодейка* 'Лодейное Поле', *Магнитка* 'Магнитогорск', *Междурка* 'Междуреченск', *Мурка* 'Муравленко', *Невинка* 'Невинномысск', *Олешка* 'Оленегорск', *Тимаха* 'Тимашевск', *Устинка* 'Усть-Каменогорск';

в) довольно редкая модель: первая часть отделяется и преобразуется в существительное муж. р. с суффиксом *-ак/-як*, ср. *Красняк* 'Красноярск', *Сосняк* 'Сосновоборск; Сосновый Бор', *Южак* 'Южно-Сахалинск', *Южняк* 'Южноуральск; Южно-Морской';

г) к основе (которая может быть произвольно усечена или модифицирована) присоединяется суффикс *-овк-* и окончание *-а*: *Ивановка* 'Иваново', *Краматоровка* 'Краматорск', *Нарыловка* 'Норильск', *Таганроговка* 'Таганрог', *Улановка* 'Улан-Удэ'. Данная модель характерна для сельской топонимии, поэтому НТ приобретает «деревенские» коннотации.

3. А д ъ е к т и в а ц и я. Первая часть, образованная от прилагательного, отделяется и снова преобразуется в прилагательное: *Горный* 'Горно-Алтайск', *Дивный* 'Дивногорск', *Кислый* 'Кисловодск', *Малый* 'Малоярославец', *Медный* 'Медногорск', *Новый* 'Новочебоксарск', *Южный* 'Южно-Сахалинск'.

4. М е т а т е з ы р а з н о г о р о д а. В топониме могут переставляться буквы: *Говнород* 'Новгород', *Бредск* 'Бердск', *Ебалуга* 'Елабуга', *Зысрань* 'Сызрань', *Клопино* 'Колпино', *Ламата* 'Алматы' < *Алма-Ата*, *Петрозаводск* и *Петровозаводск* 'Петрозаводск', *Сатана* 'Астана'. При этом в НТ с переставленными буквами могут происходить различные изменения — усечение, приращение новых слогов и т. п.: *Ханты-Мантыйск*, *Мантыйск* и *Хантыйск-Мантыйск* 'Ханты-Мансийск', *Сыктыкмык* 'Сыктывкар'. В некоторых случаях НТ возникает в результате обратного прочтения официального названия города: *Зырга* 'Агрыз', *Лунарас* 'Сарапул'. В результате возникает созвучие названия со сниженной лексикой или словами, имеющими негативные коннотации (см. в примерах выше: неофициальное название Бердска мотивируется через лексему *бред*, Колпино —

через *клоп*, Астана — через *сатана* и т. д.); наконец, слово приобретает нарочитую неблагозвучность, в результате чего возникает комический эффект.

III. Семантическое изменение

1. Вторая часть двукорневого слова (реже — произвольная его часть) заменяется частью, содержащей негативные и/или «провинциальные» коннотации. Наиболее частотные замены: **-дырск** (*Бокситодырск* 'Бокситогорск', *Дальнедырск* 'Дальнегорск', *Железнодорожск* 'Железнодорожск Красноярского кр.', *Краснодырск* 'Красногорск; Краснодар; Красноярск', *Ленинодырск* 'Лениногорск; Риддер (бывш. Лениногорск)', *Магнитодырск* 'Магнитогорск', *Оленедырск* 'Оленегорск', *Петрозодырск* 'Петрозаводск', *Солнечнодырск* 'Солнечногорск', *Чернодырск* 'Черняховск', *Электродырск* 'Электротгорск') и **-сранск** (*Волгосранск* 'Волгодонск', *Красносранск* 'Краснозаводск; Краснознаменск; Красноярск', *Нефлесранск* 'Нефтегорск' и др.). Реже встречается замена на **-пьянск** (*Зеленопьянск* 'Зеленоградск; Зеленокумск', *Северопьянск* 'Северодвинск; Североморск'), **-дыр** (*Краснодыр* 'Краснодар', *Нарьян-Дыр* 'Нарьян-Мар', *Павлодыр* 'Павлодар', *Энергодыр* 'Энергодар'), **-дыра** (*Йошкар-Дыра* 'Йошкар-Ола', *Карадыра* 'Караганда', *Кызылдыра* 'Кызылорда'), **-ямск** (*Красноямск* 'Краснокамск; Красноярск'), **-жопинск** (*Дзержопинск* 'Дзержинск', *Снежопинск* 'Снежинск'), **-дыровск** (*Петродыровск* 'Петропавловск'). Замена лишь отчасти обусловлена фонетическим принципом (*-дар* меняется на *-дыр*; *-горск*, *-дольск* и пр. — на *-дырск* и *-сранск*; замена с частью *-жопинск* происходит в топонимах, в которых есть буква *ж*). Однако главным принципом является семантический: здесь мы имеем дело с опорой на культурные топосы и прецедентные термины. Так, *-дырск*, *-дыр*, *-дыра* и *-дыровск* отсылают к «дыре» — одной из метафор провинции (*Дырск* как имя собственное может употребляться и в качестве самостоятельной номинации, обозначающей провинциальный город); топонимы, оканчивающиеся на *-сранск* и *-жопинск*, являются аллюзиями на пресловутые *Мухосранск* и *Зажопинск*.

Поскольку данная модель мотивируется прецедентными терминами, в ее рамках, с одной стороны, велика доля окказиональных названий (таких, которые встречаются в Интернете неоднократно, но их частотность очень низка), с другой стороны, образованные таким образом НТ могут сами становиться метафорами провинции — например, *Зеленосранск* может обозначать любой провинциальный город.

2. Преобразование топонима на основе фонетического сходства и/или графических факторов. Частым мотивационным признаком в этом случае является провинциальность со всеми ее негативными коннотациями, и в ход снова идут отсылки к *Мухосранску*, задействуется топоним провинциальной «дыры» и «жопы»: *Адырау* 'Атырау', *Дыряновск* 'Зыряновск', *Жопино* 'Жодино', *Засратов* 'Саратов', *Засрахань* 'Астрахань', *Захолуст*

‘Златоуст’, *Ижонск* и *Изжонск* ‘Ижевск’, *Кондожона* ‘Кондопога’. Ряд топонимов содержит намек на криминальный характер и пьянство местного населения: *Быколаев* ‘Николаев’ < *бык* ‘недалекий и агрессивный человек’, *Гопотроицк* ‘Новотроицк’, *Гопнинск* ‘Обнинск’ < *гопник*, *Хулиганск* ‘Луганск’; *Алкоград* ‘Волгоград’, *Водкинск* ‘Воткинск’, *Киравск* ‘Киреевск’, *Стаканов* ‘Стаханов’. В целом же комизм значительной части НТ этой группы основан на сближении с общенной лексикой или со словами, имеющими негативные или сниженные коннотации: *Бабаклава* ‘Балаклава’, *Бубна* ‘Дубна’, *Вышний Сволочёк* ‘Вышний Волочёк’, *Ежевск* и *Ёжевск* ‘Ижевск’, *Казлянь* и *Казлянь* ‘Казань’, *Кувыркан* ‘Кайеркан’, *Некропетровск* ‘Днепропетровск’, *Перцк* ‘Бердск’ < *перец* (в молодежном социолекте ‘парень, подросток’), *Пердянк* ‘Бердянк’, *Порноул* ‘Барнаул’, *Сундуквар* ‘Сыктывкар’, *Сундуки* ‘Ессентуки’ < *сундук* ‘тупой человек’. Иногда новый топоним мотивируется локальными или региональными реалиями, например *Днепротроицк* и *Днепродым* ‘Днепродзержинск’ отсылают к «пыльному» и «дымному» производству Днепровского металлургического комбината; *Ижмуртск* ‘Ижевск’ является контаминацией из *Ижевск* и *Удмуртия*, т. е. названий города и республики, центром которой этот город является.

Графический фактор задействован в такого рода топонимах довольно редко. Например, неофициальные названия Брянска и Омска (соответственно *ГЭбрянск* и *Гомск*) обыгрывают написание топонимов с сокращением от слова *город* («г. Брянск» и «г. Омск»⁶), причем в первом случае, вероятно, мотивирующим является акустический фактор (имитация говора)⁷, а во втором — сближение с семантическим полем «гомосексуализм». Название Бийска *Убийск*, вероятно, не только мотивируется глаголом *убить*, но и обусловлено графическим фактором: на въезде в Бийск стоит скульптурное сооружение с названием города, и фигура перед словом напоминает букву *у*. Исключительно графическая мотивация у топонима *Убахобо* ‘Иваново’, восходящего к анекдотической истории о том, что написанное прописными буквами название города было принято за надпись на латинице UBAHOBO.

Что касается таких именованний Москвы, как *Масква* (количество второй *a* может быть произвольно) и *Моссква* (*Моссъква*; количество букв *c* может быть произвольно; также возможны любые сочетания этих написаний, наподобие *Маа-ассъква*), то в этом случае обыгрывается речь москвичей: аканье и, видимо, «снобский» стиль общения жителей столицы, презрительно cedящих слова сквозь зубы⁸.

⁶ Ср. диалог блогеров из Омска (2008): «К сожалению, мы живем в маленьком городишке Гомске, городе гопников. <...> — Не обижай родной город. К тому же Гомск — уже с “городом” в начале, так что говорить “город Гомск” не обязательно» [Электронный ресурс]. URL: <http://ultrazver.livejournal.com/21378.html>.

⁷ Ср. объяснение в разделе «Прозвища городов» русской Википедии: «ГЭБрянск, г. Брянск (презрительно, из-за соседства с Беларуссией и Украиной многие жители “гэкают”»).

⁸ В случае с умножением букв *c* вероятно также сближение с глаголом *ссать*.

3. Замена другим топонимом: *Борнео* ‘Барнаул’, *Багдад* ‘Богданович; Богодухов’, *Венеция* ‘Винница’, *Дрезден* ‘Дзержинск Донецкой обл.; Днепродзержинск’, *Каир* ‘Кайеркан’, *Камерун* ‘Кемерово’, *Лиссабон* ‘Лисичанск’, *Сайгон* ‘Весьегонск’, *Сингапур* ‘Сыктывкар’, *Чикаго* ‘Черногорск’, *Чили* ‘Челябинск’ и т. д. Подавляющее большинство мотивирующих топонимов — иностранные; комизм основан на возведении города к иностранному, априорно более высокому (впрочем, также вероятно снижение за счет коннотаций «дикости», которыми могут наделяться азиатские и африканские города; ср. также репутацию Чикаго как криминального города). Исключения — *Питер* ‘Петропавловск (Казахстан); Петропавловск-Камчатский’ (впрочем, это тоже отсылка к статусно высокому топониму: Питер, Петербург — все-таки одна из столиц) и *Ялта* ‘Ялаторовск’ (значимость Ялты как курортного места также довольно велика).

Замена происходит преимущественно на основе фонетического сходства, за исключением, наверное, единственного случая: *Техас* ‘Шымкент’; такая модель образования скорее свойственна сельской топонимии или неофициальному именованию районов и зданий.

4. Контаминация с реально существующим топонимом на основе фонетического сходства или семантической мотивации. В случае фонетического сходства или простого присоединения части одного топонима к другому в качестве мотивирующих также чаще всего задействуются иностранные топонимы, что служит для иронического возвышения города. Популярными мотивирующими топонимами оказываются *Париж* (*Ахан-Париж* ‘Ахангаран’, *Бахчипариж* ‘Бахчисарай’, *Житипариж* ‘Житикара’, *Сары-Париж* ‘Сарыозек; Сарышаган’, *Талды-Париж* ‘Талдыкорган’), *Сан-Франциско* (*Сан-Рубциско* ‘Рубцовск’, *Сальск-Франциско* ‘Сальск’, *Сан-Харцызско* ‘Харцызск’), *Лос-Анджелес* (*Лос-Ангельск* ‘Архангельск’, *Дубосанджелес* ‘Дубоссары’, *Лос-Петрос* ‘Лосино-Петровский’, *Лос-Таганос* и *Таганжелес* ‘Таганрог’), *Лас-Вегас* (*Благовегас* ‘Благовещенск’, *Лас-Львовас* ‘Львов’, *Мос-Вегас* ‘Москва’), *Копенгаген* (*Колтинггаген* и *Колпенгаген* ‘Колпино’, *Копейскаген* ‘Копейск’), *Рио-де-Жанейро* (*Рио-де-Куженейро* ‘Куженер’, *(Рио-(де)-)Таганейро* и *Сан-Таганейро* ‘Таганрог’), *Техас* (*Тихас* ‘Тихорецк; Фокино, бывш. Тихоокеанский’). В качестве мотивирующих могут выступать и другие топонимы: *Барнеаполь* ‘Барнаул’ < *Неаполь*, *Барнео* ‘Барнаул’ < *Борнео*, *Джанконг* ‘Джанкой’ < *Гонконг*, *Кемерун* ‘Кемерово’ < *Камерун*, *Кишингтон* ‘Кишинев’ < *Вашингтон*, *Кокчекаго* и *Кокчикаго* ‘Кокшетау, бывш. Кокчетав’ < *Чикаго*, *Лесабон* и *Лессабон* ‘Лесосибирск’ < *Лиссабон*, *Мончестер* ‘Мончегорск’ < *Манчестер*, *Симферпуль* ‘Симферополь’ < *Ливерпуль*, *Таган-Йорк* ‘Таганрог’ < *Нью-Йорк* и т. д. В этом же ряду стоят названия, где мотивирующими являются отечественные (постсоветские) топонимы: *Можгоу-сити* ‘Можга’ < *Moscow-city* и *Барнауполь* ‘Барнаул’ < вероятно, *Мариуполь*, однако в первом случае обыгрывается английский

перевод мотивирующего топонима, а во втором сама форма мотивирующего топонима вполне иностранная, а значит, «престижная».

Семантическая мотивация задействуется чаще для принижения именуемого города, и мотивирующими оказываются топонимы постсоветские. Например, именование Москвы *Москвабад* < *Ашхабад* принижает столицу, поскольку подразумевает, что в нее «понаехали» мигранты из Средней Азии; схожая мотивация у *Ереваново* 'Иваново' < *Ереван*. Топоним *Соснобыль* 'Сосновый бор' < *Чернобыль* отсылает к Ленинградской АЭС, которая находится в Сосновом Бору и является предметом беспокойства петербуржцев. *Хабруйск* 'Хабаровск' возводится к *Бобруйск*, которое (прежде всего в интернет-общении) является метафорой провинции, ср. формулу в *Бобруйск* (*Бабруйск*), *животное!*, подразумевающую упрек в отсталости, грубости и пр. Единственный обнаруженный нами семантически мотивированный контаминированный НТ, лишенный негативных коннотаций (при этом, заметим, мотиватором является иностранный город), — *Лос-Арзамас* 'Саров, бывш. Арзамас-16' < *Лос-Аламос*. В этом случае связь названий обусловлена прежде всего тем, что в обоих городах имеются центры, занимающиеся разработками в области ядерной физики⁹.

Кроме того, топоним может «облагораживаться» за счет контаминации с обычными топонимическими частями *-бург*, *-полис*, *-сити* и *-град*, три из которых «престижны» благодаря своему иностранному происхождению, а четвертая — за счет своей архаичности: *Барнеаполис* 'Барнаул', *Бердскоград* 'Бердск', *Гулькинград* 'Гулькевичи', *Жезбург* и *Джезбург* 'Жезказган, бывш. Джезказган', *Зеленбург* 'Зеленоград', *Кисельбург* 'Киселевск', *Козлоград* 'Козелец; Козулька', *Рыбград* и *Рыбоград* 'Рыбинск', *Сосноград* 'Сосногорск' и др.; часть *-сити* окказионально присоединяется практически к любому топониму.

Наконец, отдельным любопытным случаем является контаминация современного названия города с историческим: (*Санкт-*)*Ленинбург* 'Петербург' < *Ленинград*, *Кёнигсград* и *Калининберг* 'Калининград' < *Кёнигсберг*, что связано с рефлексией жителей данных городов по поводу их переименования.

5. Замена квазитопонимом на основе семантической мотивации. НТ может являться своеобразной калькой, например: *Леополис* 'Львов' (возможно, от средневекового латинского названия), *Фишбург* 'Рыбинск' (ср. англ. *fish* 'рыба'). Используется семантическое сближение (как правило, комическое): *Квакинбург* и *Квакенбург* 'Жабинка' (сближение *жаба* и *квакать*), *Сугробинск* 'Снежинск' (сближение *снег* и *сугроб*), *Бревноград* 'Лесозаводск; Лесосибирск' и *Бревногорск* 'Лесосибирск' (сближение *лес* и *бревно*). Обыгрываются локальные особенности именуемого города или региона: *Хитроград* 'Биробиджан' (центр Еврейской АО, евреи наделяются признаком хитрости), *Заколючинск* 'Железногорск Красноярского кр.' (подразумевается — «за колючей

⁹ С 1993 г. Саров и Лос-Аламос являются городами-побратимами.

проволоккой», поскольку данный населенный пункт является закрытым административно-территориальным образованием), *Козлоград* 'Тверь' (козел — один из символов этого города: тверичей в русской фольклорной традиции дразнили козлами, а в 2008 г. в Тверском гуманитарном университете даже открылся музей козла). Впрочем, *Козлоград* довольно часто употребляется как негативное обозначение любого города (ср. инвективу *козел*), при этом частотность и систематичность такого именованья применительно к конкретным городам позволяет утверждать, что *Козлоград* является неофициальным названием Волгограда, Кировограда, Москвы и Славгорода (с уничижительным оттенком); в случае же именованья таким образом Козельца и Козульки мы имеем дело с другой мотивацией (см. выше).

Квазитопоним нередко обыгрывает связь города с известной личностью: *Кантоград* 'Калининград' (родина философа Канта), *Лужки* и *Лужков-сити* 'Москва' (по фамилии мэра Москвы Ю. М. Лужкова), *(Санкт-)Путинбург* 'Петербург' (родина В. В. Путина) и т. д.

6. Замена любым словом. Эта группа разнородна, немногочисленна и скорее представляет собой собрание исключений, которые неизбежны при любой классификации. Омонимия НТ данной группы является не случайной, а обусловленной либо фонетически (*Кузьма* 'Козьмодемьянск', *Нюрка* 'Нерюнгри', *Жидовка* 'Железнодорожный' < сокращение *ж/д*¹⁰), либо семантически (*Девятка* 'Железнодорожк Красноярского кр.' < почтовый ящик № 9; *Дуст* 'Дзержинск Нижегородской обл.', от находящегося в городе предприятий химической промышленности, ср. *дуст* 'химический препарат для уничтожения насекомых')

7. Исторический топоним: *Динабург* 'Даугавпилс', *Колывань* 'Таллинн', *Лемберг* 'Львов', *Ленинград* 'Петербург', *Растяпино* 'Дзержинск', *Сталинград* 'Волгоград', *Щегловск* 'Кемерово' и т. д. Употребление исторического топонима, с одной стороны, может быть делом привычки (особенно в случае недавнего переименования), но чаще это манифестация реального или мнимого несогласия с переименованием города (например, в изданиях КПРФ Петербург часто называется *Ленинградом*¹¹, а некоторые православные монархисты предпочитают называть его *Петроградом*, поскольку указ Николая II о переименовании города другой законный государь не отменял¹²), манифестация гордости за историческое прошлое или бравирование своим знанием истории (например,

¹⁰ Вообще сближение сокращения *ж/д* с семантическим полем «жид» продуктивно: ср. псковские онимы *Жидовка*, *Жидуха* (*Жедуха*) и *Жиды*, обозначающие клуб железнодорожников, железнодорожный техникум, ресторан в здании вокзала и т. д. [Никитина, Роголева, 98–99].

¹¹ Например: «Празднование Дня Победы в Ленинграде со всей наглядностью показало, как священная память о подвиге советского народа объединяет людей разных поколений» (Официальный сайт КПРФ. 10.05.2009. URL: http://kprf.ru/rus_soc/66492.html?print).

¹² Записано в 2003 г. от В. П. Кузнецова, главного редактора альманаха «Жизнь Вечная».

участник форума из Волгограда пишет в своих личных данных «Сталинград», а блогер из Сыктывкара называет свой город «наш славный град Усть-Сысольск»).

Однако «низкий» исторический топоним, особенно соответствующий догородскому статусу населенного пункта, употребляется в уничижительных целях (например, в Кемеровской области существует соперничество Кемерово и Новокузнецка: жители последнего считают свой город более достойным статуса областного центра и называют Кемерово *Щегловском* — по наименованию до 1932 г.).

8. Модифицированный исторический топоним. С одной стороны, с историческими топонимами происходят описанные выше изменения, обычно упрощающего характера (*Кёниг* и *Кёник* ‘Калининград’ < *Кёнигсберг*, *Тетьюха* ‘Дальнегорск’ < *Тетьюхе*). С другой стороны, «низкий» исторический топоним, будучи модифицирован, звучит еще комичнее (*Растяпинск* ‘Дзержинск’ < *Растяпино*, *Щегловка* ‘Кемерово’ < *Щегловск*¹³).

9. Название на языке коренного населения. Это касается городов, находящихся в регионах с преобладающим нерусским населением и имеющих параллельные названия на русском и национальном языках. Название может как в точности повторять национальное (*Ижкар* ‘Ижевск’ < удм. *Ижкар*, *Петроской* ‘Петрозаводск’ < карел. *Petroskoi*), так и модифицировать его (*Чупашкар(ы)* ‘Чебоксары’ < чуваш. *Шупашкар*, *Усть-Каман*, *Устькаман*, *Уськаман* и *Ускаман* ‘Усть-Каменогорск’ < казах. *Өскемен*).

Ахметова М. В. Русская неофициальная топонимия : социальный аспект // Социальные варианты языка : материалы междунар. науч. конф. Нижний Новгород : ННГЛУ им. Н. А. Добролюбова. VI. 2009. С. 48–50.

Ахметова М. В. Русская неофициальная топонимия : генезис и узус // Вестник Российского гос. гуманитарного ун-та. Сер. «Литературоведение. Фольклористика». М. : РГГУ, 2010. (В печати).

Беликов В. И. Статистический анализ неофициальной топонимии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сент. 2009 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 25–28.

Белюсов А. Ф. «Символика захолустья» (обозначение российского провинциального городка) // Геопанорама русской культуры : провинция и ее локальные тексты. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 457–482.

---

¹³ Например: «Несмотря на то что формально Новокузнецк является всего лишь районным центром Кемеровской области, он больше региональной столицы — г. Кемерово — и по занимаемой площади (424,27 кв. км против 283,3 кв. км), и по численности народонаселения (562 тыс. чел. против 520 тыс. чел., по данным на 2008 г.). Ну прямо Нью-Йорк и Вашингтон какие-то! Поэтому неудивительно было слышать, как новокузнецкие пренебрежительно называли Кемерово “деревня Щегловка”. “Здрасьте! А начальник у себя?” — спрашивает работник предприятия у секретаря. “Не будет его сегодня. Он на совещание в Щегловку поехал!”» [Кашин].

- Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
- Гарбовская Н. Б.* Онимные и отонимные образования в современных масс-медийных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006.
- Гельфанд В. Н.* Дневники 1941–1946 гг. // Военная литература [сайт]. URL: http://militera.lib.ru/db/gelfand_vn (со ссылкой на электрон. журнал «Самиздат», 2004).
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1981–1982.
- Жемерова С. Б.* Социолект автостопщиков // Социальные варианты языка : материалы междунар. науч. конф. Нижний Новгород : ННГЛУ им. Н. А. Добролюбова. II. 2003. С. 150–151.
- Кашин П. В.* Кемерово // «Переезд.Ру» [сайт]. Запись 2009 г. URL: http://www.pereyezd.ru/readarticle.php?article_id=106.
- Клубков П. А.* Говорите, пожалуйста, правильно. СПб. : Норинт, 2004.
- Клубков П. А., Лурье В. Ф.* Разговорные топонимы как явление фольклора // Современный городской фольклор. М. : РГГУ, 2003. С. 450–459.
- Крюкова И. В.* Ономастическое шаржирование // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сент. 2009 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 147–149.
- Липатов А. Т., Журавлев С. А.* Региональный словарь русской субстандартной лексики. (Йошкар-Ола. Республика Марий Эл). М. : ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2009.
- Никандрова И. В.* Аббревиация в молодежном сленге : усечение слов // Социальные варианты языка : материалы междунар. науч. конф. Нижний Новгород : ННГЛУ им. Н. А. Добролюбова. V. 2007. С. 52–55. (Загл. на обл.: Язык в современных общественных структурах).
- Никитина Т. Г., Роголева Е. И.* Региональный словарь сленга : (Псков и Псковская область). М. : ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2006.
- Петрушевская Л.* Истории из моей жизни : автобиографический роман. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2009.
- Подюков И. А.* Современное городское топонимическое творчество (на материале неофициальной урбанонимики Перми) // Современный городской фольклор. М. : РГГУ, 2003. С. 460–467.
- Пономаренко И. Н.* Диалектные модели в современном городском просторечии // Социальные варианты языка : материалы междунар. науч. конф. Нижний Новгород : ННГЛУ им. Н. А. Добролюбова. II. 2003. С. 65–67.
- Поспелов Е. М.* Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. М. : Профиздат, 2000.
- Телия В. Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация : виды наименований. М. : Наука, 1977. С. 129–221.
- Языки городов — Словарь диалектов русского языка // АBBY Lingvo Клуб [сайт]. URL.: <http://www.lingvo.ru/goroda>.

Рукопись поступила в редакцию 10.10.2009 г.

ОНОМАСТИКА И ОТОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЖАРГОНЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ*

Ключевые слова: русская ономастика, ономасиология, отономастическая номинация, апеллятивизация имени собственного, жаргон, культурные коннотации имени собственного, паронимическая аттракция, языковая игра.

В статье рассматриваются имена собственные разных разрядов, функционирующие во вторичном отономастическом употреблении в жаргоне железнодорожников. Цель автора — мотивационная интерпретация жаргонизмов, выявление общих закономерностей (принципов, моделей) и специфики отономастической номинации в исследуемом профессиональном жаргоне.

Функционирование онимов во вторичной номинации подчиняется существующим в жаргоне принципам отбора языковых единиц и правил их использования как средств номинации (паронимическая аттракция, широкий охват «донорских» сфер лексики, прецедентная номинация, языковая игра). В качестве специфичных для жаргона железнодорожников черт можно отметить преобладание имен людей (антропонимов, этнонимов, коллективно-территориальных прозвищ) над географическими названиями, а также ономастическое обыгрывание аббревиатур (например, *федя* 'паровоз серии ФД', *маша* 'тепловоз М-62').

Речевая практика железнодорожников и работников метрополитена нашла отражение, насколько нам известно, только в небольшом (около 680 единиц) словаре Д. Зиновьева «Русский железнодорожный сленг» (2002). Это выглядело бы,

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке госконтракта П 736 от 12.08.2009 на проведение НИР в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (тема «Время и человек в свете ономастической и отономастической номинации»).

© Л. А. Феоктистова, 2010

пожалуй, несколько парадоксально для страны, которую именно железные дороги по-прежнему «стягивают в единое государство» (С. Витте), являясь самым доступным транспортом для миллионов граждан, если бы не присущая любому социолекту герметичность и, следовательно, малодоступность для «внешнего наблюдателя» (составителями подобных словарей зачастую являются сами носители жаргона).

Словарь Д. Зиновьева включает как общераспространенные жаргонизмы (т. е. употребительные на всем «протяжении» российских железных дорог), так и узколокальные (функционирующие в отдельных подразделениях РЖД). Дополнением к этому словарю могут служить лексические материалы Л. В. Красноперовой, записанные ею в 2004–2008 гг. в ходе опроса и наблюдений за речью работников Свердловской железной дороги (Свердловское и Сургутское отделения) и представленные в дипломном сочинении [см.: Красноперова] (около 430 единиц). Его автор совмещает в одном лице и собирателя жаргона и его носителя, лингвиста и железнодорожника¹ (случай сам по себе редкий), что обеспечивает полноту и надежность собранного языкового материала и повышает уровень его лексикографической обработки. Эти два словаря и стали источниками нашей работы.

Объект анализа в данной статье — жаргонизмы, представляющие собой имена собственные во вторичном употреблении; всего 82 онима. Анализ этих, пусть и немногочисленных, производных позволяет выявить некоторые закономерности и специфику вторичной ономастической номинации в жаргоне (в первую очередь железнодорожников, но не только).

Своеобразие употребления онимов во вторичной номинации обнаруживает уже сам выбор имен собственных, их разрядов и количественное соотношение последних:

Разряды онимов, функционирующих во вторичной номинации	Кол-во
Антропонимы	37 (6) ²
Этнонимы	17
Коллективно-территориальные прозвища	9
Топонимы	8
Зоонимы	3 (3)
Эргонимы	3
Порейонимы (названия транспортных средств)	2

¹ Л. В. Красноперова, работая дежурной на подстанции СЖД, закончила заочное отделение филологического факультета Уральского университета (Екатеринбург, 2008 г.).

² В скобках указано количество производных от литературных онимов.

Анализ отыменных дериватов удобнее начать с рассмотрения тех из них, которые восходят к **географическим названиям**. Это довольно пестрая по своему составу группа, которая включает производные от наименований разных видов топообъектов, имеющие разную мотивацию и образованные по разным словообразовательным моделям.

С маршрутом следования пассажирских поездов (конечным пунктом или территорией, по которой пролегает этот маршрут) связано происхождение следующих названий: *хабарик* ‘пассажирский поезд 183/184, 43/44 Москва—Хабаровск (название употреблялось на Северной железной дороге, особенно на костромском перегоне; устарело с лета 2001 г.)’ [Зиновьев] — от неофициального названия Хабаровска³; *уральские зори* ‘пассажирский поезд местного назначения (например, Свердловск—Красноуфимск)’ [Красноперова]. «*Уральские зори*» известно как название детского лагеря недалеко от г. Камышлов Свердловской области, есть также одноименный дом отдыха в Челябинской области, что указывает на клишированность сочетания, «унаследованного» от советской эпохи⁴.

Стереотипные черты географического объекта нашли отражение в номинациях *китай* (*китайка*) ‘вторично использованное постельное белье’ [Зиновьев] (подробнее см. о нем ниже, в связи с этнонимом) и *шанхай* ‘вагоны путевой машинной станции (ПМС)’ [Зиновьев], см. также ‘пассажирские вагоны на Варшавском вокзале, в которых жили строительные и железнодорожные рабочие (1970-е гг.)’ [Синдаловский, 203]. Образ Шанхая как перенаселенного города, с большим числом сезонных рабочих, живущих в тесноте, широко представлен в урбанонимии: например, *Шанхай* ‘жилой городок для рабочих Кировского завода на Тракторной улице’ в Петербурге [Синдаловский, 203]; ‘стихийно возникший, хаотично застроенный пригород; самовольно застроенная и неблагоустроенная окраина города; трущобы’, ‘неблагоустроенный небольшой поселок; место, хаотично застроенное домиками-временками’ [Отин, 412]; ‘название многоквартирного дома’ [Влг: Устюж — ТЭ]. Ср. также *шанхай* угол. ‘воровской притон’, жарг.-разг. ‘пивная без сидячих мест’ [БСРЖ, 682].

Всем рассмотренным выше оттопонимическим дериватам противопоставлены *хопёр* ‘хоппер-дозаторный вагон’ и *миссисипи* (шутл.) ‘машина по смене стрелочных поездов (МССП)’ [Красноперова] как номинации сугубо формального характера. Они возникли в процессе адаптации номенклатурных наименований, неудобных для произношения из-за своей чрезмерной громоздкости или,

³ См. статью М. В. Ахметовой в наст. изд., где приводятся также и другие примеры образования неофициальных урбанонимов путем усечения и суффиксации: *Арзик* ‘Арзамас’, *Владик* ‘Владивосток; Владикавказ; Владимир’, *Дальник* ‘Дальнереченск’, *Мурик* ‘Мурманск’ и др.

⁴ Ср., например, названия санаториев, пансионатов и т. п.: «*Аксаковские зори*» (в пос. Аксаково Мытищенского р-на Московской обл.), «*Волжские зори*», «*Обские зори*», «*Крымские зори*»; «*Зори Анапы*», «*Зори Ставрополя*».

напротив, чрезмерной краткости (ср. *моника* (шутл.) ‘машина по нарезанию кюветов (МНК)’ [Красноперова]). Атракция к имени собственному (антропониму) часто используется при обыгрывании аббревиатур, выражающемся в их своеобразной дешифровке (подробнее см. ниже).

В языковую игру вовлекаются и **эргонимы** и их производные: см. *финики* ‘Финские железные дороги (на Октябрьской железной дороге)’; *октябрюта* ‘работники Октябрьской железной дороги’, *бабуины* ‘локомотивные бригады депо Бабаево Октябрьской железной дороги’ [Зиновьев].

От эргонимов образованы также *ворошиловоградка* ‘тепловоз 2ТЭ10В’ и *луганка* ‘тепловоз 2ТЭ10Л’ [Зиновьев], указывающие на изготовителя — Луганский (ранее Ворошиловградский) тепловозостроительный завод⁵. Еще один пример — *фердинанд* ‘тепловоз ТЭ2’ [Зиновьев]: паровоз этой серии — ТЭ («Трофейный, эквивалентный серии Э») — был разработан в Германии во время II мировой войны как военный локомотив (немецкая серия 52), в 1942–1944 гг. строился многими заводами Европы, в том числе на заводе «Фердинанд Шихау» в польском городе Эльблонге, откуда и поступил в СССР в качестве трофейного.

Ориентирующая в пространстве номинация реализуется также посредством **этнонимов** — применительно к локомотивным бригадам и поездам.

В наименованиях локомотивных бригад этнонимы используются для указания на пункт размещения: *буряты* ‘локомотивные бригады депо Улан-Уде’, *гураны*⁶ ‘локомотивные бригады подменного пункта Хилок Забайкальской железной дороги’ [Зиновьев] — или маршрут движения: *поморы* ‘локомотивные бригады, которые ведут электрички тепловозами по Большой Приморке (Зеленогорск—Выборг под Санкт-Петербургом, в обход главного хода)’ [Зиновьев], — а также как характеризующие (кваликативные и/или эмоционально-оценочные) номинации: *албанцы* ‘локомотивные бригады депо Ильича’, ‘локомотивные бригады депо Резекне (Латвия, LDz)’, ‘локомотивные бригады цеха Новосокольники (депо Великие Луки)’; *китайцы* ‘локомотивная бригада депо Даугавпилс’; *немцы* ‘локомотивные бригады депо Купянск’ [Зиновьев].

О конкретных мотивах характеризующих номинаций можно судить по сходным образованиям среди коллективно-территориальных прозвищ, которые

⁵ Луганск дважды (в 1935 и 1970 гг.) переименовывался в Ворошиловград.

⁶ См. *гуран* прибайк. ‘прозвище забайкальского старожила с ярко выраженными чертами потомка смешанных браков с аборигенами’ [СРГПРбайк, 1, 87], амур., хаб. ‘прозвище жителя Приамурья, потомка русских переселенцев из Забайкалья’ [СРГП, 66] — к этнонимам данное прозвище можно отнести только с известной долей условности.

⁷ Е. Л. Березович отмечает особую популярность этнонимических производных среди коллективно-территориальных прозвищ: «люди, проживающие в соседней местности, занимают промежуточное положение между своим социумом и чужаками, инородцами, однако ближе к последним» [Березович, 125].

воплощают обобщенное представление об их носителях как о чужаках⁷ (неслучайно, наверное, то, что среди производящих только «внешние», обозначающие иностранцев этнонимы) и/или стереотипное восприятие тех или иных этносов (в данном случае немцев, китайцев). Собственно говоря, наименования локомотивных бригад можно рассматривать как своеобразную «разновидность» коллективно-территориальных прозвищ, ср.: *албанцы* — ‘жители д. Пурнема Онежского р-на Архангельской обл.’⁸; *китайцы* — ‘жители д. Большое Каргачево Вельского р-на Архангельской обл.’ («Их с войны много домой вернулось»), ‘жители д. Пергумузь Бабаевского р-на Вологодской обл.’ («Народу было как в Китае — по восемь да по семь в каждой семье»), ‘жители д. Хлыщевская Вельского р-на Архангельской обл.’ («Там все звали то китайцы, то лопари, от сельсовета самая крайняя деревня с той стороны») и т. п.; *немцы* — ‘жители северной части д. Михеево Кадыйского р-на Костромской обл.’ («Бабы ругались раньше, вот и прозвали мы их немцам, они нас японцам после войны, чтобы обидно было»); ‘жители д. Лысиха Шарьинского р-на Костромской обл.’ («Немтыри, немцы в Лысихе, какие-то люди были, и теперь зовут так») и т. п. Среди названий локомотивных бригад есть и непосредственно производные от коллективно-территориальных прозвищ (см. ниже). Обозначения бригад латвийских депо — *албанцы*, *китайцы* — близки вторичным этнонимам наподобие жарг. *француз* ‘азиат’, ‘еврей’ [ССРГ, 520], также эксплицирующих идею чуждости инородцев.

В наименованиях поездов посредством этнонимов обозначаются исходный (конечный) пункт движения: *башкирин* (пренебр.) ‘поезд 331/332 Уфа—Новый Уренгой’, *татарин* — ‘поезд Казань—Новый Уренгой’, *хакас* ‘пассажирский поезд Москва—Абакан’, *китаец* (шутл.) ‘пассажирский поезд сообщением Москва—Пекин’ [Красноперова], *три карела* ‘ходивший ранее поезд 666/665 Москва—Осташков’⁹ [Зиновьев], — а также страна-изготовитель: *мадьярик* ‘дизель-поезд Д1’ [Зиновьев]; *чех* ‘электровоз серии ЧС’ [Зиновьев; Красноперова], ‘путевая (щелочистительная) машина СЧ’ [Красноперова]; *грузин* (шутл.) ‘грузовой поезд’ [Красноперова]¹⁰. Аттракция к *грузовой* в последнем примере создает эффект языковой игры, основанный на сознательном нарушении словообразовательной модели: *грузин* < *грузовой*.

⁸ Здесь и далее коллективные прозвища извлечены из рукописи Словаря русских коллективных прозвищ, любезно предоставленной его автором-составителем — Ю. Б. Воронцовой, за что мы ей крайне признательны.

⁹ Осташков — административный центр Осташковского района Тверской области — территории проживания тверских карел. В отношении числительного можно предполагать обыгрывание номера поезда, состоящего из трех одинаковых цифр, по модели: *три богатыря*, *три мушкетера*, *три толстяка*, *три танкиста* и т. п.

¹⁰ Дизель-поезд Д1 строился венгерским заводом Ганц-МАВАГ, электровоз серии ЧС — чешским заводом «Шкода» (г. Пльзень); щелочистительные машины СЧ выпускаются калужским электровозостроительным заводом «Ремпутьмаш» совместно с фирмой «МТХ-Прага», электровозы серии ВЛ для грузовых поездов — заводом в Тбилиси (АО «Электровозостроитель»).

В номинации *башкировоз* (пренебр.) ‘поезд 675/676 Уфа—Сибай’ [Зиновьев] указание на исходный или конечный пункт движения совмещается с обозначением этнической принадлежности пассажиров. Это отчасти соответствует действительности, отчасти является продуктом стереотипного мышления (из Уфы едут башкиры, но не только они). Словосложение звучит пренебрежительно прежде всего из-за низведения пассажиров до категории грузов: ср. *бензовоз*, *зерновоз*, *лесовоз*, *тяжеловоз*. Эмоционально-оценочная окраска других номинаций (*китаец*, *башкирин*) объясняется существующими этностереотипами.

В некоторых случаях имеет место метафоризация отдельных стереотипных черт национальностей: см., в частности, *монголка* ‘тепловоз ТЭ2 или ранний ТЭЗ (узкие лобовые стекла ассоциируются с раскосыми глазами монголов)’; *китай(ка)* ‘вторично использованное постельное белье’ [Зиновьев], см. также *скинуть (задвинуть, загнать) китайку* ‘выдать пассажиру использованное постельное белье’ [БСРЖ, 257; с пометой «ж/д»].

Составители БСРЖ предполагают, что наименование *китайка* дано по сходству цвета кожи китайцев и нестиранного белья (желтый); значение могло иметь и то, что прачечные содержали именно китайцы¹¹. Еще один вероятный мотив для номинации — второсортность китайских товаров, ср.: жарг. *всякий Китай* (собр.) ‘мелкая бижутерия, дребедень — как правило, низкого качества’ (запись Е. Л. Березович), молод. *китаёзный* (пренебр.) ‘китайского производства (обычно низкого качества)’ [Осипов, 198].

Обращает на себя внимание женский род номинаций *китайка* и *монголка*: скорее всего, это квазиэтнонимы, производные с суффиксом *-к(а)* от прилагательных — *китайский*, *монгольский*. Ср. *китайка* ‘плотная, преимущественно синяя ткань, первоначально шелковая, ввозившаяся из Китая, потом хлопчатобумажная, производившаяся в России’ [ССРЛЯ, 5, 976]¹², *шотландка* ‘ткань с рисунком в виде цветных клеток’ [Там же, 17, 1512], а также *венгерка* ‘куртка с высокой талией, шнурами по швам и поперечными шнурами (для застегивания)’, ‘танец’, ‘сорт слив’ [Там же, 2, 154], *голландка* ‘то, же, что голландская печь’, ‘курица голландской породы’, ‘парусиновая рабочая матросская рубаха’ [Там же, 3, 212] (примеры лексем взяты из [РГ, 82–83]).

¹¹ Об этом нам сообщила Е. Л. Березович со ссылкой на С. Ю. Неклюдова; китайские прачечные встречаются в воспоминаниях о 1920–30-х гг. См., например: «А тогда у нас в доме была прачечная, где и принимали белье, чтобы его выстирать, выгладить и выдать на руки. <...> Стирала и гладили китайцы превосходно. <...> В городе я видел много таких китайских прачечных. А потом как-то вдруг они все исчезли» [Маркус]; «До 1938 г. в подвалах петербургских домов еще держались китайские прачечные. А потом всех этих китайцев объявили японскими шпионами» [Уроки...].

¹² О непосредственном влиянии формы и значения данной лексемы на рассматриваемый жаргонизм говорить затруднительно ввиду предполагаемой временной дистанции между ними.

В основе номинации *цыган лезет* 'об облаке дыма и сажи из выхлопной трубы, образующихся при начале движения тепловоза с большой скоростью' [Зиновьев] лежат представления о черном цвете волос и смуглой коже цыган, их нечистоплотности и дыме от разводимых в цыганском таборе костров. Ср. *цыган(ка)* как название сортов различных овощей (картофеля, томатов, огурцов) темного оттенка, диал. (волог.) *черной* 'цыган' [КСГРС], простореч. *цыганский загар* 'о грязи на чьей-л. коже' [РФ, 232], *цыган в печку забравши* 'о хлебе, расстрескавшемся при выпечке' [СПП, 79], *цыганский дым, цыганский табак* 'гриб-дождевик' [КСГРС] (все примеры взяты из книги: [Березович, 404–421]).

В перифразе *еврейский выходной* шутол. 'продолжительность отдыха локомотивной бригады не менее 30 ч. при обычных 16 ч. (если после двух ночных смен следующая приходится снова на ночное время, она автоматически переносится на утро)' [Красноперова] атрибутив приобретает коннотацию еврейской хитрости, см. контекст, который «поддерживает» эту коннотацию и делает ее еще более явной: «Ты, Вадик, специально себе явки подгадываешь, чтоб на еврейский выходной уйти?»

Сходные с отэтнонимическими дериватами модели демонстрируют производные от **коллективно-территориальных прозвищ**: *скобарь* 'поезд Москва—Псков', 'локомотивные бригады депо Псков'; *ершееды* 'локомотивные бригады депо Осташков (депо Великие Луки)'; *трескоеды* 'локомотивные бригады депо Мурманск' [Зиновьев]. Ср.: *скобари* 'жители г. Псков и Псковской обл.'; *ершееды* 'жители г. Осташков Тверской губ.', *трескоеды* 'жители побережья Белого моря'. Другие наименования локомотивных бригад прямых соответствий среди коллективно-территориальных прозвищ не имеют, но образованы по тем же номинативным моделям: *болотники* 'локомотивные бригады депо Бологое'; *кобели* 'локомотивные бригады депо Дно или Ржев'; *козлы* 'локомотивные бригады депо Тверь'; *мамоны* 'локомотивные бригады депо Александров'¹³; *хорьки* 'локомотивные бригады депо Пушкино Московской железной дороги'; *хомуты* 'машинисты ныне закрытого депо Болотное' [Зиновьев].

Специфика профессиональной коммуникации на общественном транспорте предполагает актуализацию в речи железнодорожников **антропонимов** в их первичной функции индивидуализирующего наименования человека. Это, в свою очередь, способствует активизации антропоморфного восприятия железнодорожниками окружающего их предметного мира (вагоны, локомотивы, поезда, инструменты, орудия и предметы труда).

¹³ Ср. *болотники* 'жители г. Дмитров Московской обл.' («Это прозвище жителей отражает болотистый, сырой характер местности вокруг города»); *кобели* 'жители (казаки) станции Вешенской Шолоховского р-на Ростовской обл.'; *козлы* 'жители одной из деревень Кемеровской обл.' («Задиристы они больно, чуть что — в драку, как драчливые козлы») и др.; *мамоны* 'жители Няндомского р-на Архангельской обл.' (от диал. *мамбн* 'желудок, брюхо', 'обжора' [СРНГ, 17, 351]).

Сами люди, между тем, нечасто становятся объектами вторичной отантропонимической номинации: *яшка* молод., шутил.-ирон. 'проводник в вагоне' [БСРЖ, 715; с пометов «ж/д»], *василь*, *гаврило* и *дядя Ваня* 'проводник рефрижераторной секции с грузом алкоголя' [Зиновьев].

Сравнение с *яшка* молод., шутил. 'постовой милиционер'¹⁴, 'человек, выполняющий мелкие поручения, прислуживающий вора́м' (угол., пренебр.) [БСРЖ, 715] указывает на возможность номинации проводника в вагоне по функции — как «блестителя порядка», «надзирающего» за пассажирами и/или их обслуживающего; с постовым проводником сближает и наличие форменной одежды¹⁵. Другой вероятный мотив номинации — характеристика интеллектуальных способностей — эксплицирован в значениях *яша*, *яшка* 'недогадливый и глупый человек' [Грачев, 650; запись 1982 г.], *яшка* 'неразвитый человек' [Осипов, 565], 'неинтересный, серый человек' [СМА]¹⁶.

Для *василь* и *гаврило* 'проводник рефрижераторной секции с грузом алкоголя' также можно предполагать характеризующую (скорее всего пейоративную) номинацию, ср.: молод. *василий* ирон. 'глупый, наивный человек' [Осипов, 51; запись 1987 г.], молод., жарг.-разг., шутил.-ирон. *вася* 'мужчина неинтеллигентного вида' [БСРЖ, 90]¹⁷.

¹⁴ См. также *яков* 'сыщик, шпик': «Ты, Гаврюха, конечно, старика встретить, только, не дай бог, не веди его сюда. А то... возле участка, наверное, полно тех драконов. Подцепите за собой какого-нибудь Якова, а потом провалите нам квартиру...»; «При одной мысли, что дедушка может привести за собой на Ближние Мельницы "Якова", мальчик вспотел» (В. Катаев. «Белеет парус одинокий») [Отин, 403].

¹⁵ Образы *Якова* (*Яшки*) — сыщика, постового милиционера и т. п. (см., например, подпись под одной из журнальных карикатур Д. Мора 1916 г. «Как городской Яшка пять рублей заработал») могут восходить к образу одноименного сказочного персонажа. См. у В. И. Даля [ПРН]: *Солдат Яшка, красная рубашка, синие ластовицы* (из сказки «Вор»); *Ну, Яшка, плоха твоя замашка* (из сказки); *У солдата Яшки таковы замашки* (сказка: «Яшка вор»). Слуга *Яшка* — герой анекдотов; вспомним и лакея Яшу из «Вишневого сада»: выбор данного имени указывает на его социальную маркированность (чеховский герой также упоминается в анекдотах, см., например, анекдот советских времен о судьбе героев «Вишневого сада»: *Раневскую и Гаева расстреляли в 17-м году, Аню и Петю Трофимова — в 37-м... Остались яшки да дуняшки...*).

¹⁶ В анекдотах *Яшка* — кличка осла, возникшая при аттракции к звукоподражанию *иа-иа*, отсюда обозначение этим именем глупого, как осел, и «серого» человека. «Серость» *Яшки* — человека, а не осла — в прямом и переносном смысле отмечается в поговорках и докучливых сказках: *Был себе Яшка, на нем серая рубашка, на голове шапка, под ногами тряпка — хороша ли моя сказка?; Потягота на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого; От Якова недалеко до всякого* и др. [ПРН].

¹⁷ Ср. вывод, к которому приходит И. В. Родионова в результате анализа полевой структуры, образуемой отыменными дериватами в народных говорах: «наибольшую вероятность быть обозначенным посредством отантропонимической лексемы имеет носитель негативных качеств характера — причем в первую очередь таких, как глупость, неспособность к труду, медлительность, неряшливость (как показывает материал, эти характеристики могут тесно коррелировать в сознании номинатора); также высоки шансы получить обозначение данного типа у хвастуна, обманщика и человека, не пользующегося уважением в обществе» [Родионова, 180].

Аналогично этому можно реконструировать внутреннюю форму *дядя Ваня* — ср. *дядя* студ., арм. ‘начальник’, арест., угол. ‘тюремный надзиратель; начальник отряда в ИТУ’, арест. ‘контролер, доставляющий заключенным посылки, передачи’ [Мокиенко]; диал. *иван-дурак* ‘о глуповатом, всегда улыбающемся человеке’ [СРГБаш, 1, 159]; *ходить, как ваня-дураня* ‘о глуповатом, вызывающем презрение и смех человеке’ [СПП, 89] и т. п. Аллюзия к чеховскому персонажу имеет скорее формальный характер: сходные мотивы (управляющий именем, «чудаковатость»¹⁸, пренебрежительное отношение окружающих) можно обнаружить и в его образе, однако сходство это, вероятно, объясняется наличием прототипа — культурно-языкового образа носителя имени, к которому отсылают и «настоящий» дядя Ваня, и «дядя Ваня» — железнодорожник. Не исключено и влияние на наименование последнего лексемы *ванька* ‘зимний легкой извозчик на крестьянской лошаденке и с плохой упряжкой, который не стоит на бирже, а стережет ездовых по улицам’ [Даль, 1, 164].

С рассмотренными номинациями проводника рефрижераторной секции с грузом алкоголя тематически соотносится *федя* ‘железнодорожный вагон, в котором перевозят вино, спирт’ [БСРЖ, 623] — скорее метонимия, чем метафора: ср. *федя* угол., жарг.-разг. ‘пьяница’ (пренебр.) [Там же].

В производных от деминутивов женских личных имен — *дуся* ‘дикторский голос системы САВПЭ (система автоматического ведения поезда и экономии электроэнергии) на электропоездах’ и *машка* ‘женский голос, объявляющий остановки в электропоездах (депо Барановичи)’ [Зиновьев] — происходит обобщение значения: «носитель женского имени > женщина вообще» — и перенос с целого на часть: «женщина > женский голос». Ср. угол., жарг.-разг. пренебр. *машка* ‘женщина’ [БСРЖ, 343], *маруха* ‘любая девушка, женщина’ [Флегон, 175]; *мужик* ‘дикторский голос, объявляющий станции в электропоездах и в метро’ [Там же]. Однако если *Мария* — это «прототип» женского имени (см. об этом ниже), то *Дуся* таковым не является — на его выбор повлияла аттракция к лексеме *диктор*.

Антропоморфизация характерна для наименований транспортных средств — в первую очередь локомотивов (паровозов, а позднее тепловозов и электровазов). В половине случаев это паронимическая аттракция на базе аббревиатур, подвергающихся в процессе языковой игры своеобразной дешифровке:

¹⁸ Серебряков называет дядю Ваню сумасшедшим, тема «сумасшествия» Войницкого находит продолжение в его диалоге с Астровым: *Войницкий* (пожав плечами): «Странно. Я покушался на убийство, а меня не арестовывают, не отдают под суд. Значит, считают меня сумасшедшим. <...> Что ж, я — сумасшедший, невменяем, я имею право говорить глупости». *Астров*: «Стара штука. Ты не сумасшедший, а просто чудаковатый. Шут гороховый. Прежде и я всякого чудака считал больным, ненормальным, а теперь я такого мнения, что нормальное состояние человека — это быть чудаком. Ты вполне нормален» [Чехов, 325].

а) по инициали имени — *маруся, маша* ‘тепловоз М-62’ [Зиновьев], *машка* шутол. ‘тепловозы серий 2ТЭ-10М, М-62’ [Красноперова], *мунька*¹⁹ ‘тепловоз М-62, 2М-62 (LDz)’ [Зиновьев]; *безжопая татьянка* ‘танковый паровоз серии Т (без тендера — вагона с углем, стоящего непосредственно за паровозом)’ [Зиновьев] (ср. молод. *тендер* ‘зад, ягодицы’ [БСРЖ, 586]²⁰);

б) по консонантному составу имени — *федя, федюк* ‘паровоз серии ФД’, *маруся* ‘паровоз серии МР’ [Зиновьев]; *вильгельм* ‘электровоз ВЛ-8’ [Зиновьев], *моника* шутол. ‘машина по нарезанию кюветов (МНК)’ [Красноперова] (ср. также упоминавшееся выше *миссисити* шутол. ‘машина по смене стрелочных поездов (МССП)’).

Среди «инициальных» номинаций есть и такие, которые содержат две первые буквы исходной аббревиатуры: *шурик* ‘ленд-лизковский паровоз серии Шу’ [Зиновьев]; *тереза* ‘паровоз серии ТЕ’ [Зиновьев]. *Аська* ‘дрезина серии АС’ скорее всего является омонимом к деминутиву женского имени, будучи апеллативным производным от аббревиатуры, ср.: *ачка* (от АЧ), *жеска* (от ЖЭС), *элка* (от ЭЛ), *эмка* (от М), *эрка* (от ЭР) [Красноперова]; аналогично *лушка* ‘квитанция формы ЛУ, в которой указывается расход постельного белья во время рейса’ [Зиновьев]²¹.

Описываемая модель дешифровки аббревиатур в названиях серий локомотивов поддерживается существующей практикой аббревиации на базе антропонимов (например, в самолетостроении: АН — по имени авиаконструктора О. К. Антонова, АНТ, ТУ — А. Н. Туполева, ИЛ — С. В. Ильюшина). Эта практика имела место и в обозначениях локомотивов, но принцип номинации был иной — идеологический: не по имени создателя, а в честь партийного вождя: ВЛ — Владимир Ленин, ИС — Иосиф Сталин, СО — Серго Орджоникидзе, ФД — Феликс Дзержинский. Указанные двухкомпонентные наименования сокращались до деминутивов личных имен: *владик* ‘электровоз ВЛ’, *серго* ‘паровоз серии СО’ [Зиновьев]²² (или подвергались переосмыслению ср. выше *вильгельм* ‘электровоз ВЛ-8’²³, *федя, федюк* ‘паровоз серии ФД’).

Если аббревиатура многобуквенная, к личному имени добавляется отчество: *Савелий Петрович* ‘система автоматического ведения поезда и экономии элект-

¹⁹ Уменьш. от *Мария*: *М(ар)уня* > *Муня* > *Мунька* [Тихонов, 558].

²⁰ Ср. прием указывать личные имена, начинающиеся с той или иной буквы, к которому мы нередко прибегаем при побуквенном произношении плохо воспринимаемых на слух аббревиатур, различных наименований и пр.

²¹ Аналогично происходит дешифровка аббревиатур на апеллативной основе: см., например, *кушка* ‘паровоз К’, *муха* ‘тепловоз М-62’, *щука* ‘паровоз Щ’; *овечка* ‘паровоз ОВ’, *сушка* ‘паровоз СУ’, *тушка* ‘паровоз ТУ’, *ежик* ‘метровагон ЕЖ’ [Зиновьев].

²² Ср. *миша* ‘вертолет Ми-8’ [Квеселевич, 433] (один из вертолетов семейства Ми, сконструированных в ОКБ *Михаила* Леонтьевича *Миля*).

²³ Для данной номинации можно предполагать и иные, чем притяжение по созвучию, мотивы номинации: имя европейских императоров и королей (ср. *кайзер* ‘электровоз ВЛ-60К’ [Зиновьев]) оказывается в одном ряду с именами первых лиц советского государства; мемориальная номинация маловероятна.

роэнергии (САВПЭ)’ [Зиновьев]. Употребление официальной двухкомпонентной формулы именования выражает питетное отношение железнодорожников к объекту номинации. Употребление же деминутивных форм вполне отвечает непринужденному тону в обращении с техникой специалистов и, кроме того, соответствует одной из стилевых доминант жаргона, которую можно было бы определить как фамильярность: ср. *муся*²⁴ ‘ласковое название машины, за которой закреплена бригада’ [Зиновьев].

В антропонимической номинации задействованы как русские по употреблению (*маруся, маша, машка, мунька, татьянка, федя, фedyк, шурик*²⁵), так и иноязычные имена (*моника, тереза, вильгельм*). *Фердинанд* ‘тепловоз ТЭ2’ [Зиновьев] также вписывается в отыменную модель, будучи на самом деле производным от эргонима (см. выше).

Список имен исторических лиц во вторичной номинации дополняют *ганнибал* ‘тепловоз 2ТЭ10Л (депо Кривой Рог)’ (мотивировка не ясна); *столыпинский вагон* ‘вагон для перевозки зеков’ (начало производства относится к 1910-м гг., первоначально предназначались для перевозки крестьян вместе с инвентарем и скотом в Сибирь и на Дальний Восток); *стокер Горбачева* ‘ручное отопление паровоза, при котором «горбатишься»’ [Зиновьев].

Деминутивы к имени *Мария* приложимы к не только к железнодорожному, но и к автомобильному транспорту: см. *машка* молод., шутол. ‘автомобиль иностранного производства, иномарка’ [БСРЖ, 343], *маруська* жарг.-разг. ‘старый автомобиль’ (шутол.-ирон.) [Там же, 337], ‘автомобиль’ [Флегон, 175], *черная маруся* угол. ‘грузовой автомобиль, оборудованный для перевозок заключенных’ [БСРЖ, 337]²⁶. Аттракция к гиперониму *машина*, лежащая в основе данных наименований, как и само их наличие могли повлиять на выбор имени при расшифровке аббревиатур с буквой «М»²⁷.

Наряду с «просто» *машей* (*машкой*) фигурируют *двойная машка* и *умная машка* [Зиновьев], служащие для разграничения модификаций тепловоза М-62 — 2М-62 и М-62У соответственно. Атрибутив *двойная* способствует утрате первоначально приписываемых *машке* антропоморфных черт и, следовательно, большей апеллятивизации имени. Эпитет *умная* (ср. *умка* ‘тепловоз ТЭМ-2УМ’ [Красноперова], возможно, повлиявшее на выбор определения), напротив, актуализирует антропо-

²⁴ Уменьш. от *Мария*: *М(ар)уся* > *Муся* [Тихонов, 558].

²⁵ См. также *райка* ‘электровоз серии ВЛ-23 (Донецкая железная дорога)’, *люська* ‘тепловоз ТЭ2’, *людмила* ‘тепловоз ТЭ-109, как его называли в ГДР’, *антонина* ‘локомотивный скоростомер, установленный на электро- и дизель-поездах LDz’ [Зиновьев], мотивация которых не ясна.

²⁶ См. также *маруся* ‘машина для перевозки арестованных’: «Звезды смерти стояли над нами, / И безвинная корчилась Русь / Под кровавыми сапогами / И под шинами черных Маруся» (А. Ахматова. «Реквием») [Квеселевич, 415].

²⁷ Следует также учитывать частотность имени, косвенным показателем которой служит количество отыменных дериватов: так, в народных говорах всего три производных от имени *Маргарита*, семь — от имени *Марина* при нескольких десятках производных от *Мария*.

морфное восприятие объекта и поддерживает связь с исходным именем, препятствуя тем самым дальнейшей его апеллятивизации.

В железнодорожном жаргоне *машей* также называют ‘кувалду’ (с оттенком пренебрежения) [Красноперова] (ср. шутол. произв. *машка* ‘то же’ [Никитина, 378]), ‘путейский гвоздодер для вытаскивания костылей из шпал’ [Зиновьев], а также ‘приспособление для разгонки стыков в виде перевернутого отрезка рельса (1–3 м) с ручками (напоминает старинное стенобитное орудие)’ [Зиновьев; Красноперова]. Судя по контекстам к 1-му значению («Давай, маша, ухнем!»; «Ты машу-то не обнимай, а маши ей почаще!»), возможна аттракция к *махать*. Ср. *машка* морск., арм. ‘швабра для мытья пола, палубы’, арм. ‘толстая тяжелая щетка для натирания пола мастикой’ [БСРЖ, 343], для которого также вероятен признак номинации по действию, обозначаемому созвучным имени глаголом. Дополнительно на выбор отыменного способа номинации могла повлиять грамматика родовых обозначений: *кувалда*, *рельса*, *швабра*, *щетка* и т. п. женского рода, а *Мария* воспринимается как женское имя «вообще» — ср. приводившиеся выше угол., жарг.-разг. пренебр. *машка* ‘женщина’, *маруха* ‘любая девушка, женщина’²⁸. Синонимы к *маша* ‘приспособление для разгонки стыков...’, хотя и указывают на другие признаки объекта — *коза* («рогатая» форма), *теща* (длина приспособления²⁹), также содержат во внутренней форме компонент «женскости».

Еще одно иноязычное имя — *Роджер* вычленяется в сочетании *Веселый Роджер* (‘пиратский черный флаг с черепом человека и костями’), которое в жаргоне железнодорожников иронически переосмысливается: ‘бланк формы ДУ-54 с двумя красными полосами по диагонали — разрешение на занятие перегона поездом при перерыве действия всех средств сигнализации и связи’ («Мы у себя на участке часто ездим по Веселому Роджеру: как перебой с электричеством, так и погнались!»; «Слышала, после недавней бури на кыновском участке почти неделю поезда по Веселому Роджеру ездили?»).

Отдельную группу среди антропонимов составляют имена литературных персонажей (киногероев), употребление которых во вторичной номинации может быть обусловлено а) *я з ы к о в о й и г р о й*, носящей сугубо формальный — *шпунтик*³⁰ ‘электропоезд «Спутник»’ — или формально-смысловой характер —

²⁸ Е. Л. Березович, анализируя факты народной культурно-языковой традиции (в частности, обычай до крещения называть детей *Иван* или *Мария*), делает вывод о том, что «обозначения *Иван* и *Марья* как бы перестают быть собственными именами, они существуют до имени — как “протоимена” (Адам и Ева) и вне имени — как *р о д о в ы е п о н я т и я* (разрядка наша. — Л. Ф.)» [Березович, 289].

²⁹ Ср. *тещин язык* ‘приспособление в виде тонкого узкого стального листа с рукояткой для сплошной подъемки пути на 5–50 мм’ [Зиновьев].

³⁰ Скорее, квазиантропоним — имя механика-коротышки из сказки «Приключения Незнайки и его друзей» Н. Н. Носова.

дядя Ваня 'проводник рефрижераторной секции с грузом алкоголя' [Зиновьев] (см. о нем выше), *красная шапочка* — 'дежурный по станции, который согласно инструкции по сигнализации должен встречать поезда в красном головном уборе' [Красноперова]³¹; б) метафоризацией отдельных черт литературных персонажей (киногероев): *хоттабыч* 'об облаке дыма и сажи из выхлопной трубы, образующихся при начале движения тепловоза с большой скоростью' [Зиновьев]; *фантомас* (шутл.) — 'тепловоз серии 2ТЭ-116' («Почему его фантомасом зовут? — Да ты на морду его глянь — фантомас и есть!»³²) [Красноперова], 'два электровоза ЧС2 (спарка); также тепловозы 2ТЭ10Л, 2ТЭ116, ТЭ2, ТЭП60, 2ТЭ116 (депо Люботин)' [Зиновьев]; *тарзан* — '4–6-вагонная электричка на Большом окружном кольце (Московская железная дорога)' [Зиновьев].

Для обозначения короткого поезда или электрички используется также номинация *подкидыш* [Зиновьев] — наименование *тарзан* могло возникнуть как развитие заданной *подкидышем* темы «сиротства» поезда с малым числом вагонов. Однако если учитывать маршрут — окружная железная дорога вокруг Москвы, проходящая по территории Московской и Владимирской областей на расстоянии 30—120 км от МКАД, обнаружится еще один признак номинации — в противопоставлении столичного центра периферии, цивилизации ее отсутствию — природе, «джунглям». Ср. *тарзан* как наименование отечественного внедорожника — гибрида моделей «десятого» семейства ВАЗа и «Нивы».

Зоонимы (относящиеся как к реальному миру, так и к виртуальному — миру художественных произведений) «ведут себя» во вторичной номинации так же, как и антропонимы. В одном ряду с *шурик* 'ленд-лизковский паровоз серии Шу' оказывается *шарик* 'ленд-лизковский паровоз серии Ша' [Зиновьев]. Образными являются номинации *бобик* 'локомотивный тормоз', *змей-горыныч* 'платформа со смонтированной на ней авиационной турбиной и остатками МАЗа с цистерной для очистки путей и стрелок от снега и льда' [Там же]. «Собачьи» наименования встречаются у различного рода зажимов, креплений и т. п., ср.: *собака* угол. 'большой висячий замок', молод. 'любой замок' [БСРЖ, 551]; диал. 'сельскохозяйственный инструмент, разновидность вил с двумя или тремя загнутыми зубьями', 'уключина, в которой крепится весло на плоту', 'длинная толстая жердь или крепкая веревка прутьев, при помощи которой скрепляют звенья плота' [КСГРС].

³¹ Ср. *красная шапочка* 'дежурный по станции (в метро)' [Зиновьев], а с точки зрения типологии номинации — *красноголовики* 'работники службы движения (фуражки с красным околышем)' [Там же]. Здесь так же, как и в предыдущем случае, имеет место совпадение мотивов номинации литературного персонажа и реального человека, которое и ведет к использованию для наименования последнего уже готового номинативного средства — позтонима.

³² У тепловоза довольно массивный и угрожающий вид, ср. другие номинации: *громила*, *динозавр* [Стефанович].

Этот же по сути образ сторожевой собаки запечатлен в наименовании машиниста-инструктора *баскервилей* (пренебр.) ‘машинист-инструктор’ [Красноперова], из *собака Баскервилей* — ср. школьн. *собака Баскервилей* ‘завуч’ [Грачев, 505]. Эллипсис объясняется дальнейшей эвфемизацией обозначений машиниста-«надзирателя»: ср. разг. *собака* ‘о злом, грубом человеке’ («Новый начальник — настоящая собака») [Шведова, 908]; арм. *собака* ‘ефрейтор’ [БСРЖ, 551, с пометой «ирон.»; Грачев, 505], ‘представитель средней по неофициальному статусу группы военнослужащих в дисциплинарном батальоне’ [Грачев, 505]. Избитость зоонимической номинации стимулирует лингвокреативное мышление носителей жаргона, отсюда замена прецедентным именем и не совсем «правильный» эллипсис.

Совмещение обоих способов номинации — языковая игра, состоящая в «расшифровке» аббревиатуры, и метафоризация — наблюдается в наименовании электровоза серии ЧС-2 — *чебурашка* [Зиновьев], получившем это прозвище из-за характерного дизайна и низкого «роста» [Википедия]. Ср. шутл. *чебурашка* ‘автомобиль «Запорожец»’ [Никитина, 794–795; запись 2001 г.], авиац. *чебурашка* (шутл.) ‘самолет АН-2’³³ [БСРЖ; запись 1999 г.].

Список онимов замыкают **наименования транспортных средств (порейонимы)**, к которым, кстати, относятся и рассмотренные серийные названия локомотивов. Обращает на себя внимание параллелизм вторичных номинаций различных транспортных средств: см. выше *чебурашка*, а также *маруся* ‘тепловоз М-62’ и жарг.-разг. *маруся* ‘автомобиль’, ‘старый автомобиль’, *машка* ‘тепловозы серий 2ТЭ-10М, М-62’ и молод. *машка* ‘автомобиль иностранного производства, иномарка’. В подобных случаях можно предполагать заимствование, но установить направление заимствования не представляется возможным ввиду отсутствия данных о времени появления номинаций в профессиональных жаргонах и жаргонизированной разговорной речи. Обычно заимствование из профессионального жаргона в разговорную речь, но не исключено и обратное влияние; непосредственное проникновение слова из одного профессионального жаргона в другой, наверное, маловероятно, несмотря на тематическую общность (транспорт) и сходство моделей номинации (см., например, аббревиатурные наименования и их «расшифровку»).

Сказанное не относится к случаям «заимствования» первичных номинаций, см.: *челленджер* ‘тепловоз серии ТЭМ-7’ [Красноперова], ‘американский тепловоз СЗ6-7i’, ‘электровоз ЧС7’, ‘сцеп 2ВЛ23-133 в депо Тула’ [Зиновьев]; *союз-аполлон* ‘электровоз ВЛ11 или ВЛ80 вместе с еще одной секцией, работающие по СМЕТ (система многих единиц телемеханическая, способ управления подвижным составом)’, ‘электропоезд с головными вагонами от разных поездов (депо

³³ Легкий транспортный самолет, биплан с расчалочным крылом; разг. *кукурузник*, по кодификации НАТО *Colt* — «жеребенок».

Санкт-Петербург-Главный)' [Зиновьев]. Согласно Л. В. Красноперовой, при запуске в эксплуатацию тепловоз серии ТЭМ-7 оказался слишком громоздким и плохо приспособленным для маневровых работ, поэтому железнодорожники решили, что его ждет судьба американского шаттла, взорвавшегося во время старта в 1986 г. «Союз—Аполлон» — название программы совместного экспериментального полета советского космического корабля «Союз-19» и американского космического корабля «Аполлон-18», предполагающего их стыковку (1975 г.). Дополнительным фактором номинации стало, надо полагать, широкое освещение этих событий в СМИ.

Подведем некоторые итоги.

Функционирование имен собственных во вторичной номинации подчиняется существующим в профессиональном жаргоне принципам отбора языковых единиц и правил их использования как средств номинации. Сопоставление отыменной и отапеллятивной лексики жаргона железнодорожников в ономастиологическом аспекте позволяет выделить в качестве ведущего принципа «экстенсивность», проявляющуюся в паронимической аттракции, широком охвате «донорских» сфер лексики, взаимодействии с другими формами существования языка (общенародным языком и профессиональным интержаргоном), а также прецедентной номинации (главным образом, посредством литературных онимов).

Обращает на себя внимание преобладание имен людей (антропонимов, этнонимов, коллективно-территориальных прозвищ) над географическими названиями, что, возможно, объясняется особенностями профессиональной коммуникации на железной дороге. Список литературных произведений — источников прецедентных имен — также весьма показателен: детская литература, приключенческая, детективы, больше известные по экранизациям, т. е. произведения массовой культуры, актуальные для ее представителей — создателей и носителей жаргона.

С содержательной точки зрения важнее, однако, те трансформации, которым подвергается семантика имени собственного (разных разрядов онимов) в процессах апеллятивизации. Степень представленности тех или иных компонентов значения онима в семантике его апеллятивного производного зависит от модели номинации и от «приобретенного» именем в процессе апеллятивизации «нового» денотата (так, паронимическая аттракция может полностью нивелировать семантику онима; значительно меньше изменений наблюдается при метафоре или метонимии). Следует при этом отметить возможность участия в процессе деонимизации любого компонента, входящего либо в ядро ономастического значения (см., например, сохранение категориальной семантики антропонима в антропоморфных номинациях *федя* 'паровоз серии ФД', *машиа* 'тепловоз М-62' и т. п.) или расположенного на его периферии (фреймовый и эмотивный

компоненты выходят на первый план в «официальном» наименовании по имени-отчеству — *Савелий Петрович*, а также в производных от демиинутивов личных имен; коннотативный компонент — в производных от этнонимов)³⁴. О второй ступени ономастической деривации можно говорить применительно к лексемам, образованным не непосредственно от личных имен, а от их апеллятивных дериватов (*яшка, василь, гаврило, дядя Ваня, федя, веселый роджер*).

Для выявления специфичных для жаргона железнодорожников моделей номинации безусловно требуется контрастный анализ, однако предварительно можно было бы указать в качестве таковой ономастическое обыгрывание аббревиатур (наподобие тех же *федя, маша* и др.).

-
- Ахметова М. В.* Неофициальная русская урбонимия : словообразовательный аспект // *Вопр. ономастики*. 2010. № 2 (9). С. 53–68.
- Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования. М., 2007.
- БСРЖ — *Мокиенко В. М., Никитина Н. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- Википедия [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/ЧС2> (дата обращения: 03.08.2010).
- Воронцова Ю. Б.* Словарь русских коллективных прозвищ. (В печати).
- Голомидова М. В.* Искусственная номинация в ономастике. Екатеринбург, 1998.
- Грачев М. А.* Словарь современного молодежного жаргона. М., 2006. (Школьные словари.)
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955.
- Зиновьев — «Пусти медведя!». Русский железнодорожный сленг / под ред. Д. Зиновьева (2002) : [Электронный ресурс]. URL: http://www.pro-rzd.com/content/ru/slang_2005.html.
- Квеселевич Д. И.* Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2005.
- Красноперова Л. В.* Лексика жаргона работников железнодорожного транспорта : дипломная работа / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2008 (рукопись хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ).
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета им. А. М. Горького, Екатеринбург).
- Маркус Б.* Московские картинки 1920-х — 1930-х гг. // *Женщина Москва : культура любимых городов* [электрон. журн.] URL: http://www.wmos.ru/book/detail.php?PAGEN_1=42&ID=3540 (дата обращения 03.08.2010).
- Никитина Н. Г.* Молодежный сленг : толковый словарь. М., 2007.
- Осипов — Словарь современного русского города / под ред. Б. И. Осипова. М., 2003.
- Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004.
- ПРН — Пословицы русского народа : сб. В. И. Даля : в 2 т. М., 1984.
- РГ — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Родионова И. В.* Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // *Рус. яз. в науч. освещении*. 2005. № 2 (10). С. 159–189.
- РФ — *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология : историко-этимологический словарь. М., 2005.
- Синдаловский Н. А.* Словарь петербуржца. СПб., 2002.

³⁴ О структуре значения имени собственного см. подробнее в работе: [Голомидова, 16–28].

- СМА — *Елистратов В. С.* Словарь московского аргю : материалы. 1980–1994 гг. М., 1994.
- СПП — Словарь псковских пословиц и поговорок. СПб., 2001.
- СРГБаш — Словарь русских говоров Башкирии. Уфа, 1997–... . Вып. 1–... .
- СРГП — Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
- СРГПрбайк — Словарь русских говоров Прибайкалья. Иркутск, 1986–... . Вып. 1–... .
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–... . Вып. 1–... .
- ССРГ — Словарь современного русского города. М., 2003.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л., 1948–1965.
- Стефанович Э.* Мечта моя — железная дорога. Век огня и пара. Жизнь замечательных идей. На первый-второй рассчитайся? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litkonkurs.ru/?dg=45&tid=136967>.
- Тихонов — *Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г.* Словарь русских личных имен. М., 1995.
- Уроки гнева и любви. Вып. 7. СПб., 1994. С. 69 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_c/czyan_czyngo.html (дата обращения: 03.08.2010).
- Чехов А. П.* Дядя Ваня. Сцены из деревенской жизни в четырех действиях // Чехов А. П. Собр. соч. Т. 9. М., 1956. С. 325.
- Флегон А.* За пределами русских словарей. Лондон, 1973.
- Шведова — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

Рукопись поступила в редакцию 28.06.2010 г.

СООБЩЕНИЯ

УДК 811.111'373.21 + 811.161'372.21

В. В. Алпатов

АНГЛИЙСКИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ТОПОНИМЫ С ХРИСТИАНСКИМИ АССОЦИАЦИЯМИ

К л ю ч е в ы е с л о в а: английская ономастика, ономаσιология, топоним, номинация, метафора, христианская лексика.

В статье осуществляется ономаσιологическая классификация английских метафорических топонимов с христианскими ассоциациями. В основе наименований лежит сравнение называемых объектов с явлениями христианской культуры. Классификация учитывает основания для сравнения, среди которых выделяются: 1) внешнее сходство (форма, число, интерьер, пространственная конфигурация) и 2) внутреннее или функционально-оценочное сходство (качество, восприятие, оценка).

Метафора представляет собой не только и не столько стилистический троп, но, в первую очередь, одну из основополагающих закономерностей мышления. Действие метафоры проявляется при назывании (номинации) объектов, их качеств и событий. Метафорическая номинация широко используется для создания географических названий, в чем находит отражение образное видение человеком окружающего пространства [см.: Рут]. В этой связи исследование метафорических топонимов представляется весьма важным для получения знаний о связи языка и мышления человека.

В настоящей статье рассматриваются образные названия, в метафорической структуре которых источник сравнения или мотивировка имеют христи-

анские ассоциации¹. При этом следует помнить, что лексика, ассоциирующаяся с христианскими реалиями, сама по себе далеко не всегда имеет «христианское значение» или употребление, и обычно является религиозно нейтральной, а в редких случаях даже имеет место смыслоупотребление, которое можно охарактеризовать как неблагоговейное.

Дело в том, что при косвенной номинации задействуются зачастую не религиозные компоненты значений слов, а прочие: например, церковное здание имеет стереотипные архитектурные черты, которые сами по себе религиозно нейтральны, но которые дают основание для образного называния других объектов, имеющих похожую форму. Тем не менее, именно ассоциации, этимологические связи в названии остаются, создавая интерес для исследователя.

Метафорические основания для сравнения могут быть разделены на две взаимосвязанные группы в зависимости от сравниваемых свойств объектов: 1) внешних и 2) внутренних или функционально-оценочных. Рассмотрим поочередно обе группы.

1. **Внешнее сходство.** Если принять во внимание преимущество визуального восприятия мира человеком, неудивителен вывод о том, что основанием для сравнения в образных топонимах чаще всего является форма природного объекта. Так же предсказуемо преобладание среди таких топонимов названий форм положительного рельефа: названий пригорков, гор, скал, форм выветривания, замечательных камней и т. п. Говоря о форме природных объектов, мы главным образом подразумеваем их очертания, контуры, и реже — более подробные структурные соответствия.

Одной из моделей метафорической номинации является название *мономахом*, *аббатом* или *священником* вертикально ориентированных, стоящих одиноко или отдельно от основного массива скал или мегалитов, похожих на стоящего человека. К этой группе относятся названия камней *King and Abbot 1690 Db* «Король и Аббат», возможно, *Stainpapan WRY* «Каменный священник», ср. подобные названия камней норв. *Presten og Bispen* «Священник и Епископ», *Presten og Klokkaren* «Священник и Колокол», *Kvitskriuprestin* «Белые священники» — название белых каменных пирамидок (форм выветривания), увенчанных черными камнями, по очертаниям стоящего священника в шляпе [Haslum, 106].

¹ Материалом для анализа послужили английские топонимы разных типов: ойконимы, гидронимы, оронимы, хоронимы и прочие микропонимы, — преимущественно из северо-западных и центральных графств Камберленд (Cumberland), Вестморленд (Westmorland), Западный Йоркшир (West Riding of Yorkshire), Чешир (Cheshire), Дарбишир (Derbyshire). Сами топонимы и объяснение их мотивации (если не указано иначе) заимствованы из наиболее авторитетных топонимических словарей серии «Исследование английских топонимов» (English Place-name Survey) Английского топонимического общества (English Place-Name Society), посвященных соответствующему графству, и словаря английских микропонимов (см. список литературы).

Если каменный объект выделяется среди прочих и к тому же имеет островерхое завершение, он может быть сравнен с островерхим монашеским кукулем или монахом в кукуле. К «жизненности» сравнения в некоторых случаях добавляется то, что такие скалы несколько склоняются в одну сторону, создавая образ монаха со склоненной головой. К этой группе можно, доверяя объяснению исследователей соответствующих регионов, отнести названия пригорков *Dob Friar We, Friars Hood WRY* «Капюшон монаха» < *friar* ‘монах странствующего ордена’, *hood* ‘капюшон’, возможно, отсюда же ороним *Grey Friar Cu* «Серый монах» и микротопоним *the Friar Db* «Монах» (название пригорка?). На горе *Grey Friar* в Камбрии находится напоминающий склоненного монаха массивный пирамидальный камень, который мог бы объяснить название всей горы за счет переноса названия части на целое. Интересно сравнение с топонимией других стран: в Альпах распространены названия гор с нем. *Kogel*, от лат. *cuculla* ‘монашеский капюшон’ [Bach, i, 260]; в Крыму и на Кавказе существуют скалы *Монах*; ср. название исландского вулкана *Hekla* < др.-исл. *hekla* ‘накидка с колпаком или капюшоном’.

Другая модель номинации островерхих, выделяющихся скал и мегалитов основывается на их сравнении с церковью, например в названиях туров, груд камней *Gregory Chapel We, Delfekirk We*, ср. названия туров и островерхих вершин в Норвегии с *kyrkje* ‘церковь’: *Kyrkjebakken, Kyrkjebusta, Kyrkjesteinen, Kyrkjeura, Kirkflua, Kyrkjeberg, Kyrkjehaugan* [Haslum, 115]. Как мы увидим ниже, образ церкви широко используется как источник сравнения для названий каменных структур и по другим основаниям.

Бросающееся в глаза сходство колокола и холма нашло широкое отражение в топонимии, где слово *bell* ‘колокол’ приблизилось к статусу географического термина для колоколообразных холмов [EPNE, s. v. *Belle*], благодаря чему часто встречается название холмов *Bell Hill* «Холм Колокол».

Особенно богатую пищу народной фантазии и, как следствие, метафорической номинации дают каменные мегалитические круги. В частности, распространено их сравнение с группой людей. Религиозный оттенок названию могут придавать как сами лексические единицы, использованные в названии, например *Twelve Apostles* «Двенадцать апостолов», так и контекст легенды, от которой берет начало название, например *Long Meg and Her Daughters Cu* «Долгая Мег и ее дочери» (о камнях ходит легенда, что это мать и дочери, наказанные за танцы в воскресенье [см.: PN Cu, 250]). Такой оттенок может возникать также за счет использования церковного сюжета, например в названии скалы *Old Woman Playing the Organ We* «Старушка, играющая на органе».

Особенностью английской топонимической системы является называние церковью каменных кругов, мегалитических руин, пещер и вообще таинственных, загадочных мест. По мнению известного английского топонимиста А. Смита, в основе многих таких топонимов лежит предание о том, что на этих

местах действительно стояли церкви [PN We i, 36]. Название мегалитического круга *Sunkenkirk* Cu от *sunken* ‘провалившаяся, утонувшая’ и *kirk* ‘церковь’, объясняется легендой, согласно которой на этом месте начали строить или уже построили церковь, но дьявол исполнился зависти и за ночь утащил ее в землю [см.: Rowling], а сам круг является остатками церкви. Мотив ушедшей под землю церкви, надо полагать, лежит в основе аналогичных названий (в том числе утерянных) в других графствах: *Sunkeneyrche* Nth, *Sunken Church Field* 1716 C, *parva plac’ voc’ Sonkinkyrke* 1415 Db, *Kirk Sink* WRY, от ср.-англ. *sink* ‘емкость для воды’.

Другими примерами топонимов, где слово *kirk* относится к груде камней, мегалитической постройке или руинам, являются названия: *Kirkstones* Cu (круг), *Kirk Stones* WRY «Церковные камни» (круг), *Kirkstones* WRY (круг), *The Kirk* Cu «Церковь» (вал и несколько камней мегалитического сооружения [The Megalithic Portal...]), *Kirk Yetholm* Nb «Етхольмская церковь» (место древнего поселения), *Towtop Kirk* We «Таутопская церковь» (место древнего поселения), *Gregory Chapel* We «Григорьева часовня» (тур, груда камней), *Kirksteeds* We «Место церкви» (груда камней), *Delfekirk* We (груда камней), *Half Kirk* WRY «Половинная церковь», *Maiden Kirk* WRY «Девичья церковь», *Ogden Kirk* WRY «Отденская церковь».

В Англии и Исландии встречается название больших камней «Церковный камень»: *Kirkstone* (*Kirkestain* 1184) We, *Kyrkjesteinen* Iceland [Særheim, 167], *Kirkjusteinn* Iceland [Hafsteinsdóttir, 140]. Основаниями для сравнения выступают, по всей видимости, величина, материал и общее впечатление от объекта, его монументальность и таинственность. К объяснению топонима иногда присоединяется легенда о том, что на этом месте когда-то стояла церковь или что камень служит церковью для персонажей народной религии, эльфов или троллей [PN We ii, 223]. Общим для вышеперечисленных случаев, как отмечают некоторые английские топонимисты, является то, что место, названное «церковью» или «церковным», является таинственным, необычным [см.: National Academic Mailing List Service].

В данное определение укладывается еще один тип природных объектов, в названия которых входит атрибут «церковный», а именно пещеры. Основанием для сравнения в этом случае является, по-видимому, «и н т е р ь е р» объектов. А. Бах отметил указанную особенность употребления слова *Kirche* ‘церковь’ в немецких топонимах: «В Альпах пещеры (*Höhlen*) часто называются *Kirchen* или *Küchen*, например *Bettelmannskirche* “Церковь нищего”, — *küche*» [Bach, i, 256]. В английской топонимии также существуют примеры, хотя и не идентичного, но подобного употребления слов со значением ‘церковь’, например: в названиях глубокой расщелины *Lud’s Church* Db «Ладова церковь», глубокого известнякового канала с водопадом *White Kirk* We «Белая церковь», пещерок *Disley Kirk* 1787 Ch «Дизлиева церковь», *Anker Church* 1648 Db «Отшельникова

церковь», лощины *Kirk(e)slak* 1256 (*Grasslick*) We «Церковная лощина» < *slakki* ‘лощина, впадина’, пещеры и лощины *Cucklet Church* Db, расщелины *Ponden Kirk* WRY «Понденская церковь». Ср. названия морского грота *Keeill ny Ghoayr* ЮМ «Козья церковь» (< манкс. *keeill* ‘церковь’), пещеры в Швейцарии *Wildkirchli* «Дикая церковь». Данные названия находятся на пересечении двух типов сравнения: по сходству внешних и внутренних характеристик.

Характеристика архитектурного стиля задействована в метафорических названиях жилых и хозяйственных построек (амбаров), похожих на монастырскую церковь или другое монастырское здание. К ним относится название небольшого, похожего на церковь здания *Sandy Bank Abbey* Су «Аббатство Песчаного Берега», название каменной хозяйственной постройки *the Abbaye* 1705 We «Аббатство», разрушенной усадьбы *Darley Abbey* Db «Дарлейское аббатство», возможно, название священнического дома, форма окон которого напоминает окна монастырского собора, *The Priory* Ch «Приорство», здания *The Abbey* 1655 Су «Аббатство». Известно, что при строительстве усадеб в XVIII–XIX вв. архитекторы иногда намеренно придавали зданию колорит старинных церковных построек, относящихся к эпохе Тюдоров и переделанных из монастырских зданий, и даже соборов в готическом стиле — к ним относятся, например, *Wycombe Abbey* Ву «Уайкомбское аббатство», полная имитация аббатства с функциями жилой усадьбы *Fonthill Abbey* W «Фонтхиллское аббатство», усадебный дом *Skirwith Abbey* Су «Скируитское аббатство». К мотивации метафорических названий некоторых новых усадеб добавлялось то обстоятельство, что они действительно находились на бывшей монастырской земле.

Б и б л е й с к и е названия иногда используются как маркеры удаленных полей или других объектов, например в названиях полей *Canaan* «Ханаан», *Babylon* С «Вавилон», *Egypt* G1 «Египет», *Jerusalem* С «Иерусалим», *Mount Sinai* G1 «Гора Синай», *Padanarum* WRY «Паданарам», ферм *Jericho* Су «Иерихон», *Ninevy* 1774 Су «Ниневия». Коннотацией удаленности библейские названия обладают и для жителей России, ср. название поля *Ерусалимы*, которое местные жители объясняют удаленностью от деревни [Березович, 115]. В качестве обозначений удаленных мест библейские топонимы оказываются в ряду других топонимов, далеко расположенных от Англии, бывших в то или иное время на слуху, и употреблявшихся как названия полей: *America*, *Newfoundland*, *China*, *Dunkirk*, *Scotland*, *the Isle of Elba*. Иногда подобные метафорические названия образуют микросистемы, например, исток ручья *Jordan Beck* Су «Иорданский ручей» находится возле фермы *Jericho* «Иерихон», подобно тому как в Палестине река Иордан течет недалеко от города Иерихона.

Библейские сюжеты используются и в других различно мотивированных названиях, например: в названиях крутых склонов *Jacob's Ladder* До «Лестница Иакова» (основание — конфигурация объекта), четырех массивных камней *Gally's Bedstocks* Су «Столпы постели Голиафа» (размер, расположение), фермы

Noah's Ark G1 «Ноев Ковчег» (возможно, по форме участка), возвышенности *Abraham's Chair* Ch «Авраамов Трон», камня, а по нему вершины *Adam's Seat* Cu «Адамов Трон», большого холма *Adam's Grave* W «Адамова Могила» (ср. также ниже).

2. Внутреннее и функционально-оценочное сходство. Метафорическое сравнение может основываться на внутренней характеристике качества называемого природного объекта. Под качеством мы подразумеваем, с одной стороны, а) объективно значимые качества, например урожайность поля, плодородие почвы, сложность или, наоборот, легкость для обработки, и, с другой стороны, б) субъективно значимые качества, рассматриваемые человеком как определенная «атмосфера», которую заключает в себе место. Подобные характеристики образуют общее противопоставление «положительного» и «отрицательного» с конкретной поправкой на тип объекта.

Так, названия полей *Friday Flatt* Ch «Пятничная площадка», *Friday landes* 1250 Cu «Пятничные земли», *Long Friday* G1 «Долгая пятница» могли относиться к бесплодным, неурожайным землям. В средние века название пятого дня недели, особенно Великой Пятницы перед Пасхой (*Long Friday*, *Good Friday*) ассоциировалось с постом, что в эмоциональном плане преображалось в ассоциации со скудостью питания. Подобным образом название холма *Childermas Hill* Ch, от названия праздника — диал. *Childermas* «праздник св. Младенцев, невинно убиенных за Христа» (*Holy Innocents' Day*, 28-го декабря), может быть связано с отрицательной оценкой этого места или земли как неудачных, несчастливых. Эта дата обладала в средние века сильными негативными коннотациями и считалась неудачной для начала новых дел, работы и т. д. [Hole, 349].

Для обозначения объектов, обладающих отрицательными показателями, используются библейские названия с негативными ассоциациями. Названия полей *Gomorrah Close* WRY (от *Gomorrah* «Гоморра»), *Sodom Field* Db (от *Sodom* «Содом») свидетельствуют об их неплодородии за счет аллюзии к судьбе городов Содом и Гоморра, попавших огнем и серой и ставших центром особенно неплодородной местности Мертвого моря (Быт., 19). Отрицательные топонимы иного мира, связанные с тяжким трудом или мучениями, дали названия полям *Purgatory* Ch «Чистилище», *Hell* Ch «Ад». Название *Purgatory* носят также усадьба (*Den*) и дорога (*O*), что, по всей видимости, дает представление о качестве дороги и о судьбе обитателей усадьбы.

Включение в названия полей библейских антропонимов, как правило, содержит отсылку к людям, связанным так или иначе с землей и подвергшимся несчастиям или проклятию, жизнь которых ассоциируется с трудом или неудачей. Эти качества переносятся на землю, как если бы называемое поле принадлежало им. Подобное осмысление отражено в атрибутивном употреблении

их имен, которые приобретают качественное, характеризующее значение, например:

- Каин: *Cains Ground* W «Каинова земля», *Cain's Meadow* Hrt «Каинов луг», *Cain's Piece* Mx «Каинов участок», *Cane Lands* Ha «Каиновы земли». Проклятие Каина за убийство включало неплодородие обрабатываемой им земли, которая «произрастит ему волчцы и терния» (Быт., 4: 12);
- Иуда: в названиях полей *Judas* O «Иудино», *Judas Ground* Do «Иудина земля»;
- праведный Иов Многострадальный: *Jobs Piece* Ch «Иовлев участок», *Job's Balk* O «Иовлева межа», *Job's Close* O «Иовлев участок». Праведника Иова постигли всевозможные бедствия как испытание, которое принесло ему впоследствии награду. Названия части полей с его именем мотивированы тем, что их обработка была связана с трудностями и требовала большого терпения;
- пророк Иона: *Jonah's Field* C «Ионино поле», *Jonah's Gill* Cu «Ионин овраг». Пророк Иона во время путешествия в Ниневию был проглочен морским зверем.

В качестве названий плодородных полей часто используется библейское обозначение рая как самого лучшего места для человека, например *Paradise* Ch, а также некоторые библейские топонимы, например поле *Land of Promise* Mx «Земля обетованная», о которой говорится, что там «течет мед и молоко» (Исход 3: 8). Подобное объяснение предлагается исследователями для названий *Goshan* Ch, *Goshen* WL «Гесем» [Hough, 41], поскольку земля Гесем (*Goshen*) была «лучшим местом земли» египетской для пастбы овец, где Иосиф поселил своих родственников, пришедших из голодавшего тогда Ханаана (Быт., 47: 6).

Библейские ассоциации в названиях зданий характеризуют то, как номинатор оценивает свое жилище, счастье или несчастье в своей жизни, например в названии усадьбы *Little Heaven* WRY «Маленькое небо», ср. немецкие названия гор *Himmelreich* «Царство небесное».

Общие позитивные ассоциации имеет воскресный день и в народной интерпретации названий может быть показателем хорошего качества земли. Название *Sunday Field* Ch «Воскресное поле» местные жители в XIX в. объясняли следующим образом: это поле «как говорят, было лучшим полем в приходе, как воскресенье — лучший из дней в неделе» [PN Ch i, 71]. Даже если изначально мотивировка была другой, интерес представляет осмысление названия говорящими.

Особую нишу занимают библейские топонимы, перенесенные из благочестивых побуждений. Перенесение имен представляет собой частный случай перенесения и воспроизведения святыни: реликвий, обычаев, зданий [см.: Мусин]. Подтекст такого перенесения понятен: тождество имени призвано нести с собой тождество предмета, что имеет целью превратить свою землю в Святую землю, освятить свое место жительства и, тем самым, свою жизнь. В Великобритании этот тип перенесенных названий получает распространение в связи с номина-

тивной деятельностью радикальных протестантов, главным образом, на западных границах: в Уэльсе, Корнуолле, а также в Шотландии. Пуритане номинировали свои общины, а по ним церкви и селения, ветхозаветными названиями, сохранившимися в современных ойконимах, например *Bethel* Gwyn «Вефиль», *Bethesda* Gwyn «Вифезда», *Bethlehem* Carm «Вифлеем», *Seion* Cer «Сион», *Carmel* Gwyn «Кармил», *Mount Tabor* WRY «Гора Фавор», *Nebo* Gwyn «Нево», *Horeb* Carm «Хорив» и др.² Называя свое селение библейским топонимом, номинаторы выражают пожелание, чтобы оно было подобным библейскому в отношении святости или избранности.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург : УрГУ, 2000.
Мусин А. Е. Особенности «перенесения сакрального» в паломнических культурах христианского Востока и Запада // Новые Иерусалимы : перенесение сакральных пространств в христианской культуре : материалы международного симпозиума / ред.-сост. А. М. Лидов. М. : Индрик, 2006. С. 38–40.

Рун М. Э. Образная номинация в русской ономастике. М. : УРСС, 2008.

Bach A. Deutsche Namenkunde. Bd. II (1–2) : Die deutsche Ortsnamen. Heidelberg : Winter, 1952–1954.

EFND — *Field J.* English Field Names : a Dictionary. Newton Abbott, 1972¹. 1989².

EPNE — English Place-Name Elements : in 2 Vols / ed. A. H. Smith. Cambridge : CUP, 1956.

Hafsteinsdóttir J. Ordleddet kirkja i stednavne i Vestfjordene // Kristendommens indflydelse på nordisk navngivning : rapport fra NORNAS 28. symposium i Skálholt. Uppsala : NORNA-Förlaget, 2002. S. 127–144.

Haslum V. Kirke og prest i norske stedsnavn // Kristendommens indflydelse på nordisk navngivning : rapport fra NORNAS 28. symposium i Skálholt. Uppsala : NORNA-Förlaget, 2002. S. 103–126.

Hole Ch. A Dictionary of British Folk Customs. L. etc. : Granada, 1976.

Hough C. Notes on Some Scottish Field Names // Names. 2001. Vol. 49 (1). P. 37–54.

MacKinlay J.M. Ancient Church Dedications in Scotland. Vol. 1 : Scriptural Dedications ; Vol. 2 : Non-Scriptural Dedications. Edinburgh : D. Douglas, 1910–1914.

PN C — *Reaney R. H.* The Place-Names of Cambridgeshire and the Isle of Ely. Cambridge : CUP, 1943.

PN Ch — *Dodgson J. McN.* The Place-Names of Cheshire : in 5 Vols. Cambridge : CUP, 1970.

PN Cu — *Armstrong A. M.* et. al. The Place-Names of Cumberland : in 3 Vols. Cambridge : CUP, 1950.

PN De — *Cameron K.* The Place-Names of Derbyshire : in 3 Vols. Cambridge : CUP, 1959.

PN Nth — *Gover J. E. B.* et al. The Place-Names of Northamptonshire. Cambridge : CUP, 1933.

PN We — *Smith A. H.* The Place-Names of Westmorland : in 2 Vols. Cambridge : CUP, 1967.

PN WRY — *Smith A. H.* The Place-Names of the West Riding of Yorkshire : in 8 Vols. Cambridge : CUP, 1961–1986.

Rowling M. The Folklore of the Lake District. Totowa ; N. J. : Rowman and Littlefield, 1976.

Særheim I. Klokkene, Krossen og Kristennamnet: Nemne for Kristen kultur og tradisjon i sørvestnorske skjergardsnamn // Kristendommens indflydelse på nordisk navngivning : rapport fra NORNAS 28. symposium i Skálholt. Uppsala : NORNA-Förlaget, 2002. S. 163–175.

² О библейских посвящениях церквей в Шотландии см. работу: [MacKinlay, i].

National Academic Mailing List Service [Электронный ресурс] / JISCMail. Охон, 2000. URL: <https://www.jiscmail.ac.uk/cgi-bin/webadmin?A2=ind0710&L=EPNL&P=R411> (дата обращения 02.02.2010).

The Megalithic Portal and Megalith Map [Электронный ресурс] / Andy Burnham. 1997. URL: <http://www.megalithic.co.uk/article.php?sid=1293> (дата обращения 02.02.2010).

Сокращения в названиях графств

Bu	Buckinghamshire	IoM	Isle of Man
C	Cambridgeshire	Mx	Middlesex
Ch	Cheshire	Nb	Northumberland
Cu	Cumberland	O	Oxfordshire
Db	Derbyshire	W	Wiltshire
Den	Denbighshire	W	Wiltshire
Do	Dorset	We	Westmorland
Gl	Gloucestershire	WL	West Lothian
Gwyn	Gwynedd	WRY	West Riding of Yorkshire
Ha	Hampshire		
Hrt	Hertfordshire		

Рукопись поступила в редакцию 04.03.2010 г.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В СИСТЕМАХ УРБАНОНИМОВ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ

Ключевые слова: русская топонимия, географический термин, урбаноним, городская топонимия, региональная топонимия, историческая ономастика.

В статье анализируется употребление географических терминов в системах урбанонимов русских провинциальных городов. Отмечены причины изменения географических терминов, приведены примеры параллельного употребления разных географических терминов для одного и того же объекта, прослежена эволюция употребления географических терминов в малых и крупных городах Ярославской области с конца XVIII в. по настоящее время.

Одним из актуальных направлений исследования систем урбанонимов является изучение особенностей функционирования в их составе географических терминов. Несмотря на то, что данные вопросы уже становились предметом анализа отечественных топонимистов [см., например: Мурзаев; Широков; Забелин], все еще остались не до конца разработанными такие направления исследования, как функционирование географических терминов в населенных пунктах различного типа, причины смены статуса именуемого объекта, современные тенденции употребления. Перечисленные вопросы рассмотрим на примере систем урбанонимов городов Ярославской области: Рыбинска и Ярославля, а также Данилова, Любима, Мологи, Мышкина, Петровска, Пошехонья, Тутаева (Романово-Борисоглебска), Ростова и Углича, привлекая для сравнения данные об урбанонимических системах Костромы и ряда других российских городов.

Нынешняя система географических терминов, используемых при создании официальных городских названий, сформировалась в дореволюционную эпоху в течение XVIII–XIX вв.

Анализ карт и географических описаний городов Ярославской области конца XVIII — начала XIX в. показывает, что при наименовании большинства объектов использовались термины *улица* и *набережная* (для линейных объектов) и *площадь* (для точечных объектов). В «Топографическом описании Ярославской губернии» (1803 г.) мы встречаем следующее описание Ростова: «По плану назначено: <...> для продажи и привоза материалов и продуктов восемь малых площадей; двадцать восемь улиц <...>, да две набережных» [Ярославская губерния..., 98]. Подобную же картину наблюдаем и при описании других городов: Мологи — «Улиц положено по конфирмованному плану — 24» [Там же, 149]; Рыбинска — «Улиц, положенных по конфирмованному плану, — пятнадцать; из них три набережные» [Там же, 121]; Ярославля — «Улиц, положенных по конфирмованному плану, — 86, а именно: первые четыре — две Волгские и две Которостные набережные» [Там же, 60] и др.

Как видим, набор географических терминов был одинаков как в давно существующих городах (Ростов и Ярославль), так и в лишь недавно утвержденных в этом статусе (Молога, Рыбинск). Термин *набережная*, встретившийся при описании Рыбинска и Ярославля, очевидно, не идентифицировался в качестве самостоятельного термина и рассматривался как обозначение одной из разновидностей улиц.

Указывая на расположение городских объектов Ярославля, авторы «Топографического описания Ярославской губернии» используют три географических термина *улица*, *набережная* и *площадь*. Аналогичную картину можно наблюдать на реконструированном И. А. Тихомировым плане города XVIII в. и на плане Ярославля 1846 г., гравированном со съемки военно-топографического депо, которые воспроизведены в Приложении к сборнику «История губернского города Ярославля» [см.: История губернского города...], а также на других картах и планах, помещенных в этом сборнике в качестве иллюстраций к историческим описаниям города [Там же, 148, 149]. Однако некоторые другие источники [см., например: Ярославль] указывают на употребление в конце XVIII в. также географических терминов *пролом*, *спуск*, *переулок*. Возможно, перечисленные термины входили в состав неофициальных названий, не попавших в официальные исторические описания, планы и карты города.

К концу XIX — началу XX в. перечень географических терминов, употребляемых в составе официальных названий, расширился. Помимо терминов *улица*, *набережная* и *площадь* стали использоваться также *бульвар*, *вал*, *линия*, *переулок*, *проезд*, *пролом*, *тракт*, *спуск*.

Употребление географических терминов в городах губернии помогает проследить книга «Планы и краткие очерки городов Ярославской губернии» [см.:

Планы...]. Весь набор перечисленных выше терминов, за исключением термина *тракт*, зафиксирован лишь в системе урбанонимов Ярославля. В остальных городах губернии использовались лишь *улица*, *площадь*, *набережная*, *переулок*, *проезд*, при этом последние три термина встречались не повсеместно. Термин *тракт* в пределах городской черты отмечен только для урбанонимов Рыбинска. Активное употребление термина *переулок*, помимо Рыбинска и Ярославля, отмечено также в Мологе, где он встречается у 18 объектов (*Кузнецкий переулок*, *Волгский переулок*, *Соленый переулок* и т. п.). Интересно, что в этом городе все линейные объекты, параллельные рекам Волга и Молога, обозначались термином *улица*, а перпендикулярные им — термином *переулок*. Помимо Мологи, Рыбинска и Ярославля, термин *переулок* отмечен лишь в Данилове (*Вознесенский переулок*). Остальные географические термины встречались еще реже: *вал* зафиксирован лишь в двух городах: *Земляной вал* (Данилов) и *Городской вал* (Ярославль); *набережная* — в четырех: *Волгская набережная* (Мышкин), *Волжская набережная* (Рыбинск, Углич, Ярославль), *Которосльская набережная* (Ярославль), *Черемховская набережная* (Рыбинск); *бульвар* — только в Ярославле: *Казанский бульвар* и *Некрасовский бульвар*. Заметим, что, хотя в системе урбанонимов Рыбинска официально статус *бульвара* не был присвоен ни одному городскому объекту, этот термин, по-видимому, употреблялся неофициально (*Городской бульвар*). В 1908 г. он послужил основой для создания урбанонима *Бульварная улица*.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в системе урбанонимов Костромы, где активно использовались термины *улица* (*Благовещенская улица*, *Борисоглебская улица* и др.), *переулок* (*Безымянный переулок*, *Вознесенский переулок*, *Воскресенский переулок*, *Гимназический переулок*, *Жоховский переулок*, *Кадьевский переулок*, *Кобылинский переулок*, *Козьмодемьянский переулок*, *Мало-Спасский переулок*, *Никольский переулок*, *Рукавишников переулок*, *Стефано-Сурожский переулок*) и *площадь* (*Воскресенская площадь*, *Екатеринославская площадь*, *Павловская площадь*, *Сусанинская площадь*).

Анализ дореволюционных карт и описаний показывает, что для обозначения одного и того же географического объекта параллельно могли употребляться два различных географических термина. В качестве вариативных выступали термины: *спуск* и *переулок*: *Пятницкий спуск* / *Пятницкий переулок* (Ярославль); *переулок* и *улица*: *Подосеновская улица* / *Подосеновский переулок* (Ярославль), *Малая Преображенская улица* / *Малый Преображенский переулок* (Рыбинск). В последнем случае вариативное определение статуса объекта сохранилось при его переименовании в начале XX в. во *Фроловскую улицу*, иногда именовавшуюся *Фроловским переулком*. В системе урбанонимов Костромы у некоторых объектов также отмечены случаи колебания в употреблении терминов: *Всехсвятская улица* / *Всехсвятский переулок* и *Царевская улица* / *Царевский переулок*.

После 1917 г. система географических терминов, использовавшихся для создания урбанонимов, практически не изменилась. В некоторых городах области

при создании новых названий стали использоваться термины *проспект* и *шоссе*. Употребление термина *проспект* впервые зафиксировано нами в Рыбинска при переименованиях 1918 г.: *Крестовая улица* > *проспект Ленина*. В Ярославле он появился лишь в 1934 г.: *Городской вал* > *проспект Шмидта*. Употребление данного термина характерно, по-видимому, для крупных городов, в малых же городах области он используется очень редко. Например, в системах урбанонимов Любима, Переславля и Ростова он не встречается совсем, а в системе урбанонимов Тутаева — только у одного объекта (*проспект 50-летия Победы*). Термин *шоссе* в черте города впервые отмечен в 1920-е гг. в Ярославле (*Веткинское шоссе*), хотя, возможно, он мог использоваться и ранее для обозначения объектов, находящихся за пределами городской черты.

В системе урбанонимов Костромы термины *проспект* и *шоссе* также стали использоваться лишь в советское время. Термин *проспект* здесь впервые отмечен в 1930-е гг. (*Рабочий проспект*), а особенно активно стал использоваться в 1950–1960-е гг.: *проспект Сталина* (1952) > *проспект Мира* (1961), *проспект Текстильщиков* (1954), *Речной проспект* (1960-е гг.). Термин *шоссе* отмечен для урбанонимов в 1930-е и 1950-е гг.: *Васильевское шоссе* (1930-е гг.), *Некрасовское шоссе* и *Кинешемское шоссе* (1957); термин *бульвар* — лишь в 1979 г. (*Петровский бульвар*).

В советское время в малых городах области активнее стали использоваться термины *переулок*, *набережная* и *площадь*. Например, в Любиме до революции употреблялся лишь термин *улица*, в советское же время появились термины *переулок* (*Октябрьский переулок*, *Вологодский переулок*, *Торговый переулок*), *набережная* (*набережная р. Обноры*, *набережная р. Учи*) и *площадь* (*Советская площадь*). Аналогичная картина наблюдается и в других малых городах области.

В Ярославле в советское время произошла утрата географических терминов *пролом*: *Рогоженский пролом* (XVIII в.) → *Веревочный пролом* (2-я половина XIX в.) → *Революционный проезд* (1948); *Масляный пролом* (XVIII в.) → *Крестыанский проезд* (1948) — и *линия*: *Большая линия* (XIX в.) → *линия Социализма* (1918) → *Комсомольская улица* (1933). Термин *линия* вновь появился в системе урбанонимов Ярославля в феврале 1958 г., когда в черту города вошел поселок 2-е Брагино, имевший деление на линии. Термин *спуск* исчез в двух случаях: *Спасский спуск* (*ввоз*) (XIX в.) → *улица Подзеленье* (1927), *Семеновский спуск* (XVIII в.) → *Красный съезд* (1924); в двух других при переименованиях советского и постсоветского времени он был сохранен: *Пятницкий спуск* (до 1927 г.) → *Матросский спуск* (1927–1997) → *Пятницкий спуск* (1997); *Волчий спуск* (конец XIX в.) → *Волжский спуск* (1957).

В топонимической системе Рыбинска в течение советского периода по-прежнему использовался термин *тракт* (*Ярославский тракт*), который в конце 1990-х гг. был активизирован при создании новых городских названий: *Арефинский*

тракт, Каменниковский тракт, Переборский тракт. В Ростове данный термин в советское время отмечен у одного урбанонима (*Угличский тракт*).

Если до революции при переименовании объекта географический термин обычно сохранялся, то в советское и постсоветское время он нередко изменялся. Смена географического термина могла происходить при включении в черту города территорий пригородных поселков, деревень, сел. Например, в марте 1976 г. при присоединении к Ярославлю территории Кармановского поселка был изменен статус большинства поселковых улиц: *1-й проезд Кармановского поселка* → *Весенняя улица*, *2-й проезд Кармановского поселка* → *Сторожевая улица* и т. д.

Изменением статуса объекта могло сопровождаться его разделение на несколько частей, выделение из состава какого-либо другого объекта или присоединение к границам уже существующего объекта новых территорий. Например, в Ярославле в феврале 1976 г. *Угличское шоссе* от улицы Володарского до улицы Чкалова было переименовано в *Угличскую улицу*. В том же Ярославле в феврале 1957 г. часть *Тутаевского шоссе* была переименована в *Большую Норскую улицу*, а в июле 1965 г. другая часть этого шоссе была переименована в *улицу Гражданскую*, которая позднее, в октябре 1967 г., вместе с еще одним участком шоссе получила название *проспект Октября*. Наконец, в октябре 1967 г. *Большая Московская улица* и часть *Московского шоссе* были преобразованы в *Московский проспект*.

Интересны случаи смены географических терминов, не связанные с преобразованием объектов. Так, в Рыбинске в 1918 г. центральная *Крестовая улица* стала носить название *проспект Ленина*. Никаких внешних причин для подобного изменения статуса объекта не было, а сам он не отличался от других улиц ни длиной, ни шириной. Очевидно, в этом случае преобразование обусловлено исключительно идеологическими причинами. В топонимических системах Рыбинска и Ярославля нами отмечены и другие примеры подобных изменений: в феврале 1972 г. в Ярославле *улица Толбухина* была переименована в *проспект Толбухина* в связи с открытием на ее территории памятника полководцу, а *Ленинградское шоссе* было переименовано в *Ленинградский проспект*, чем подчеркивалось его значение в формировании Северного жилого района. В августе 1977 г. в связи со столетием со дня рождения Ф. Э. Дзержинского *улица Дзержинского* была преобразована в *проспект Дзержинского*. В Рыбинске в декабре 1977 г. *Судовая улица* была переименована в *бульвар 200-летия Рыбинска*, а в апреле 1985 г. *Окружная улица* — в *бульвар 40-летия Победы* (ныне — *бульвар Победы*).

В заключение остановимся на современной практике употребления географических терминов. Опыт работы автора в топонимических комиссиях Ярославля и Рыбинска показывает, что в настоящее время в качестве основного географического термина для новых объектов используется термин *улица*. При создании новых названий членами комиссий обычно другие варианты не предлагаются и не обсуждаются. Все остальные географические термины употребляются

крайне редко и используются лишь в тех случаях, когда создаются так называемые топонимические блоки (кусты) — несколько объектов с одинаковой мотивирующей основой, но разным административным статусом. Например, в 1999 г. на карте Ярославля одновременно появились *Боровая улица* и *1-й, 2-й, 3-й и 4-й Боровые переулки*, в 2000 г. — *Сабанеевская улица* и *1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й Сабанеевские переулки*, а также *Хуторская улица* и *1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й Хуторские переулки*, позднее, в 2001 г., — *Малая Хуторская улица*. Отмеченная особенность использования термина *переулок* характерна лишь для системы урбанонимов Ярославля, поскольку в проанализированных нами системах названий Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Рыбинска, Тулы и ряда других городов в 1990–2000-е гг. эта тенденция не действовала. В перечисленных городах термины *переулок* и *проезд* использовались и для наименования объектов, не входящих в топонимические кусты: *Бахчисарайский переулок* (Пермь), *Солнечный переулок* (Тула), *Северный проезд* (Москва) и др.

Сопоставительный анализ употребления географических терминов в системах урбанонимов разных городов несомненно необходимо продолжать. Особенно перспективным нам кажется изучение экстралингвистических причин изменения географических терминов.

История губернского города Ярославля / сост. А. М. Рутман. Ярославль : Изд-во Александра Рутмана, 2006. 520 с.

Забелин Н. Ю. Переулок, площадь, бульвар... — улицы // Рус. речь. 2007. № 2. С. 98–100.

Мурзаев Э. М. Географические термины в топонимии Москвы // Географические названия в Москве. М. : Мысль, 1985. С. 47–59.

Планы и краткие очерки городов Ярославской губернии. Ярославль, 1909.

Широков А. Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении : апеллятивно-онимические комплексы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.

Ярославль : историко-топонимический справочник / под ред. А. Ю. Данилова, Н. С. Землянской. Ярославль, 2006. 208 с.

Ярославская губерния в начале XIX века : материалы историко-статических описаний / ред.-сост. Я. Е. Смирнов. Ярославль, 2008. 304 с.

Рукопись поступила в редакцию 28.09.2009 г.

**ОБ ОДНОМ ИЗ ПЕРВЫХ ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ
ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ
(«Изъяснение некоторых корельских слов...»
П. П. Свинына, 1829 г.)***

Ключевые слова: русская лексикография, топонимическая лексикография, топонимика, словарная статья, этимология, прибалтийско-финские языки.

В сообщении рассматриваются лексикографические особенности одного из первых памятников топонимической лексикографии России (1829 г.). Небольшое словарное исследование этимологии топонимов Русского Севера, основанное на переводе местных названий с карельского языка, представляет интерес с точки зрения формирования микроструктуры будущих топонимических словарей, а также приемов словарного описания топонима, особенно его этимологии. Дается лексикографический анализ словарных статей и оценка достоверности некоторых этимологий.

Составление словарей географических названий началось не так давно по сравнению с толковыми или энциклопедическими лексиконами. Сведения о происхождении топонимов эпизодически включались в русские азбуковники, широко распространенные на Руси в XIII–XVIII вв. [см.: Сталтмане, 11], затем в первые российские словари конца XVIII – начала XIX в. в качестве информации сопутствующей, дополняющей или конкретизирующей основной тип сведений.

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Русские ономастические словари как источник культурно-исторической информации»).

© Ивашова Н. М., 2010

Объяснение этимологии топонимов содержится в словарных статьях «Церковного словаря» П. А. Алексеева (1773), встречается в разном объеме в географических словарях В. Н. Татищева (1793), Ф. Полунина (1773), А. Щекатова (1801–1808) и др. Исследования по этимологии топонимов, на основании которых составление топонимических словарей стало бы возможным, накапливались медленнее. Изучение происхождения названий требовало хорошего знания языков коренного населения на отдельных территориях России, привлечения данных по истории, географии и этнографии, глубокого лингвистического анализа, а также высокого уровня развития этимологии и лингвистической науки в целом. Появление первых топонимических словарей в России относится к концу XIX – началу XX в., это словари-пособия для учащихся Н. И. Березина (1894) и А. А. Ивановского (1914). Большое значение в развитии топонимической лексикографии сыграли исследования словарного типа топонимии отдельных территорий А. Н. Сергеева (1876), И. А. Износкова (1884), Т. С. Семенова (1887) и др.

Одним из первых опытов в создании собственно топонимических словарей можно считать материалы, представленные П. П. Свиным в журнале «Отечественные записки» в 1829 г. под названием «Изъяснение некоторых корельских слов, доказывающих существование там чуди». Несмотря на заглавие, в материалах фактически представлено объяснение происхождения некоторых географических названий Русского Севера. Исследование построено в виде краткого словаря местных топонимов, включающего 60 словарных статей. Предметом описания являются наименования «корельского» происхождения, этимологическое толкование которых предлагает автор. Существование и распространение топонимов карельского происхождения на территории Русского Севера подтверждено лингвистическими исследованиями [см.: Матвеев, 2, 320, карта 22]. В данной публикации рассматриваются лексикографические особенности этого небольшого словарного произведения.

Весь описываемый материал разделен на несколько частей по территориальному принципу, каждая часть озаглавлена: «В Архангельском городе»; «В Архангельском уезде»; «В Холмогорском уезде»; «В Шенкурском уезде»; «В Пинежском уезде»; «В Мезенском уезде»; «В Кольском уезде»; «В Онежском уезде»; «В Олонецкой губернии». Внутри разделов статьи расположены произвольно, не по алфавиту. Так называемая словарная статья, посвященная описанию топонима, отличается лаконичностью, четкой последовательностью в подаче информации, единообразным графическим выделением (для удобства рассмотрения комплекс сведений при описании названия будем называть словарной статьей, так как он вполне соответствует микроструктуре словаря топонимов).

В структуре словарной статьи можно выделить следующие компоненты: заглавное слово — топоним; фонетические варианты названия; указание на вид объекта; этимологическая часть. Сведений географического или культурно-исторического плана словарная статья не содержит. Примеры словарных статей:

Койдокурья. Гнилой пролив, от *кой* гниль и *койда* гнилой и *курья* пролив [413]¹.

Пур-наволоок. Бурный или снежный пригорок, или Наволок, от *Пур* снежный, оттуда Пурга мятелица. Так называлось в Архангельске то место, где ныне Собор Архангельский и Архангельская церковь стоят [412].

В качестве заглавных слов выступают топонимы разных типов: названия водных объектов (рек, озер, проливов), гор, островов, урочищ, населенных пунктов. Заглавное слово выделено курсивом.

В двух словарных статьях зафиксированы фонетические варианты названий, они выделены, как и заглавные слова, курсивом и соединяются союзом и (или): «*Нячеры* и *Няшеры*» [412]; «*Ванчуга* или *Вавчуга*» [414].

Географическая привязка названия к объекту обозначена в трех словарных статьях: «*Пур-наволоок*»; «*Нячеры* и *Няшеры*»; «*Тойнокурья*» (см. примеры данных статей, приведенные полностью).

Указание на вид географического объекта включено в этимологическую часть словарной статьи или указано в самом заглавном слове, если является структурным компонентом составного наименования: в этом случае вид объекта в статье отдельно не указывается: «*Лая*. Река, при которой работают; от *лаадин* делаю» [414]; «*Кича*. Призывающее место; от *кичон* зову» [415]; «*Кузенеми*. Мокрый мыс, от *кую* намоченный» [416].

Этимологическая часть включает несколько постоянных компонентов.

1. Авторский перевод названия, дающийся в виде:

а) сочетания «географический термин + простое согласованное определение». Такое толкование используется в случаях, когда первая основа сложного наименования является отадеквативной (см. *Койдокурья*) или от нее возможно в русском переводе образовать прилагательное или причастие: «*Маймакса*. Мелкорыбная река, от *майма* мелкая рыба» [412]; «*Равдогоры*. Железные горы, от *равду* железо» [414]; «*Пеза*. Река размывающая, от *пезень* мою» [414];

б) сочетания «географический термин + распространенное согласованное определение»: «*Пуя*. Река, с шумом чрез каменья протекающая; от *пуйя* молотить» [414];

в) сочетания «географический термин + несогласованное определение»: «*Суланда*. Река с проталинами, или не везде замерзающая, от *сула* талый» [415];

г) более сложного синтаксического оборота: «*Пертома*. При реке берег один гористый, на котором удобнее, нежели на другом, избы ставить, или селиться можно; от *перти* изба и *мая* земля» [413].

В некоторых словарных статьях дается два способа перевода. В единичных случаях этимон не указывается, автор приводит только общее значение названия с указанием вида объекта: «*Ламбас*. В болоте озеро» [415]; «*Майда*. Молоко или река молочная» [414].

¹ Страницы указаны в соответствии с источником [см.: Свиныин].

2. Указание этимона (этимонов) «корельского» происхождения в русской транскрипции, который (-ые), как и заглавное слово, выделяются курсивом. Иногда дается русский перевод каждого этимона: «*Пирема*. Чертова земля, от *пир* черт и *мая* земля» [415]; «*Поноя*. Полая река, от *пон* полый, *оя* река» [416]; «*Пурнема*. Снежный, бурный мыс, от *пур* снег и *ниеми* мыс» [417];

В других статьях не указывается перевод «корельского» структурного компонента сложного топонима со значением вида объекта: «*Валдокурья*. Вольный пролив, от *валду* воля» [415]; «*Тойнокурья*. Второй пролив от *Тойне*, для различия от Заостровки реки, которая, начиная от Валдушек, есть первая» [413]. Это может быть связано с тем, что географический термин, повторяющийся в ряде описываемых названий, уже был переведен в одной из словарных статей (или нескольких статьях): «*Кузенеми*. Мокрый мыс, от *кую* намоченный» [416] — компонент *ниеми* см. в статьях *Пиренеми*, *Пурнема*; «*Юрома*. Коренная земля, от *юури* корень» [416] — компонент *мая* см. в статьях *Уйма*, *Пертома*.

Естественно, что при описании сложных топонимов, имеющих в своем составе русский структурный компонент со значением вида объекта, автор переводит только первый, иноязычный компонент, раскрывающий семантику названия: «*Варзогоры*. Жеребьячи горы, от *варзу* жеребенок» [417]; «*Кур-остров*. Журавлиный остров; от *кур* журавль» [414]; «*Орьегорье*. Коренные горы, от *юури* корень» [417].

В словарных статьях, содержащих фонетические варианты, приведены соответствующие варианты этимонов с одним значением: «*Нячеры* и *Няшеры*. Мокрые и низкие или грязные места, от *Няча* и *Няша*, всякая мокрая трава, или то место, где мокрые травы растут. Так называлось то место, где ныне смольный берег и Архангельский монастырь» [412] — или «правильный» этимон, фонетически близкий к языку-источнику: «*Ванчуга* или *Вавчуга*. Но правильно *Патчуга*, брюховатое озеро, от *патчу* брюхо» [414]. В последнем случае автор предлагает вариант названия, более близкий, по его мнению, к языку-источнику, приводя этимологическое обоснование. Заметим, что предложенная автором этимологическая версия не подтверждается топонимическими исследованиями, поскольку вариант *Патчуга* вторичен по отношению к *Вавчуга*. Название *Вавчуга* А. К. Матвеев связывает с метонимической калькой *Белая гора*: *вав-*, вероятно, < приб.-фин. *valg или *valk 'белый', *чуга* ~ прасаам. *čokke, саам. сев. *čok'ká*, кильдин. *čakk* 'вершина' [см.: Матвеев, 3, 59–60].

3. Примеры фраз из «корельского» языка, содержащие этимон. Они приводятся при объяснении происхождения топонима и указываются только в двух словарных статьях: «*Лявля*. Тяжелая река, напр. *лявлен-кавелоу*, тяжело ходить» [413]; «*Ухт-остров*. Мокроватый остров, от *ухту*-о мокрый; напр. *ота-ухтуо*, возьми мокрого снегу» [414].

Этимологическая часть некоторых словарных статей содержит две версии происхождения, языковые данные приведены в подтверждение обеих версий или одной из них: «*Кандалакша*. Плоское или ровное место нанесенное; от *кандак*

несу, и *лакша* плоское место, другие переводят оборотная губа» [416–417]; «Ку-лоя. Старая или мертвая река, от *кулу* старый или *куолий* мертвый и *куолен* умираю, *оя* река» [416].

Примечателен справедливый критический комментарий автора относительно несостоятельной этимологии топонима *Пинега* («Малая река, от *пиени* малый» [415]) помещенный в сноске: «Г-н В. Я. Никонов слово Пинега производит от пены или пней весьма произвольно!» [Там же].

Оценивая достоверность этимологий, предложенных в данном исследовании, следует отметить, что некоторые из них являются бесспорными. Это касается объяснения следующих топонимов: *Равдогоры* («от *равду* железо»): ср. фин. *rauta*, карел. *rauda*, ливв. *raudi*, люд., вепс. *raud* ‘железо’ [Матвеев, 2, 120]; *Пертома* («от *перти* изба и *мая* земля»): ср. вепс. *per t* ‘изба’ [Там же, 182]; *Ламбас* («в болоте озеро»): ср. фин. *lampi*, ижор. *lammi*, карел. *lammi*, люд. *lamb(i)* ‘пруд’, ‘лесное озеро’, эст. *lammikas* ‘грязная лужа’, эст. юж. *lamm* ‘небольшой мелкий залив’ [Там же, 45–46]; *Тойнокурья* («второй пролив от *Тойне*»): ср. фин. *toinen*, ижор. *toin*, карел. *toine*, люд., вепс. *toiñe*, эст. *teine* ‘второй, другой’ [Там же, 71]; *Пинега* («от *пиени* малый»): ср. фин. *pieni*, ижор. *pēn, pēni*, карел. *pieni*, люд. *pieñ(i)*, вепс. *peñ, piñ*, вод. *pēni* ‘маленький, небольшой; малый’, эст. *peen* ‘тонкий’ [Матвеев, 3, 122].

Возможными признаются этимологии некоторых топонимов. Например, *Маймакса* («от *майма* мелкая рыба»): ср. фин., карел. *maima* ‘маленькая рыбка, малек, наживка’ [Матвеев, 2, 51]; *Суланда* («от *сула* талый»): ср. фин., карел., люд., вепс., вод., эст., лив. *sula* ‘талый’ [Там же, 69]; *Варзогоры* («от *варзу* жеребенок»): ср. фин. *varsa*, карел.-ливв. *varža, varza*, вепс. *varz* ‘жеребенок’ [Там же, 121].

Сомнительные версии происхождения оставляем без внимания (за исключением *Вавчуга*, см. выше).

Исследование П. П. Свиньина значимо не только с точки зрения попытки правильного этимологического толкования названий, что по тем временам явилось определенным шагом вперед в научном исследовании топонимического материала, но и с точки зрения разработки принципов его лексикографической подачи. При описании топонимов представлена только необходимая информация об объекте, что позволяет данные материалы охарактеризовать как топонимический словарь, основным типом информации в котором являются сведения лингвистического типа.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004; Ч. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007.

Свиньин П. П. Изъяснение некоторых корельских слов, доказывающих существование там чуди // Отечеств. зап. 1829, июнь. С. 410–418.

Сталтмане В. Э. Ономастическая лексикография. М., 1989.

Рукопись поступила в редакцию 16.04.2010 г.

МАТЕРИАЛЫ

Ю. А. Кривошапова, А. А. Макарова

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К СЛОВАРЮ РУССКИХ ОТТОПОНИМИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ: *СИБИРЬ* (пробная статья)*

Оттопонимические образования, функционирующие в народной языковой стихии, отражают значимый фрагмент народных представлений о пространстве и содержат сведения о специфике бытового, социального и культурного освоения действительности. В связи с этим актуально создание Словаря русских оттопонимических образований, в который будут включаться по преимуществу факты русской диалектной лексики — семантические и семантико-словообразовательные дериваты топонимов, а также факты диалектной фразеологии. В круг анализируемого материала выборочно попадут также факты общенародного языка, народно-разговорной речи и просторечия — особенно в тех случаях, когда они поддерживают модели семантического развития, которые реализуются в диалектном материале. Помимо апеллятивной лексики и фразеологии в словарь войдут функционирующие в диалектной среде вторичные топонимы, антропонимы, хрононимы и другие ономастические единицы оттопонимического происхождения.

В настоящее время сотрудники кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета, в число которых входят авторы данной публика-

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Русские ономастические словари как источник культурно-исторической информации»); госконтракта П 736 от 12.08.2009 на проведение НИР в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (тема «Время и человек в свете ономастической и отономастической номинации»).

© Кривошапова Ю. А., Макарова А. А., 2010

ции, ведут сбор материалов для словаря и разрабатывают его концепцию. В данной публикации предлагается пробный вариант словарной статьи, посвященной топониму *Сибирь*.

Словарная статья имеет следующую структуру¹. В качестве заглавного слова указывается общепринятая форма географического названия. Статья состоит из трех зон: энциклопедической, структурно-словообразовательной и интерпретационной.

Энциклопедическая зона содержит экстралингвистическую информацию об объекте, обозначенном топонимом.

В структурно-словообразовательной зоне представлены ономастические и апеллятивные образования от топонима. Порядок подачи отражает особенности деривации и фразеологизации: 1) устойчивые сочетания и фразеологизмы, в которых топоним функционирует в своем основном значении; 2) оттопонимические семантические дериваты, по форме совпадающие с заглавным словом; 3) семантико-словообразовательные дериваты, подаваемые по частеречному принципу: существительные, прилагательные, глаголы. Соответствующие части статьи отделены друг от друга знаком ►.

Каждый оттопонимический факт описывается в отдельной микростатье, имеющей следующую структуру: 1) заглавное слово с ударением; 2) стилистические пометы (при необходимости); 3) толкование; 4) ареальная характеристика (отсутствие помет означает, что слово является общенародным); 5) иллюстративные контексты; 6) устойчивые выражения, в состав которых входят оттопонимические образования (даются за опорным словом после знака ◊); 7) указание на источник материала; 8) системные отношения — указание на синонимы (через помету «ср.») или аналоги заглавного слова (приводятся после знака //).

Вторичные топонимы вводятся через помету «В т о п о н и м и и». Для них дается указание на вид географического объекта, обозначенного топонимом, а также область фиксации и источник. Подавляющее большинство представленной в словаре вторичной топонимии составляют факты, извлеченные из полевых картотек Топонимической экспедиции Уральского университета по территории Русского Севера и Верхнего Поволжья. При их подаче ставится цифровой индекс, отражающий количество «омонимичных» топонимов внутри административной области, а также приводится указание на район записи названия.

Производные второй ступени (собственные производные семантико-словообразовательных дериватов) подаются выборочно — для подтверждения фиксации производящего слова — за знаком >: *сибирек* ‘сорт винограда’ > *сибирьковое вино*.

¹ Подобная структура словарной статьи была разработана И. В. Родионовой для словаря отантропонимических дериватов, см.: *Родионова И. В.* Дериваты библейских антропонимов в народной языковой традиции (словарные материалы) // *Вопр. ономастики*. 2004. № 1. С. 121–144.

В интерпретационной зоне в текстовой форме осуществляется мотивационная интерпретация топонимических дериватов, представленных в структурно-словообразовательной части. Текст выстраивается тематически: вначале описываются представления об особенностях географического положения объекта, названного топонимом, о климате, о флоре и фауне, далее — об особенностях ведения хозяйства, о значимых для данной местности реалиях материальной культуры, и, наконец, представления, касающиеся жителей данной территории, их физических и духовных качеств.

СИБИРЬ

Сибирь — территория России, простирающаяся от Урала на западе до горных хребтов тихоокеанского водораздела на востоке и от берегов Северного Ледовитого океана на севере до границ с Центральной Азией на юге.

♦ **СИБИРЬ НЕМШЕНАЯ.** *Бран.* О той части Сибири, где отсутствовали постройки, утепленные мхом, которые делали русские. Перм., Симб., Ср. Урал. — СРНГ, 21, 90; Сиб. — СФРГС, 167. ♦ **СИБИРИ КУСОК.** Об отчаянном, способном на самый рискованный поступок человеке. Смол. *Девка — Сибири кусок.* — Добровольский, 828. ♦ **ДО СИБИРИ СЪЕЗДИТЬ.** Родить, Влг. *До Сибири съездила, девочку привезла, скажут.* — КСРНГ. ♦ **НА ЯЗЫКЕ ДО СИБИРИ УЕХАТЬ.** Много и подробно рассказать о чем-л. Перм. *Была бы здоровая, дак до Сибири бы на языке уехала, всё бы рассказала.* — ФСПГ, 389. ♦ **НЕ В СИБИРЬ, ДАК В МАРАКУШИ.** Как придется; как получится. Перм. *Голос-то у меня уж не тянется, спую вам не в Сибирь, дак в Маракуши.* — ФСПГ, 334. <Маракуши — название деревни в Чайковском р-не Пермской обл.>

СИБИРЬ¹. В топонимии. 1. В названиях населенных пунктов. Арх 4 (К-Б, Лен, Нянд, Шенк). — ТЭ; Дон. — СРНГ, 37, 266; Смол. — Добровольский, 828; Семенов, 4/1, 581–582. *Были разработаны полянки, назывались почто-то Сибирь. В 1924 г. переселили из Междудворья сюда, стали «Сибирь» деревню звать* (Нянд, Сибирь). *Было там несколько домов, называлась почему-то «Сибирь»* (Лен, Паладино). «Неофициальное название деревни Николаевки в бывш. Криворожской волости, Бахмутского уезда, Екатеринославской губ., на неплодородные земли которой “в наказание” выселял крестьян из своего харьковского имения помещик (Сб. статист. сведений по Екатеринослав. губ., 51). Ту же этимологию имело и название небольшой деревни *Сибирь* в бывш. Бельском уезде, куда тоже “часто ссылали крепостных крестьян, взбунтовавшихся против помещиков” (“Правда”, 1978 г., 9 окт.)». — Отин, 311–312.

2. Название местности за пределами Чулымского района Новосибирской области. Новосибир. *В Сибирь ездили пахали. Это где Ордынка, кочки мы зовём Сибирью.* — СРГС, 4, 296. *В Сибирь ездили по хлеб.* — СРНГ, 37, 266.

3. Местное название северной части Бельского уезда Смоленской губ. «Эта часть, удаленная от судоходных рек и проезжих дорог, отличается неплодородностью почвы и скудостью природы. Она принадлежала в прошедшем столетии гр. Шереметеву, который ссылал сюда дурных крестьян своих обширных вотчин». — Семенов, IV/1, 581–582.

4. В названиях полей. Арх 4 (Мез, Он, Уст 2); Влг 6 (Бабуш, В-Уст, К-Г, Ньюкс, Сок, Тарн); Костр (Пышуг). — ТЭ. *Далеко поле, вот и Сибирь* (Уст, Митинская). *Здесь было поле, хорошо пахалось, хорошо росла рожь, как в Сибири. Место красивое, бортина* (Уст, Бываловская). *Далеко она, чё ли* (К-Г, Лукина Гора). *Площади большие, мелиорация прошла* (Сок, Архангельское). *Большущее поле, как Сибирь* (Мез, Мелогора).

СИБИРИ. Костр (Ней). — ТЭ.

5. В названиях покосов. Арх 7 (Карг, Кон, Лен, Мез, Нянд, Он, Плес); Влг 3 (В-Уст, М-Реч, Ньюкс). — ТЭ. *Дальний покос* (Он, Мондино). **СИБИРИ, СИБИРИ.** Арх 2 (Карг, Он). — ТЭ.

6. В названиях болот. Арх 3 (Вин, Карг, Лещ). — ТЭ. *Тёплое там место, ключи, опасно* (Карг, Спицынская). *А там широкое болото; Сибирь — потому что очень большое* (Вин, Топса, Сергеевская).

7. В названиях рек. Арх (Уст); Влг 2 (В-Уст, Вож). — ТЭ.

8. В названии лесной пустоши. Новг. — НОС 10, 52.

9. В названии пастбища. Арх (Кон). — ТЭ.

10. В названии горы. Арх (Уст). — ТЭ.

11. В названии речного мыса. Арх (В-Т). — ТЭ.

12. В названии берега озера. **СИБИРЬЕ.** Северный берег Кенозера. Арх (Плес). — ТЭ.

СИБИРЬ². В а н т р о п о н и м и и. Часть населения Качалинской станицы. Дон. — Миртов, 292.

СИБИРЬ³. 1. Отдаленный участок земли. Новг. — НОС, 10, 52.

2. Дальняя деревня. Новг. — НОС, 10, 52.

3. Болото, топь, где приходится косить траву на воде. Влг. — Дилакторский, 455.

СИБИРЬ⁴. Сучок, обозначающий конечную цель путешествия в игре **СИБИРСКИЙ ПÓЕЗД** (см.). Свердл. — Березович, 196.

СИБИРЬ⁵. Свадебное угощение вином, водкой, которое жених выставлял на своем дворе. Тобол., Том. *Пойдем сибирь пить.* — СРНГ, 37, 266.

СИБИРЬ⁶. Невыносимо тяжелая жизнь, мучения. *К братцу я в то время не ходил, ежели случится, то очень редко: по той причине, что окромя уныния завели они другую Сибирь: гитару... Иной человек возьмется на гитаре-то, восхищение, душа радуется, но братец мой изо всего муку-мученскую делал. Поставит палец на струне у самого верху и начнет его спускать даже до самого низу. Воеет струна-то, чистая смерть!* Г. И. Успенский. — Отин, 310–311. Ср. **СИБИРЩИНА, СИБИРНАЯ ЖИЗНЬ** (см. **СИБИРНЫЙ³** в 1 знач.).

СИБИРЬ⁷. О безвыходной ситуации. Калуж. *Ах, Сибирь: денег нет, а очень нужны!* — СРНГ, 37, 267.

СИБИРИ. Сибиряки-старожилы. Новосиб. В Мышлянке больше расейски живут, а сибирей мало; Белковатъ, козоватъ, шишковатъ — это все сибиряки говорили. — СРНГ, 37, 264. Ср. ВЕЧНЫЙ СИБИРЯК, ГОЛОВНОЙ СИБИРЯК, УРОДНЫЙ СИБИРЯК (см. СИБИРЯК¹ в 1 знач.).

ПОЛУСИБИРКА (см. СИБИРКА⁴ в 3 знач.).

СИБИРЁК. 1. Растение *Caragana frutescens mollis* Schmalh., железник; чилига пушистая. Дон. — Даль, 4, 184; Миртов, 291.

2. Растение *Caragana frutex* Koch., чилига степная. Дон. Сибирёк растёт в степи, он такой, как червонцы, высокий не бывает. Его на венки употребляют. — СРНГ, 37, 264.

3. Сорт винограда раннего созревания с мелкими круглыми ягодами. Дон. Сибирёк — это белый круглый виноград, сладкий на вкус. — СРНГ, 37, 264. > **СИБИРЬКОВЫЙ ВИНОГРАД.** Дон. «Сибирьковский виноград — круглый и мелкий нежного вкуса, подобно *шасля*». — Миртов, 291. Сибирьковский виноград вкусный, с него варенья делают. — БТДК, 483. > **СИБИРЬКОВОЕ ВИНО.** Вино, приготовленное из виноградного сорта сибирёк. Дон. Из нашей лозы вино хорошее сибирьковое. — БТДК, 483.

СИБИРИТ. Ценный камень, красный турмалин, малиновый шерл, даурит. — Даль, 4, 184.

СИБИРИХА. В топонимии. 1. В названиях полей. Арх 2 (Вин, Холм). — ТЭ.

2. В названии урочища. Влг (Вож). — ТЭ.

СИБИРЬХА. В топонимии. Название деревни. Влг (Вож). — ТЭ.

СИБИРКА¹. В топонимии. Название леса. Костр (Сусан). — ТЭ.

СИБИРКА². Северный ветер. Дон. — Миртов, 291. // СИБИРЯК³ (в 1 знач.).

СИБИРКА³. 1. Морозоустойчивый сорт пшеницы с длинной остью, мелким зерном, издавна культивировавшийся в Сибири. Иркут., Кемер., Челябин. Сибирка не родилась, земля плоха была. Иркут. — СРГС, 4, 296. Сибирка — пшеница така. Кемер. Я, паря, сибирку буду сеять: она стойкая. Челябин. — СРНГ, 37, 265. Ср. СИБИРЯЧКА² (в 1 знач.).

2. Сорт ржи. Костр. — СРНГ, 37, 265.

3. Сорт гречихи. Нижегород. Греча: сибирка и русская. — СРНГ, 37, 265.

4. Сорт кормового картофеля. Ярослав. — СРНГ, 37, 265. Ср. СИБИРЯЧКА² (во 2 знач.).

5. Сорт скороспелой и сладкой садовой земляники. Краснояр. Первая ягода у нас в поселке — сибирка. Сибирку ранней весной высаживала. — СРГС, 4, 296.

6. Сорт зимостойкой яблони и плоды этой яблони. Пышные яблони-сибирки уже нынешним летом создадут непролазную ограду. А. В. Кожевников. — ССРЛЯ, 13, 757. Ср. СИБИРСКАЯ ЯБЛОНЯ (см. СИБИРСКИЙ³).

7. Двудомный кустарник сем. розовых. — Мгеладзе, Колесников, 28.

8. Крапива. Косить сибирку. Краснояр. — СРГС, 4, 296. // СИБИРСКАЯ РОЗА (см. СИБИРСКИЙ³).

9. Травянистое сорное растение. Арх. *Сибирка тонкая такая, во ржи растёт, в войну ели.* — КСГРС.

СИБИ́РКА⁴. 1. Сорт меха белки, сибирская белка. — СРЯ XI–XVII вв., 24, 121. > **СИБИ́РКОВЫЙ МЕХ**. Беличий мех. Дон. *Есть у него шуба с сибиркового меха, значит, богатый он.* — БТДК, 483. *Сшить пальто, шубу на сибирковом меху — значит на беличьем меху.* — Миртов, 291–292.

2. Порода низкорослых выносливых лошадей с длинной шерстью. Бурят., Забайк. *Наших дедов сибирка выручала.* Бурят. — СРГС, 4, 296. *У сибирки хоть ноги короткие, да шаг выносливый.* Забайк. — СРНГ, 37, 265. Ср. **СИБИРЯК**⁵ (во 2 знач.).

3. То же, что **СИБИ́РСКИЙ КОТ**. Орл. *Зимой сибирка так и ластится, так и ластится.* — СОГ, 13, 113. Ср. **СИБИРЯК**⁵ (в 3 знач.). > **ПОЛУСИБИ́РКА**. Кошка с примесью сибирской породы. Арх. *У меня кошка полусибирка, а кот — сибиряк.* — КСГРС.

СИБИ́РКА⁵. 1. Сани, не окованные железом. Бурят., Забайк. *От Урала до Нерчинска на сибирке тащился, на ней всю скорбь везли. Пару в сибирку не запрягали, на одной кляче тащились.* Бурят. — СРГС, 4, 296. *Теперь сибирок и в помине нету. Забыли про сибирку, железа много стало.* Забайк. — СРНГ, 37, 265.

2. Выездные сани. Баш. — СРГ Башкирии.

СИБИ́РКА⁶. Судно, доставляющее по Каме в Нижний Новгород груз железа из Сибири; поднимает 7–11 тыс. пудов. Волж. — Даль, 4, 184; СРНГ, 37, 265.

СИБИ́РКА⁷. В дореволюционной России: а) Владимирский тракт, б) Сибирская железная дорога. Бурят., Забайк. *На сибирке работал разный люд. Когда сибирка была пущена, то жись здесь изменилась.* Бурят. — СРГС, 4, 296. *Сибирка от Урала до Великого океана тянется. Надо было сибирку построить — и построили одними кайлами, ломами, словом, почти руками.* Забайк. — СРНГ, 37, 264.

СИБИ́РКА⁸. Полуземлянка, в которой обычно жили сибирские приискатели. Бурят. *В сибирке родился, в сибирке вырос. Да разве в сибирке мог ребёнок здоровым расти. В сибирке всегда духота была, темень. Так в сибирке и мытарилась.* — СРГС, 4, 296.

СИБИ́РКА⁹. 1. Верхняя одежда; приталенное пальто, расширяющееся книзу, нередко шитое из овчины и отороченное мехом. *А поддевка-то на вате, А сибирка на меху (частушка); Сибирка — это длинная шуба овчинная, сверху обшита сукном, застежки сбоку.* Моск. — СРНГ, 37, 264. *Начальники только сибирки носили; Сначала в сибирке только мужики ходили, а потом и женщины стали.* Влг. — КСГРС. *У моего отца сибирка была, на шубе, поддетая материалом, её только зимой в праздник носили; Ох, девка, сибирка какая у тебя баская! Где такую сибирку купила? За такую сибирку все парни любить будут!* Влг. — СВГ, 10, 3. *Когда замуж девушка выходила, ей в приданое отец с матерью сибирку шили; У меня плохонькая сибирка была, а у Настасьи богатая, с меховым воротником.* — СРГ Мордовии. *Приказчик, стриженный в скобку, в длиннополой суконной сибирке с сборами назад... подал чай.* П. И. Мельников-Печерский.

Появляется какой-то господин в синей сибирке тонкого сукна. В. Г. Короленко. — ССРЛЯ, 13, 756.

2. Стеганая куртка без рукавов. Влг., Новг., Нижегород., Пенз., Ульянов., Яросл. *Сибирки шили на вате.* Новг. — СРНГ, 37, 264. *Что уж говорить про старика, как он и летом сибирки не снимает.* Влг. — СВГ, 10, 4. Мужчины в праздники носят черного русского и синего немецкого сукна кафтаны и нанковые короткие по колени сибирки, на голове поярковые шляпы. Нижегород. — СРНГ, 37, 265. В праздники носят нанковые синие или желтые халаты и сибирки. Пенз. — СРНГ, 37, 264–265.

3. Женская верхняя одежда, нарядная приталенная кофта со сборками. Влг., Нижегород., Орл. *Сибирка — оболочка женская, осенью носилась; Ткали сами материю, основа льняная, уток шерстяной; по пояс в обтяжку, а сюда с борами, в татьянку длинная сибирка, с рельефами шилась, отделявали руликами; Своих овец я настригла, намяла, сама истоптала и сибирку сухмянную сшила, я венчалась в ней; У сибирки борки посередке, а у кошули — по бокам.* Влг. — КСГРС. *У женщин русский сарафан, нанковая сибирка.* Нижегород. — СРНГ, 37, 264. *По праздникам я надеваю свою новую сибирку.* — СОГ, 13, 113.

4. Юбка со сборками. Перм. *Сибирку вот новую сшила. Сибирка — это вот всё кругом пласты наложены и бор набран. Это место узенько, а тутока боры всё.* — СПГ, 2, 333.

5. меховая шапка-ушанка. Смол. *Шапка-сибирка, посеред дырка.* — Добровольский, 828.

6. Шинель. Влг. *А солдаты-то сибирки носили.* — СВГ, 10, 4.

7. Рваная одежда арестанта-каторжника. Забайк., Читин. *По сибирке видно, кто такой.* Читин. — СРГС, 4, 296. *Зашел он к нам в сибирке. Поняли мы, что не от доброй жизни вырядился он в сибирку.* Забайк. — СРНГ, 37, 264.

СИБИРКА¹⁰. Большая деревянная ложка с росписью. Нижегород. *Сибирка была гладкой и писаной.* — СРНГ, 37, 265.

СИБИРКА¹¹. Большой кусок вареного мяса. Забайк., Читин. *Вот эту сибирку съем, малость насытюсь.* Читин. — СРГС, 4, 296. *В дорогу взял сибирку да ломоть хлеба.* Забайк. — СРНГ, 37, 265.

СИБИРКА¹². Зеленая краска. Краска медная зелень, яр, медянка; водная, углекислая окись меди, в смеси с глиной. — Даль, 4, 184.

СИБИРКА¹³. Устар. Вид карточной игры. *У меня будут брат Петя и Н. И. Давыдов, поиграем в сибирку, — я весь пост добивался этого удовольствия.* А. Н. Островский. *Знаете, господа, что мы сделаем? Засядемте-ка после обеда в сибирку с болваном!* М. Е. Салтыков-Щедрин. — ССРЛЯ, 13, 756.

СИБИРКА¹⁴. 1. То же, что СИБИРСКАЯ ЯЗВА (в 1 знач., см. СИБИРСКИЙ³). *Сибирка, кровь внутри заражается, мышки и колики у лошадей и коров, вздутие делается.* Читин. — СРГС, 4, 296. *От сибирки отхаживают. Сибирка болезнь, называется карасан; Сибирку надо заколоть [иглой в пораненное место].* Р. Урал. — Малеча, 4, 68. *«Отойдите, товарищи», — сказал [ветеринар] веско, —*

«есть опасение, что это сибирка». Корову со всеми предосторожностями отволокли за село, зарыли. А. Н. Толстой. Долго [Остап] копил деньги на коня, привел, наконец, с базара, а через неделю конь окошел от сибирки. Е. Е. Поповкин. — ССРЛЯ, 13, 756–757.

2. Всякий нарыв, гнойное воспаление кожи с высокой температурой; карбункул. Тамб. — СРНГ, 37, 265.

3. Болезнь, сопровождаемая поносом и рвотой. Баш. Когда понос и рвота, называли сибиркой; Прошлый год болел я сибиркой-то. — СРГ Башкирии.

4. Названия различных простудных и инфекционных заболеваний. Саратов. «В некоторых местах сибиркой называются и простудные, и инфекционные, и многие другие болезни. Заболит у кого-нибудь горло, говорят сибирка, и всякий маленький прыщик считают также за сибирку». — Попов, 347. // СИБИРСКАЯ ЯЗВА (во 2 знач., см. СИБИРСКИЙ³). Ср. СИБИРСКИЙ ВЕТЕР (см. СИБИРСКИЙ³).

5. ♦ СИБИРКА ГЛАЗНАЯ. По суеверным представлениям, порча «дурным глазом», сглаз. Орл. Есть сибирка глазная, особенно на детях она; вот девочка была... Так на третий день померла, а умыли бы её в первый день освящённой водой, так и жива бы осталась. — СОГ, 13, 113.

6. ♦ ЧТОБ ТЕБЯ (ЕГО, ИХ) СИБИРКА ПОДХВАТИЛА! Выражение досады, недовольства, злобы. Мордов. Чтоб тебя сибирка подхватила, окаянного! — СРГ Мордовии.

СИБИРКА¹⁵. О злой и вредной женщине. Орл. Сибирка — злая, вредная женщина. — СОГ 13, 113.

СИБИРКА¹⁶. 1. Сибирская каторга. Бурят. На сибирке тута многие побывали. Кто на сибирке побывал, тот горя похлебал. Десять лет на сибирке кандалы таскал. — СРГС, 4, 296.

2. Тюрьма, помещение для временного содержания арестантов (первоначально — в сибирской деревне). Два мужика пьяные разодрались, дак голова посадил их в сибирку. Перм. — СРНГ, 37, 265. Во главе волости стоял старшина, были сотские, десятские, судил в то время урядник, садили в сибирку. Иркут. — СРГС, 4, 296. [Расплюев:] Заложить? Да ведь ныне вечером ее надо отдать, а то через полицию возьмут, да в сибирку посадят. А. В. Сухово-Кобылин. А ты что из-за прилавка лаешься, собака?! Хочешь в сибирку? А. И. Герцен. — ССРЛЯ, 13, 756.

3. Чулан, в который сажали арестантов на съезжем дворе. Влг. — Дилакторский, 455.

4. Фургон для перевозки арестованных. Сиб. — СРНГ, 37, 265.

СИБИРКИ. Бумажные деньги, выпущенные Колчаком во время Гражданской войны. Забайк., Читин. Сибирки никто не брал. На сибирку ничего нельзя было купить. Эта сибирка принесла народу разорение. Читин. — СРГС, 4, 296. Унесешь в лавку куль сибирок и возьмешь фунт соли. Вот какая цена была сибиркам. Забайк. — СРНГ, 37, 265.

СИБИРЛЁТКА. Верхняя женская одежда. Карел. *А женщина на плечи сибирлетку накидала, за любезным на дорожку выбегала.* — СРГК, 6, 83. Ср. СИБИРКА⁹ (в 1, 2, 3 знач.).

СИБИРНИК. Бран. Негодяй, мерзавец. Смол. — Добровольский, 828. // СИБИРЯК¹ (в 7 знач.), СИБИРЯКА, СИБИРНЫЙ² (в 3 знач.), СИБИРСКАЯ ВЕРЁВКА (см. СИБИРСКИЙ³).

СИБИРОЧКА. 1. Уменьш.-ласкат. к СИБИРКА⁹ (в 1 знач.). *Мой миленок богачок: Летом носит пиджачок, А зимой сибирочку, Пьет вино-наливочку* (песня); *Уж ты, Катенька, не свалися, За сибирочку удержишься* (песня). — Диллакторский, 455. *С козырьком фуражечку С головушки шибиала, Синюю сибирочку В грязь всю замарала, Агличку рубашечку Все на нем прервала.* — СРНГ, 37, 266. *Вот вы изволите говорить про соловьев, — начал, выходя из куста, худенький человек в казинетовой сибирочке.* И. Ф. Горбунов. — ССРЛЯ, 13, 757.

2. То же, что СИБИРКА⁹ (во 2 знач.). Новг. *Какая у тебя баская сибирочка!* Влг. — СВГ, 10, 4. *Шляпушка пуховая, сибирочка новая* (песня). — СРНГ 37, 266.

СИБИРУШКА. Поддевка, кафтан. Смол. *Шляпушка пуховая, сибирушка новая.* — Добровольский, 828. Ср. СИБИРКА⁹ (во 2 знач.).

СИБИРЦА. В т о п о н и м и и. Название реки. Арх (Мез). «Берет начало несколькими источниками на горе Нямдахай, течение до 70 верст, очень порожисто и потому для судов малодоступно». — Семенов, IV/1, 581.

СИБИРЩИНА. Тяжелая, нестерпимая жизнь. — Даль, 4, 184. Ср. СИБИРЬ⁶, СИБИРНАЯ ЖИЗНЬ (см. СИБИРНЫЙ² в 1 знач.).

СИБИРЬКА. Зимние качели. Влг. *А качули зимние, дак это сибирька. Да назывались сибирька. Уж как мы качались-то на сибирьке, как качались!* — СВГ, 10, 4.

СИБИРЯК¹. 1. Православный русский старожил Сибири (в отличие от семейских старообрядцев). Бурят. *Батя сибиряк, православный, а matka — семейская.* — СРГС, 4, 296. **♦ ВЕЧНЫЙ СИБИРЯК.** Сибирский старожил. Новосиб. *Они вечные, вечные сибиряки были, так и жили здесь.* — СРГС, 4, 296. Ср. СИБИРИ. **♦ ГОЛОВНОЙ СИБИРЯК.** То же. Томск. *Головные сибиряки — старожилы.* — СРГС, 4, 296. **♦ УРОДНЫЙ СИБИРЯК.** То же. Томск. — СРНГ, 37, 267.

2. В знач. суц. Тот, кто уходит в Сибирь на промыслы. Перм., Яросл. — СРНГ, 37, 267.

3. Арестант, приговоренный к ссылке в Сибирь на поселение или на каторгу. Петерб. — СРНГ, 37, 267. // СИБИРНЫЙ² (в 1 знач.).

4. Тот, кто побывал в сибирской ссылке, бывший каторжник. Ворон. — СРНГ, 37, 267.

5. О крепком, здоровом, закаленном человеке. Ворон. — СРНГ 37, 267.

6. О грубом, дерзком человеке. Ворон. — СРНГ, 37, 267. Ср. НЕОТЁС СИБИРСКИЙ (см. СИБИРСКИЙ³).

7. Бран. То же, что СИБИРНИК. Яросл. *Раньше ругань-то было — «сибиряк», «острожник».* — СРНГ, 37, 267.

СИБИРЯК². В т о п о н и м и и. 1. В названии болота. Влг (Бабуш). — ТЭ. *Холодное болото, с холодной стороны, вот и Сибиряк* (Бабуш, им. Бабушкина); *Под север оно, вот и Сибиряк. Сибирь-то холодная. Со стороны этого болота холод* (Бабуш, им. Бабушкина).

2. В названии леса. Влг (В-Уст). — ТЭ.

3. В названиях покосов. Арх (Леш); Влг (Вож). — ТЭ.

4. В названии порога. Арх (Леш). *Один большой камень сидит* (Леш, Чуласа).

СИБИРЯК³. 1. То же, что СИБИРКА². Арх (Плес). — ТЭ; Новг. — НОС 10, 52. *Ветер сильный северный «сибиряк» называли* (Плес, Черноково). — ТЭ.

2. Северо-восточный, холодный ветер. Астрах. — Даль, 4, 184. Ср. СИБИРНЫЙ¹.

3. Снег, идущий без перерыва. Новг. — НОС, 10, 52.

СИБИРЯК⁴. Растение *Robinia frutescens*², дреза. Дон. — БТДК, 483. Ср. СИБИРСКИЙ ГОРОХОВНИК (см. СИБИРСКИЙ³).

СИБИРЯК⁵. 1. Лошадь сибирской породы. Зап. Сиб. — СРНГ, 37, 267.

2. Сильный, выносливый конь. Одес. *Сибиряк — конь сильный, сибиряки повсегда на тяжёлой работе.* — СРГО, 2, 166. Ср. СИБИРКА⁴ (во 2 знач.).

3. То же, что СИБИРСКИЙ КОТ (см. СИБИРСКИЙ³). Арх. *У меня кошка полусибирка, а кот — сибиряк.* Ср. СИБИРКА⁴ (в 3 знач.). — КСГРС.

4. Птица *Anser segetum*, сем. гусиных; гуменник. Казан. — СРНГ, 37, 267.

СИБИРЯК⁶. Грубая холщовая ткань. Новг. *Та девка-то ткёт сибиряка.* — НОС, 10, 52. // СИБИРЯЧКА⁵.

СИБИРЯКА. То же, что СИБИРНИК. Смол. — Добровольский, 828.

СИБИРЯКИ. В т о п о н и м и и. 1. В названиях старожильческих сибирских поселений. Вост. Сиб. — СРНГ, 37, 267.

2. В названии покоса. Арх (Плес). — ТЭ.

СИБИРЯНКА¹. В т о п о н и м и и. 1. В названии леса. Влг (Ник). — ТЭ.

2. В названии пастбища. Влг (Ник). — ТЭ.

3. В названии покоса. Арх (К-Б). — ТЭ. // СИБИРСКАЯ ШИГА (см. СИБИРСКИЙ¹ в 3 знач.).

СИБИРЯНКА². То же, что СИБИРСКИЙ КОТ (см. СИБИРСКИЙ³). Карел. *У ней своя ещё кошка, сибирянка.* — СРГК, 6, 83.

СИБИРЯНКА³. Передник, фартук. Пенз. — СРНГ, 37, 267.

СИБИРЯЧКА¹. Жен. к СИБИРЯК¹ (в 1 знач.). Бурят. *А как же, семейский женился на сибирячке, а дети ни к той, ни к этой вере.* — СРГС, 4, 296.

СИБИРЯЧКА². 1. Сорт пшеницы с беловатым колосом. Алтай., Кемер., Новосибир., Томск. *Раньше весной сеяли рожь, вешнёвка, пшеница озимовая — сеяли в зиму, белоколоска, голоколоска, сибирячка.* Томск. *Там сеют сибирячку.* Алтай. — СРГС, 4, 296. Ср. СИБИРКА³ (в 1 знач.).

2. Белая картошка. Свердл. — ТКУ. Ср. СИБИРКА³ (в 4 знач.).

² В источнике [БТДК, 483] ошибочно *Vobinia* вместо *Robinia*.

СИБИРЯЧКА³. Порода овец. Кемер. *Сибирячка, эта простая, шерсть на ей длинна, не мягка, грубая. Это уже смесь.* — СРГС, 4, 297.

СИБИРЯЧКА⁴. Большая деревянная соха с железным сошником. Новосибир. *Сибирячка — соха, она деревянная, только сошник железный, пара лошадей запрягается, отвалка деревянная, хоть сибирячка, хоть рассоха.* — СРГС, 4, 297.

СИБИРЯЧКА⁵. То же, что **СИБИРЯК**⁶. Новг. *Ткали-то сибирячку и королевну с рисунком, и те три нитинки.* — НОС, 10, 52.

СИБИРКОВЫЙ. См. **СИБИРКА**⁴ (в 1 знач.).

СИБИРНЫЙ¹. В знач. суц. Очень холодный ветер. Брян. — СРНГ, 37, 266. Ср. **СИБИРЯК**³ (в 1, 2 знач.).

СИБИРНЫЙ². В знач. суц. 1. То же, что **СИБИРЯК**¹ (в 3 знач.). Яросл. — СРНГ, 37, 266.

2. *Бран.* Тот, кто из Сибири пешком пришел. Дон. — Миртов, 292.

3. То же, что **СИБИРНИК**. Влад., Ворон., Яросл. *Ах ты, сибирный!; У, сибирный, чтобы ты околел!* Ворон. — СРНГ, 37, 266.

СИБИРНЫЙ³. 1. Тяжелый, трудный. Ворон. *Бабья жизнь тогда сибирная была.* — СРНГ, 37, 266. ♦ **СИБИРНАЯ ЖИЗНЬ**. Тяжкая, трудная. — *Да что же, ты дала свинье травы? — Когда давать-то? Что это за жизнь сибирная!* Н. В. Успенский. *Жизнь его [крепостного] была, как говорится, чисто сибирная, потому что матушка не давала ему ни отдыха, ни сроку.* М. Е. Салтыков-Щедрин. — ССРЛЯ, 13, 756. Ср. **СИБИРЬ**⁶, **СИБИРЩИНА**. ♦ **СИБИРНОЕ МЕСТО**. Место с суровыми, трудными для жизни условиями. Смол. *Наше место сибирное.* — СРНГ, 37, 266.

2. Несчастный, горемычный. Петерб. *Сибирные люди эти пивовары: и в праздники отдыха нет.* — СРНГ, 37, 266.

3. Жестокий, злой. *Прямо сказать: сибирный народ, варнак.* Д. Н. Мамин-Сибиряк. — *Проваливай! скамейка барская!.. — А ты барский? — Барский, полковничий; ...а ты убирайся вон, сибирный твой род!* Г. П. Данилевский. *Всему делу виновницею оказалась ее мать, Аграфена, или, точнее сказать, ее «сибирный карахтер» (так доносила матушке старостица Домна).* Н. С. Лесков. — ССРЛЯ, 13, 758. *Сибирный у ней мужик был.* Орл. — СОГ, 13, 113. *Сибирный начальник.* Ворон. — Даль, 4, 184.

4. Отчаянный, озорной. Калуж., Орл., Яросл. *Мальчишки сибирные какие-то.* Калуж. — СРНГ, 37, 266 // **УШКУЙНИК СИБИРСКИЙ** (см. **СИБИРСКИЙ**³).

5. Мерзкий, гнусный. Калуж., Пск., Смол. — СРНГ, 37, 266.

СИБИРСКИЙ¹. В т о п о н и м и и. 1. **СИБИРСКИЙ КАМЕНЬ**. Уральские горы. Арх. — Подвысоцкий, 62; Перм. — Даль IV, 184.

2. В названиях полей. **СИБИРСКАЯ**. Арх (Карг). **СИБИРСКАЯ НОВИНА**. Арх (В-Т). — ТЭ.

3. В названиях покосов. **СИБИ́РСКАЯ ШИ́ГА** // СИБИРЯ́НКА. Арх (К-Б). **СИБИ́РСКИЙ КЯ́РНЫШ**. Арх (Шенк). **СИБИ́РСКИЙ У́ГОЛ**. Арх (Уст). **СИБИ́РСКИЕ**. Влг (Нюкс). — ТЭ.

4. В названиях лесов. **СИБИ́РСКАЯ ГРИ́ВА**. Влг (Ник). **СИБИ́РСКИЙ БО́Р**. Влг (Тарн). — ТЭ.

5. В названиях ручьев. **СИБИ́РСКИЙ**. Арх (К-Б). **СИБИ́РСКИЙ ЛО́Г**. Влг (Ник). — ТЭ.

6. В названиях болот. **СИБИ́РСКОЕ**. Арх 2 (Карг, К-Б); Влг 2 (В-Уст, Череп). — ТЭ.

СИБИ́РСКИЙ². Православный, не старообрядческий. Бурят. *Мы в сибирскую церкву не ходили, у нас своя часовня семейская была.* — СГСЗ, 427. *У них сибирская вера, не наша; И поп сибирский у них, а которые брезгавают его.* — СРГС, 4, 296. Ср. СИБИРЯ́К¹ (в 1 знач.).

СИБИ́РСКИЙ³. В составе сочетаний:

БОЯ́РЫШНИК СИБИ́РСКИЙ. Кустовое ягодное дерево *Crataegus sanguinea*, боярышник горный. — Даль, 1, 121–122.

ВАСИ́ЛЁК СИБИ́РСКИЙ. Растение *Centaurea Sibirica* L. — Торэн, 64, 139. // **СИБИ́РСКИЙ ЧЕРТОПОЛО́Х**.

ДО́ННИК СИБИ́РСКИЙ. Растение *Spiraea Aruncus*, жури́н, белоголовник. — Даль, 1, 468.

(КАК) СИБИ́РСКИЙ ВА́ЛЕНОК. 1. Мягкий, уступчивый. — ССРГ, 2003, 49. *Характер у него мягкий, как сибирский валенок; Сходчивый мужик-от попался, разу ляпу не дал, настоящий сибирский валенок.* Перм. — ФСПГ, 38.

2. Несообразительный, непонятливый. Новг. *Ванька-то мой как сибирский валенок у Поли, ничего не понимает.* — НОС, 4, 8. Ср. **У́ПЫТЬ СИБИ́РСКИЙ**. **◇ ТУПО́Й, КАК СИБИ́РСКИЙ ВА́ЛЕНОК**. То же. Иркут. — АБЛ, 130; Новг. — НОС 11, 72; Томск. — КСРНГ; Вахитов, 182. *Вася-то у их тупой, как сибирский валенок.* — НОС 11, 72. Ср. **СИБИ́РСКИЙ ТУ́ЕС** (БУРА́К).

(КАК) СИБИ́РСКОЕ Я́БЛОЧКО. Неодобр. О мелкой картошке. Иркут. — СДФО, 155.

НЕОТЁ́С СИБИ́РСКИЙ. Презрит. Грубый, неотесанный человек. Сиб. *Ах, мужик, дурак ты, неотёс сибирский.* — ФСРГС, 121. Ср. СИБИРЯ́К¹ (в 6 знач.).

ПУЧКИ́ СИБИ́РСКИЕ. Пельмени. Новг. *Пучки сибирские, суп варили да так ели.* — НОС, 9, 70. <новг. пучки ‘упитанные, толстые люди’. — НОС, 9, 70.>

СИБИ́РСКАЯ ВЕРЁ́ВКА. То же, что СИБИ́РНИК. Сев.- Двин. — СРНГ, 37, 266.

СИБИ́РСКАЯ РО́ЗА. То же, что СИБИ́РКА³ (в 8 знач.). Иркут. — ФСРГС, 167.

СИБИ́РСКАЯ РЯ́ПУШКА. Рыба *Coregonus sardinella*, обская или дальневосточная сельдь, обитает в водоемах бассейна Ледовитого океана, от Белого моря до Аляски. — ЖЖ; Усачева, 119.

СИБИ́РСКАЯ СО́ЛЬ. Сернокислый натрий, глауберова соль. — Даль IV, 184.

СИБИ́РСКАЯ Я́БЛОНЯ. Сорт яблони *Malus orientalis*. В Сибири яблоня вырождается, а растет там только сибирская, китайская или райская яблоня,

Pyrus baccata, с мелким, мучнистым яблоком. — Даль, IV, 671. Ср. СИБИ́РКА³ (в 6 знач.).

СИБИ́РСКАЯ ЯЗВА. 1. Заразная болезнь животных (преимущественно крупного рогатого скота, лошадей, овец), поражающая иногда и людей. *Как-то была тут сибирская язва, знаете ли; скотина дохла, я вам скажу, как мухи.* А. П. Чехов. *Анфисе минуло шестнадцать лет, когда отец помер, заразясь сибирской язвой.* М. Горький. — ССРЛЯ, 13, 757. // СИБИ́РКА¹⁴ (в 1 знач.).

2. То же, что СИБИ́РКА¹⁴ (в 4 знач.). Ср. СИБИ́РСКИЙ ВЕ́ТЕР.

3. Язвительный человек. Курган. *Ох, и язва же ты сибирская, суди хоть ладом!* — Тимофеев, 102.

СИБИ́РСКИЕ. Сорт огурцов. Новосибир. *Огурцы нынче трёх сортов посадила: сибирские, скороспелка, мурманцы.* — СРГС, 4, 296.

СИБИ́РСКИЕ БРО́ДНИ. Крестьянская обувь вместе с кожаными голенищами. Сиб. — СФРГС, 167.

СИБИ́РСКИЕ МОРО́ЗЫ. О сильных морозах. — ССРЛЯ, 13, 757.

СИБИ́РСКИЕ ПРОСТО́РЫ. О протяженном пространстве, характерном для Сибири. *И вдруг, от простой случайности, сибирские просторы сузятся до четырех стен камеры, за граница опять станет смешным мечтанием, и опять появится на стене календарь с зачеркнутыми цифрами!* М. Осоргин. *Его как бы провожали, пили за Иркутск и сибирские просторы.* В. Орлов. *Он вознамерился добыть в Санкт-Петербурге разрешение на брак с красавицей католичкой, но, будучи человеком увлекающимся и азартным, ринулся налегке через заснеженные сибирские просторы, загоня лошадей, торопливо переправляясь прямо в седле через студёные сибирские реки.* М. Захаров. — НКРЯ.

СИБИ́РСКИЙ А́ИСТ. Черный аист. — Даль, I, 7.

СИБИ́РСКИЙ АНАНА́С. Ягодный кустарник облепиха. Орл. *Сибирский ананас очень полезен.* — СОГ, 13, 113.

СИБИ́РСКИЙ БОГ. День Св. Георгия Победоносца, 26 ноября / 9 декабря. Сиб. — СНК, 85.

СИБИ́РСКИЙ БУРА́К. См. СИБИ́РСКИЙ ТУ́ЕС.

СИБИ́РСКИЙ ВЕ́ТЕР. Простудная лихорадка. Яросл. — ЛК ТЭ. Ср. СИБИ́РКА¹⁴ (в 4 знач.), СИБИ́РСКАЯ ЯЗВА (во 2 знач.).

СИБИ́РСКИЙ ВОЛК. Волк светло-серого, белесоватого окраса. — Даль, 4, 184.

СИБИ́РСКИЙ ГОРО́ХОВНИК. Кустарник *Robinia*, простая акация. — Даль, 4, 184. Ср. СИБИРЯ́К⁴.

СИБИ́РСКИЙ КЕДР. Дерево *Pinus cembra*, с мелкими орешками. Арх. — Даль, 4, 184.

СИБИ́РСКИЙ КОТ, СИБИ́РСКАЯ КО́ШКА. Кот, кошка особой породы с длинной мягкой шерстью и пушистым хвостом. *Сегодня первый раз в жизни видел сибирского кота. Шерсть длинная, мягкая, нрав кроткий.* А. П. Чехов. По-

среди широкой и низкой кровати спал серый сибирский кот. А. Н. Толстой. — ССРЛЯ, 13, 758. // СИБИРКА⁴ (в 3 знач.), СИБИРЯК⁵ (в 3 знач.), СИБИРЯНКА².

СИБИРСКИЙ ЛЁН. Дикий лен. «На месте, дикий; плоше сеяного». — Даль, 4, 184.

СИБИРСКИЙ ЛОСОСЬ. Рыба таймень. — Даль, 4, 386.

СИБИРСКИЙ МЕШОК. Большой мешок для зерна, сшитый из трех полос холста. Перм. *Сибирской мешок, он большой и шит в три полосы; возим зерно с гумна на мельницу.* — СПГ, 1, 516.

СИБИРСКИЙ ОЛЁНЬ. Северный, упряжной олень. — Даль, 4, 184.

СИБИРСКИЙ ОСЁТР. Рыба семейства осетровых. «Кажется, другой, но близкий вид, как и шип, севрюга и пр.» — Даль, 2, 696.

СИБИРСКИЙ ПОЕЗД. Детская игра. Свердлов. Выбирается палка с сучками в виде крючков. Каждый игрок вешает свою палочку с крючком на сучки основной палки. Сучкам даются названия городов, селений и деревень: *Кунгурка — Крылатовка — Дегтярск — Свердловск — Сибирь.* Цель игры — добраться до верха, до *Сибири.* — Березович, 196.

СИБИРСКИЙ ПРАЗДНИК. День покорения Сибири Ермаком — 26 октября (по ст. ст.). Краснояр. — СРНГ, 37, 266.

СИБИРСКИЙ РАЗГОВОР. *Шутл.* Молчаливое щелканье кедровых орехов в гостях, на посиделках: собеседники как бы «перещелкивались» между собой, коротая досуг. Тобол. — СРНГ, 37, 266; ФСРГС, 162.

СИБИРСКИЙ ТУЕС (БУРАК). ♦ **ГЛУП, КАК СИБИРСКИЙ ТУЕС (БУРАК).** О несообразительном, глупом человеке. — Даль Пословицы, 436. Ср. (КАК) СИБИРСКИЙ ВАЛЕНОК (во 2 знач.).

СИБИРСКИЙ ХОРЁК. Колонок, *Mustela sibirica.* — Ушаков, 4, 1177.

СИБИРСКИЙ ЧАЙ. Растение *Saxifraga crassifolia L.*, камнеломка. Листья старые, пролежавшие под снегом, собирают и употребляют калмыками вместо чая. — Анненков, 317.

СИБИРСКИЙ ЧЕРТОПОЛОХ. То же, что ВАСИЛЁК СИБИРСКИЙ. — Торэн, 64, 139.

СИБИРСКОЕ ЗДОРОВЬЕ. *Разг.* О крепком здоровье. *Желаю вам сибирского здоровья, цыганской любви и кавказского долголетия* (распространенная формула тостов, поздравительных открыток и др.).

СИБИРЬКОВЫЙ. См. СИБИРЁК (в 3 знач.).

СИБИРЯЦКИЕ ЩИ. Густые щи с овощами и крупой. Омск. — СРНГ, 37, 267.

УПЫТЬ СИБИРСКИЙ. Несообразительный, глуповатый. *Как в падушку заезжать, бочажинка [низина] же есть. Ну он туда, упыть сибирский, и попер.* — Пашенко, 64. Ср. (КАК) СИБИРСКИЙ ВАЛЕНОК.

УШКУЙНИК СИБИРСКИЙ. *Бран.* То же, что СИБИРНЫЙ³ (в 5 знач.). *Ух ты, ушкуйник сибирский!* [о ребенке]. В. П. Астафьев. — НКРЯ. <Новг. ушкуйник 'разбойник, грабитель'. — НОС, 11, 105.>

ХАЙДУЛА СИБИРСКАЯ. Задира, забияка. Перм. — СПГ, 1, 285. **ЗАЕДАНИЕ МИРСКОЕ, ХАЙДУЛА СИБИРСКАЯ.** То же. Перм. *Он еть чё у тебя, заеданье мирское, хайдула сибирская, токо бы ему задевать всех.* — ФСПГ, 129.

▶ **СИБИРЯЧИТЬ.** Работать по найму в Сибири. Коми. *Раньше деды-те наши сибирячили.* — СРНГ, 37, 267.

* * *

Сибирь воспринимается народным сознанием как далекое, глухое место (*Сибирь* ‘отдаленный участок земли’, ‘название далекого поля’: *Далекое поле, вот и Сибирь; Астрахань далече, а Сибирь и дале того, матушка Москва словно в пазушке, а славная Сибирь ровно на задворье*). Это обширное (о болоте *Сибирь: А там широкое болото. Сибирь — потому что очень большое*), неблагоприятное для земледелия пространство (*сибирь* ‘участок покоса в топком месте’), с неблагоустроенными жилищами (*Сибирь немшеная* ‘о той части Сибири, где не жили русские, т. е. отсутствовали постройки, утепленные мхом’).

В представлении носителя народной традиции Сибирь находится в той стороне, откуда идет холод (ср. *Холодное болото, с холодной стороны, вот и Сибиряк; Сибирь-то холодная. Со стороны этого болота холод*). Иногда это провоцирует неверную с географической точки зрения привязку: на наивной «карте» жителей Европейской части России Сибирь размещается не на востоке, где она находится в реальности, а на севере (*сибиряк* ‘северный ветер’, *Сибирье* ‘название северного берега Кенозера’).

Климат Сибири суров (*сибирские морозы*). Здесь произрастают морозоустойчивые сорта растений, способные вызреть за короткое сибирское лето (*сибирка* ‘морозоустойчивый сорт пшеницы’, ‘сорт зимостойкой яблони и плоды этой яблони’, ‘скороспелый сорт садовой земляники’), и водятся животные, отличающиеся выносливостью (*сибирка* ‘порода низкорослых выносливых лошадей с длинной шерстью’, *сибиряк* ‘сильный, выносливый конь’), приспособленные к жизни в тяжелых условиях сибирской зимы (*сибирский волк, олень, соболь*). Сибирь известна своим пушным промыслом (*Славна Астрахань осетрами, Сибирь соболями; Сибирь — золотое дно: от пушного и торгового промыслов*).

Трудные условия существования делают жизнь в Сибири тяжелой и безрадостной: *сибирная жизнь* ‘тяжкая, трудная’, *сибирное место* ‘с суровыми, трудными для жизни условиями’. Сибирь стала традиционным местом ссылки и каторги: *сибирка* ‘сибирская каторга; тюрьма’, *сибирный* ‘арестант’. Представление о жителях Сибири как бывших каторжниках проявляется в таких обозначениях человека, как *сибирный* ‘жестокый, злой’, *хайдула сибирская* ‘задира, забияка’, *сибири кусок* ‘об отчаянном человеке’, *сибирская веревка* ‘негодяй, мерзавец’.

С сибирским климатом связана необходимость много и сытно есть (*сибиряцкие щи, сибирка* ‘большой кусок мяса’, ‘большая ложка’) и носить теплую меховую одежду (*сибирка* ‘шуба из овчины’). Необходимость переносить сибирские зимы выработала в сибиряках недюжинное здоровье (разг. *сибирское здоровье*).

Восприятием Сибири как отдаленного, провинциального края объясняется устойчивость номинаций несообразительного, глупого человека через реалии деревенского быта: *тупой как сибирский валенок, упыть сибирский, глуп, как сибирский туес (бурак)*.

Сибирь считается «родиной» инфекционного заболевания карбункул злокачественный, лат. *Febris carbunculosa*, получившего название *сибирская язва* (по месту, где болезнь впервые была описана). *Сибирской язвой* также называются болезни с похожими симптомами (*сибирка* ‘болезнь, сопровождаемая поносом и рвотой’, ‘всякий нарыв, гнойное воспаление кожи с высокой температурой’).

-
- АБЛ — Алексеев М. А., Литвинникова О. И. Человек в русской диалектной фразеологии : словарь. М., 2004.
- АК ТЭ — антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского госуниверситета (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- Анненков — Ботанический словарь : справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей / сост. Н. Анненков. СПб., 1878.
- Березович Е. Л. Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования. М., 2007.
- БМЭ — Большая медицинская энциклопедия : в 30 т. М., 1974–1988.
- БТДК — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- Вахитов С. В. Материалы к словарю языка царской каторги. Устойчивые выражения. Уфа, 2003.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М., 1880–1882.
- Даль Пословицы — Пословицы русского народа : сб. В. Даля : в 3 т. М., 1994.
- Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении / по рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2005.
- Добровольский — Смоленский областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. Смоленск, 1914.
- ЖЖ — Жизнь животных / под ред. проф. Н. А. Гладкова и проф. А. В. Михеева. М., 1970.
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета, Екатеринбург).
- КСРНГ — картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- ЛК ТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского госуниверситета (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. Оренбург, 2002–2003.
- Меладзе Д. С., Колесников Н. П. Слова топонимического происхождения (топонимы) в русском языке. Тбилиси, 1965.
- Миртов А. В. Донской словарь : материалы к изучению лексики донских говоров. Ростов н/Дону, 1929.

- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>.
- НОС — Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.
- Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004.
- Пащенко В. А. Материалы к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области. Чита, 1999. Ч. 1–2.
- Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Покровский Е. А. Детские игры: преимущественно русские. Репринт. изд. 1895 г. СПб., 1994.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.
- СГСЗ — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.
- СДФО — Ройзензон Л. И., Андреева Л. А. Словарь русской диалектной фразеологии Ольхонского района Иркутской области // *Вопр. фразеологии*. Вып. 6. Самарканд, 1972. С. 114–204.
- Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи : в 5 т. СПб., 1863–1885.
- СНК — Макаренко А. Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993.
- СОГ — Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989–... . Вып. 1–... .
- СПГ — Словарь пермских говоров. Пермь, 2000–2002. Вып. 1–2.
- СРГБашкирии — Словарь русских говоров Башкирии. Уфа, 1997–... . Вып. 1–... .
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- СРГМордовии — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Саранск, 1978–... . Вып. 1–... .
- СРГО — Словарь русских говоров Одесщины. Т. 2. Одесса, 2001.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999–... . Т. 1, ч. 1–... .
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–... . Вып. 1–... .
- СРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–... . Вып. 1–... .
- ССРГ — Словарь современного русского города. М., 2003.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- СФРГС — Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Новосибирск, 1972.
- СЭС — Советский энциклопедический словарь. М., 1980.
- Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.
- ТКУ — Традиционная культура Урала / сост. О. В. Востриков, В. В. Липина. Екатеринбург, 2009.
- Торэн М. Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.
- ТЭ — топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского госуниверситета (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- Усачева В. В. Славянская ихтиологическая терминология. М., 2003.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
- ФСНГ — Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.
- ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1983.

Рукопись поступила в редакцию 18.06.2010 г.

ОНОМАСТИКА ЗА РУБЕЖОМ

Эва Жетельска-Фелешко (1932–2009)

Эва Жетельска-Фелешко — профессор Института славистики Польской академии наук (ИС ПАН) в Варшаве, на протяжении многих лет — сотрудник отдела славянской ономастики ИС ПАН, в 1990–1996 гг. — директор ИС ПАН, в 1998–2000 — президент Польского лингвистического общества. Председатель комиссии по ономастике при Международном комитете славистов. Сотрудник и член редакции журнала «Onomastica», член Международного совета ономастических наук (International Committee (Council) of Onomastic Sciences — ICOS) и многих других польских научных и общественных организаций.

Сфера научных интересов — история и диалекты славянских языков (в том числе польского), национальные и этнические меньшинства, а также имена собственные. Объект ее исследований — польская и славянская ономастика (географические названия: деревень, рек, земельных участков, а также имена людей, в последние годы — новые названия магазинов и фирм).

Автор и соавтор около 340 публикаций, в том числе больше десятка книг (несколько в соавторстве с Ежи Думой, первая из них вышла в 1977 г. — «Речные названия Поморья между нижней Вислой и верхней Одрой», последняя — «Географические названия Западного Поморья, содержащие славянские элементы» — в 2008).

Эва Жетельска-Фелешко была, как упоминалось, членом редакции ежегодника «Onomastica» (Институт польского языка ПАН, Краков) и рецензировала словарь «Географические названия Польши. История. Происхождение.

Трансформации» (t. 1–7 : A—N, 1996–2007), издаваемый ИПЯ ПАН. Благодаря Э. Жетельской-Фелешко варшавский и краковский научные центры были объединены работой над известными научными справочниками, редактором, соредактором и соавтором которых она была: «Польские имена собственные. Энциклопедия» (1998), а также двухтомной энциклопедией «Славянская ономастика» (2002–2003), созданной совместно с ономастами из 12 стран.

Известны и останутся известными научной — не только лингвистической — общественности справочники, атласы, лексикографические работы (статьи в «Словаре славянских древностей» («Słownik starożytności słowiańskich»)), а также часто цитируемая книга «В мире имен собственных» (2006). Перевод одного из разделов этой книги публикуется ниже.

Э. Жетельска-Фелешко

ГЛЯДЯ НА ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ*

С именами, фамилиями, адресами мы встречаемся каждый день — в семье, среди друзей, на работе. Они высвечиваются на экране сотового телефона и компьютера. Мы произносим их или записываем, не думая о том, означают ли они что-нибудь, скрывают ли в себе какое-либо содержание. Их основная функция — идентификация. Ежедневно мы встречаемся и с географическими названиями — стран, морей и океанов, гор и пустынь, рек и озер, деревень и городов, улиц и городских площадей. В пути мы руководствуемся названиями, размещенными на карте или плане города, находим их на указателях, установленных вдоль шоссе и автострад либо на углах улиц. Хотя основной функцией и этих имен собственных также является идентификация конкретного объекта, мы чаще задумываемся над названиями этого типа. Проезжая деревню под названием *Zawada* или *Przeszkoda*, строим догадки над тем, какое *przeszkoda* (препятствие) могло быть в этом месте? Турист, приезжающий в *Zakopane*, думает, что этот город — ранее деревня — действительно был в прошлом *zakopany* (закопан). Путешествуя в направлении татрских *Kuźnice*, он задумывается, где здесь были какие-то *kuźnice* (кузницы). Когда на Мазурах он добирается до селения *Borowski Las* —

* Пер. с польск.: *Rzetelska-Feleszko E. Patrząc na nazwy własne // Rzetelska-Feleszko E. W świecie nazw własnych. Warszawa ; Kraków : Wydawnictwo naukowe PWN, 2006. S. 185–198.*

удивляется: лес может быть дубовый, сосновый, но ведь не *боровой* (*borowy*), потому что это «масло масляное». Название кажется совершенно абсурдным.

Многие люди — из чистого интереса — хотят узнать и понять значение географических названий и личных имен, узнать, откуда происходит их фамилия, почему у местности, где они живут, такое, а не иное название. Им недостаточно только идентифицировать конкретный предмет или человека. Такой интерес рождает более или менее удачные версии объяснения названий. Зачастую это так называемые народные этимологии. Одна из наиболее известных — объяснение названия *Częstochowa*: «потому что когда паломники приближаются к городу, им нужно преодолеть пригорок, за которым ясногурский монастырь *часто прячется* (*często się chowa*)». В действительности, название, известное с 1220 г., относилось когда-то к деревне, основателем или владельцем которой был человек по имени *Częstoch*. Это имя является сокращенной, уменьшительной формой имени *Częstomir* или *Częstobor*, распространенного в Польше в средние века. Кроме того, оказывается, что праславянское *čęstь означало не то, что сейчас¹, а ‘сильный, многочисленный, густой’.

Название города *Sandomierz* часто объясняют тем, что в этом месте река *San* «*домтягивается*» (*domierza*, букв. «домеряет») до Вислы или сливается с ней. На самом деле и это название возникло от имени основателя селения или города-крепости — *Sędomir* или *Sędzimir*. Гласная *к* в этом названии в средние века была записана как *an* — отсюда форма *Sandomir*. Конечное *rz* в названии города — реликт исчезнувшего суффикса **-jь*.

Упомянутые татарские *Kuźnice* действительно происходят от слова *kuźnia*, однако в прошлом кузницей называли также мастерские по обработке железной руды или серебра. Известно, что и железо, и серебро раньше добывалось в Татрах; мастерские исчезли, но названия остались. Название селения *Borowski Las* произошло от названия соседней деревни *Borowo*, а не от слова *bór*. Название города *Sopot* на первый взгляд может показаться немецким, так как до 1945 г. звучало как *Zoppot*. Однако его происхождение становится ясным только тогда, когда мы обратимся к лексике и ономастике других славянских языков. Слово *sopot* означает — особенно на юге славянского ареала — ‘источник, водопад, падающая струя’. От Балтики до Адриатики известны также гидронимы и топонимы *Sopotna*, *Sopotnica*, *Sopotnik*, *Sopot* [ср.: Udolph, 449–452].

Приведенные примеры показывают, насколько разнообразными могут быть народные объяснения названий и насколько они иногда далеки от толкований, опирающихся на научное знание. Различно и отношение людей к именам собственным, используемым ими в повседневной коммуникации: равнодушное и прагматичное или заинтересованное, склоняющееся к тому, чтобы задумываться над их значением и происхождением. В свою очередь, поисками этимологии

¹ См. польск. *częsty* ‘частый’. — *Примеч. пер.*

и объяснения названий могут заниматься и любитель, и профессиональный лингвист. Происхождение названий иногда бывает легким для объяснения (как в случае названий *Grabowo, Górkі*), иногда — требует специальных исследований (как при названиях *Sopot, Wisła, Kaszuby*). Случается, что, несмотря на труд, вложенный в воссоздание этимологии конкретного имени, она остается неясной.

В середине XX в., а в Польше особенно после 1950 г., среди ономастов шла дискуссия о том, имеют ли имена собственные значение или же лишены его. Очевидно, что один тип значения соответствует нарицательному слову *bloto* [болото], другой — названию деревни *Bloto* или *Blota*. Участники дискуссии занимали крайне противоположные позиции [ср.: Proceedings...]. Участвовал в этой дискуссии и Ежи Курилович, тогдашний авторитет в теоретических вопросах языкознания [см.: Kuryłowicz, 1956; 1980]. Его точка зрения получила одобрение в польском научном сообществе. Е. Курилович обратил внимание на то, что онимы не имеют такого значения, как апеллятивы, зато сочетают в себе свойства семантические и дейктические (указание). Объем значения имен собственных очень узок, поскольку они, как правило, относятся к единичным объектам. Содержание же (иначе: значение названия) складывается из свойств человека или объекта, на которые указывает имя собственное. Это содержание зависит от адресата и адресанта коммуникации — может быть очень бедным, если они не знают никаких фактов или свойств данного объекта, или очень богатым, если речь идет о хорошо известном человеке или объекте.

С 1985 г. я придерживаюсь мнения² (как ранее В. Любась (W. Lubaś), М. Куцала (M. Kusała), В. Мёдунка (W. Miodunka), Е. Гродзиньски (E. Grodziński)), что имена собственные скрывают в себе определенные структурные значения, часто также этимологические; они имеют также значения «сущностные», или комплекс черт называемого десигната, хранящийся в подсознании адресанта и/или адресата и потенциально содержащийся в контексте.

Подобной точки зрения придерживается Зофия Калета в разделе «Теория имен собственных», который открывает опубликованный в 1998 г. компендиум по польской ономастике «Польские имена собственные. Энциклопедия» [см.: Kaleta, 1998б]. Автор излагает различные взгляды на проблему существования значения у имен собственных. Отмечается, что у имен собственных могут быть представлены: 1) этимологические значения, связанные с происхождением названия; 2) категориальные значения; 3) эмотивные значения (положительные или отрицательные чувства); 4) метафорические значения (если, например, кто-то носит фамилию *Paluch*³); 5) ассоциативные значения, основанные на ассоциациях, а также оценке; 6) структурные значения, вытекающие из словообразовательной структуры названия.

² Ср.: [Rzetelska-Feleszko, 1988]; здесь также процитированы мнения зарубежных авторов.

³ Ср. польск. *paluch* 'палец'. — Примеч. пер.

В этой книге, в продолжение вышесказанного, я говорю о том, что имена собственные «приходят в мир», содержа в себе одно или несколько из упомянутых выше значений, например этимологическое, эмотивное (эмоциональное), структурное. Имя *Kasia* имеет дополнительное эмоциональное значение (говорит об этом *-ś-*), а его структура (женский род, единственное число) свидетельствует о том, что речь идет о девочке или женщине. Название *Dkbno* имеет этимологическое значение (от слова *dqb* ‘дуб’), категориальное (суффикс *-no* указывает на географическое название) и структурное (единственное число, средний род).

Выполняя функцию идентификации и единичного обозначения людей или объектов, имена собственные приобретают — функционируя в обществе — также иные, новые смыслы. Это происходит под влиянием контекстов и ситуаций, в которых они часто появляются, под влиянием ассоциаций, метафорического использования, повторяющихся интенций и оценок, а также в результате того, что они могут выражать стремления и потребности как отдельных индивидов, так и социальных групп, и даже целых народов. Стало быть, имена собственные могут, в частности, выявлять или символизировать национальные, религиозные, общественные идеи, отражать системы ценностей и притязаний, изменения менталитета, деление на «своих» и «чужих», процессы глобализации и др. Именно этим вопросам и посвящены разделы этой книги.

Такой способ интерпретации имен собственных, «взгляд на них», вытекает из культурологического подхода к языку, связанного с направлением, называемым культурологической лингвистикой (*językoznawstwo kulturowe*).

Именами людей и объектов интересуются, как я упоминала, и обычные люди, и специалисты — языковеды. Ввиду того что имена собственные, зафиксированные в более древние исторические периоды, являются важной частью документов, они вызывают интерес у историков, а учитывая этимологическое значение названий географических объектов — также и у археологов. Географические названия находятся также в центре внимания географов и картографов. Именно по той причине, что ономастика обращает на себя внимание и историков, и географов, и лингвистов, исследования, предметом которых были названия, изначально — в первой половине XX в. — считались областью, располагающейся на границе нескольких дисциплин. Только когда началось интенсивное развитие исследований имен собственных, ономастика была признана разделом лингвистики. Особенно содействовала этому статья Витольда Ташицкого 1963 г., в которой автор пишет о месте ономастики среди гуманитарных наук [см.: *Taszycki, 1963*].

Имена собственные собирались и публиковались в Польше уже с середины XIX в., а позднее их стали описывать и анализировать различными способами. Этнографы видели в них проявления народной культуры. Диалектологи включали их в свои работы и словари в качестве иллюстрации черт того или иного

говора. Этимологи обращались к именам собственным с целью найти более надежное обоснование происхождения слова. Со второй половины XIX в. (Иван Бодуэн де Куртенэ) и первой половины XX в. (Ян Лось (Jan Józef)) историки польского языка используют имена собственные, почерпнутые из средневековых документов с целью изучения процессов, происходивших в старопольском языке между X и XV вв. Именно названия местностей и имена людей, обнаруженные в папской булле 1136 г., а затем и в булле 1245 г., позволили лингвистам установить изменения, которые произошли в истории польского языка между XII и XIII вв. Более поздние документы, особенно тексты судебных присяг с территории Великой Польши, Малой Польши, Мазовии, составленные в XV и XVI вв., которые были опубликованы с рукописей и затем проанализированы, позволили, в свою очередь, описать древнее диалектное членение Польши. Возникла новая лингвистическая дисциплина — историческая диалектология; ее расцвет приходится на последние предвоенные годы, а также на 50–60-е гг. XX в. Историческая диалектология, в большой мере опираясь на имена собственные и их записи в средневековых документах, сформулировала положения о великопольском или малопольском происхождении польского литературного языка — того, которым мы пользуемся сейчас, а также о состоянии и роли силезского и мазовецкого диалектов. В результате ближе всего к истине оказалось объяснение, согласно которому литературный язык соединил в себе элементы великопольского и малопольского диалектов⁴.

Такой подход к именам собственным, в рамках которого занимаются, прежде всего, поиском иллюстраций языковых черт и изменений языка, можно назвать филологическим взглядом на имена собственные. Например, названия деревень, записанные в 1136 г. как *Balouanz*, *Staribiscupici*, или имена *Redanta*, *Domc*, *Crostaucz*, не были важны для исследователя с точки зрения их сущности (т. е. функции, структуры, содержания). Он искал в них ответ на вопрос о «радиусе действия» севернопольского изменения *ra > re* (здесь: **Redzięta*), существовании или отсутствии форм с суффиксом *-ek* (здесь: **Domk*, значит, нет *-ek*) и *-ec* (здесь: *Krostawc*, значит, нет *-ec*), искал указания на хронологию изменения патронимического суффикса *-ici > -ice* (здесь: *Starybiscupicy*), старался уловить процесс и географию мазурения в записи *Zlauos* (**Siawosz*) или *Vsemir* (**Wszemir*). Имена собственные сыграли важную роль в воссоздании тех периодов жизни польского языка, от которых не сохранилось сплошных текстов, но существуют лишь документы, написанные на латинском языке с вкраплениями имен собственных — топонимов и антропонимов.

⁴ Здесь нет места для подробного реферирования дискуссии на эту тему, ср. в связи с этим: [Handke, Rzetelska-Feleszko, 69–90; Encyklopedia...].

Названия деревень и других поселений оказались также важным источником и доказательной базой для исследований по истории заселения территории. Начиная с первой половины XIX в. в разных странах появлялись классификации славянских географических названий. Их создатели опирались либо на этимологические, либо на грамматические критерии⁵. Выделение определенных характерных типов названий связывалось также с этапами раннего славянского расселения.

Польские историки — Тадеуш Войцеховский (Tadeusz Wojciechowski), Франчишек Буйяк (Franciszek Bujał) и др., опираясь на скрытые в названиях значения, выделяли пять категорий названий: 1) географические, указывающие на топографические особенности; 2) патронимические, первоначально обозначающие группу людей, подданных или потомков человека, от имени которого произошло данное название; 3) «притяжательные», первоначально обозначающие собственность человека, от имени которого они были образованы; 4) служебные, обозначающие феодальные повинности жителей; 5) родовые, которые первоначально являлись собирательными названиями семьи или рода, а затем были перенесены на место проживания или деревню (подобно патронимическим названиям).

Эту классификацию модифицировал В. Ташицкий, разделив географические названия на две главные группы: 1) те, которые с самого начала были географическими названиями и 2) те, которые первоначально были обозначениями людей. Он добавил также культурные, «уменьшительные» и этнические группы названий. Семантическая классификация В. Ташицкого вдохновила на многочисленные ономастические исследования, в которых определялось — на основе дат, указанных в документах, — время появления той или иной категории названий и ее исчезновение. Историки, как и лингвисты, связывали время появления и распространения конкретной категории географических названий со временем развития определенного типа поселений. Речь шла главным образом о патронимических, служебных и родовых названиях. Это направление интерпретации обеспечило, несмотря на упрощения и недочеты, прочные достижения. Считается, что патронимические названия указывают на древнейшие центры славянских поселений в Польше, Чехии и Лужице. Служебные названия были тесно связаны с обслуживанием княжеских резиденций особыми служебно-профессиональными группами. Родовые названия сделались типичными для небольших шляхетских поселений в Мазовии и Подляшье, хотя были известны и в других регионах.

Значительная часть ономастов, уделяющих внимание географическим названиям, и сегодня смотрит на них как на свидетельства истории заселения территории, а классификация В. Ташицкого, хотя и в модифицированном

⁵ Далее я упоминаю только польских авторов классификаций.

виде, до сих пор остается актуальной. То, что в Силезии и Малой Польше многие деревни имеют патронимические названия, типа *Myślenice*, *Mikuszowice*, для ономаста не является случайностью. Многие говорят исследователю мазовецкие родовые названия: *Rogacze*, *Żbiki*, *Sębory* и такие двойные наименования, как *Piekuty-Urbany*. Не удивляет и большее число топографических названий на подгорных территориях (например, *Lipnica*, *Kamionka*), и относительно малое число культурных наименований на территориях, заселенных позднее (например, *Izbica*, *Chlewnik*) [ср.: Tazzycki, 1946; перепечатано в: Tazzycki, 1958]⁶.

Исследования по ранним славянским поселениям на польских землях привлекли внимание к гидронимам, которые повсеместно считаются самым древним слоем географических названий. В особенности это касается больших рек: *Wisła*, *Prosna*, *Noteć*, *Pilica*, *Odra*. Очень древние названия имеют и некоторые реки средней протяженности, такие как, например, *Raba*, *Sawa*, *Skawa*, *Sola* на юге Польши или же впадающие в Балтийское море *Ina*, *Tywa*, *Parsęta*, *Łeba* и др. Названия рек стали, прежде всего, предметом этимологических исследований. Оказалось, что многие из них являются дославянскими; сравнивая с неславянскими языками, их в самом общем виде определяют как индоевропейские, поскольку попытки более точного причисления их к какой-либо конкретной языковой группе спорны. Наиболее древние названия рек интересуют относительно узкий круг ученых — лингвистов, археологов, историков. Большинство читателей этой книги увидят в них только названия-знаки, выполняющие идентифицирующую функцию. Названия больших рек также могут становиться символами, подобно тому, как для поляков символом родной страны является *Висла*, для чехов — *Влтава*, для немцев — *Рейн*.

В мировом языкознании — как и в других науках, а также литературе, философии, искусстве — исследовательские школы, направления и течения эволюционируют и подвергаются изменениям. В начале XX в. (независимо от главенствующего в это время сравнительного языкознания и филологического) появилась новая теория, названная структурализмом. В 1880–1891 гг. во Франции ее уже излагал Фердинанд де Соссюр, однако в отдельных европейских странах и центрах она принималась медленно и с модификациями. В Польше адаптация структуралистской теории и методов началась перед 1939 г., достигнув необычайного расцвета в 50-е — 60-е гг. Одним из главных представителей структурализма в Польше был Е. Курилович [ср.: Kuryłowicz, 1987; здесь же: Heinz].

Сущностью структурализма в языкознании является убеждение, что язык — это система взаимно обусловленных элементов, которые отличаются между собой формой, которая подчинена выполняемой функции.

⁶ Упоминаю здесь только несколько характерных примеров, не приводя классификации во всех подробностях, а заинтересованных отсылаю к публикации В. Ташицкого.

Структуралисты создают абстрактную сеть отношений, в которую помещаются реальные языковые факты. Эти отношения присущи разным сферам языка: фонетике и фонологии, семантике и морфологии, а также лексике. Материальная сторона, которая в филологических исследованиях играла основную роль, в структурализме оказывается отодвинута на второй план. Вместо этого на первое место выдвигается абстрактная структура. По мнению многих исследователей, представляющих данное направление, структурный метод — максимально точный, формализованный и объективный [ср.: Heinz, 6, 8].

Структурализм нашел применение прежде всего в синхронических исследованиях, т. е. относящихся к одному хронологическому срезу языка, и следовательно, прежде всего к языку современному. Однако Е. Курилович ввел понятие структуры и в диахронические исследования развития языка и происходящих в нем изменений. Развитие мирового структурализма привело к возникновению различных видов и вариантов этой теории. Подобное произошло в Польше, где отдельные исследователи (и их школы) развивали структурную фонологию, семантику, морфологию, просодию и т. д. Реализуя тезис о реконструкции сети скрытых отношений между элементами языка, они сосредоточивали внимание главным образом на классификации как отношений, так и рассматриваемых элементов.

Одним из результатов приспособления структуралистских теорий к ономастическим исследованиям стала разработанная Станиславом Роспондом классификация славянских топонимов, названная автором *структурно-грамматической* [см.: Rospond, 1957]. Исследователь подверг критике семантическое деление топонимов В. Ташицкого, а также интерпретации, связанные с историей заселения местности. Классификация С. Роспонда опиралась на строгие принципы — на первое место была выдвинута системная организация элементов и формальная (грамматическая) структура имен собственных⁷.

С. Роспонд делит географические названия на: 1) первичные (например, *Most, Góra*); 2) вторичные, или образованные с помощью суффиксов, приставок, а также путем изменения рода или числа названия, ср. *Dębica, Dalechów, Podlas*; 3) составные (сложные) различных типов: сращения, словосложения, двучленные наименования, например *Czartoryja, Nowydwór, Biały Kamień*. Однако все три группы оказались внутренне неоднородными и требовали дальнейшей классификации. В первой группе названия различаются по значениям, а также по типам основ (происходящие от апеллятивов или от антропонимов). В рамках второй группы типы дериватов выделяются с учетом суффиксов и приставок, с помощью которых образуются географические названия. Таким образом, внутреннее членение каждой из групп осуществляется на других основаниях.

Не вдаваясь в подробности этой классификации, следует отметить, что сила

⁷ Именно эту классификацию С. Роспонд применил к антропонимам [ср.: Rospond, 1967].

воздействия структуралистских теорий, а также убедительность и научный авторитет С. Роспонда оказали огромное влияние на польскую ономастическую школу. Внимание исследователей сосредоточилось на анализе отдельных номинативных структур, прежде всего в топонимии, но также и в антропонимии. Были опубликованы монографии, посвященные географическим названиям с формантами *-*bsk*, *-*bn*, -*ov*-//-'*ev*- и -*in*-//-'*yn*-, -*ica*, -*izna*, названиям типа *Podgóra*, *Zalas* и др., включающие не только польский материал, но и данные всего славянского ареала или его — прежде всего западной — части. Изучались также словообразовательные категории антропонимов: с формантами -*ch*-, -*l*-, с конечным -*o* и др.⁸

Внимание к семантическим категориям топонимов и попытки связать их с процессами заселения — на более раннем этапе исследований — уступили место анализу определенной формальной структуры. Произошли и терминологические изменения: вместо определений «префиксы» и «суффиксы» было введено понятие форманта. Образцом нового типа работ была признана монография С. Роспонда, посвященная славянским географическим названиям с формантом *-*bsk*-, например *Mińsk*, *Płońsk*. Роспонд также разработал метод топонимической стратиграфии. Сам термин «стратиграфия» (от лат. *sternere* 'простирать', *stratum* 'подстилка, ложе') был заимствован из исторической геологии, анализ в которой состоит в изучении последовательности земных слоев. Таким образом, при исследовании конкретной структуры имен собственных речь шла о том, чтобы показать следующие друг за другом хронологические пласты, особенно частотность названий в отдельных пластах. Обычно учитывались и типы географических объектов, связанные с определенной структурой названий, в отдельных слоях.

Исследование системы номинативных структур отдельных хронологических ярусов С. Роспонд осуществил в трех томах «Стратиграфии славянских географических названий» (*Stratygrafia słowiańskich nazw miejscowych*), в том числе и при составлении карт. Наиболее интересная часть первого тома — «макротипы патронимических названий на -*ice*» (например, *Budziszewicy*, *Raciawice*), где автор показывает распространение этого типа названий на все больших территориях славянского ареала, особенно западной. Несмотря на ошибки и недочеты, указанные С. Роспонду рецензентами, его синтетический метод принес интересные и убедительные результаты [см.: Rospond, 1974; 1976; 1979].

Стратиграфические исследования и опубликованные по их результатам монографии среди прочего показали, что суффикс (формант) -*no*-, -*na*-, -*ne* в топонимах в основном образует названия от слов с топографическим значением (например, *Dębno*, *Kamienna*), редко — от слов с культурным значением (например, *Mostne*). Таким образом, обнаруживается определенная семантическая специа-

⁸ См.: [Kaleta, 1998a; Handke, Rzetelska-Feleszko, 69–90; Encyklopedia...], а также «Библиографию польской ономастики», публикуемую отдельными томами каждое десятилетие [Bibliografia..., 1960; 1972; 1983; 1992; 2001].

лизация, причем свойственна она наиболее древним формантам. Точно так же топографические или (реже) культурные значения содержатся в географических названиях с формантом *-ica*, например *Kalnica*, *Cerkwica* (от *cerkiew* [церковь]). Поиск системных закономерностей позволил заключить, что в топонимах патронимического типа добавление форманта *-ice* или *-owice//-ewice* первоначально зависело от типа конечного слога (т. е. последнего звука) антропонима, от которого образовано географическое название.

Утверждалось, что существуют антропонимические форманты, т. е. такие, с помощью которых образуются антропонимы, например уменьшительно-ласкательные формы имен: *Kasia*, *Iwonka*, *Zbyszek*, *Stas* и т. п., — и топонимические форманты. Были также попытки доказать существование в прошлом специальных гидронимических формантов, с помощью которых образовывались названия рек: *-ica* и *-awa*. Однако эта мысль не нашла подтверждения.

Описание имен собственных в структурных категориях и использование в ономастике соответствующей терминологии на долгое время возобладало в ономастических исследованиях во многих странах, например в Чехии. В Польше краковский научный центр и связанные с ним исследователи из других городов остались верны методам и классификации школы В. Ташицкого, тогда как вроцлавский и опольский центры внедрили методологию С. Роспонда. Гданьский центр старался соединить оба метода и классификации [ср.: Kaleta, 1998б; Handke, Rzetelska-Feleszko, 69–90; Encyklopedia...; Rzetelska-Feleszko, 2003]. Многие польские исследователи видят в именах собственных прежде всего их структуру, стараются объяснять конкретные названия, помещая их в абстрактную модель: топонимическую систему, антропонимическую и т. п. От «системного» мышления трудно освободиться.

Живучесть и большая частотность определенных форм и категорий, исчезновение одних и возрождение других — это бесспорные факты, известные и филологической, и этимологической школе, но на первый план их выдвинули главным образом структуралисты. Однако изменения такого рода не обязательно должны быть вызваны системными факторами, они также могут быть следствием эволюции, происходящей во внешнем мире — экономике, культуре, демографическом развитии обществ и т. п.

Структурализм в ономастике, как и в других направлениях языкознания, до сих пор занимает прочные позиции, хотя сила его влияния уменьшается. Девиз де Соссюра «настоящим предметом [исследований] является язык, рассматриваемый сам в себе и относительно себя самого» утратил вдохновляющую силу [ср.: Bartmiński, 1991].

Изначально в США и Западной Европе, а затем и в Польше, начали развиваться направления, преодолевающие изолированность языкознания и языка как объекта исследований от контекста, культуры, ситуации и т. д. Возникли

пограничные направления, связывающие языкознание с другими областями, — социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика. В последнее время говорится и об эколлингвистике [ср.: Bartmiński, 2005; Ohnheiser]. Проблематика связей языка и культуры появляется в новейших направлениях итальянской лингвистики, английской, российской, но прежде всего американской, где становится частью культурной антропологии [ср. особенно: Sapir; Wierzbicka; Anusiewicz, 1995 (здесь, кроме того, литература)].

Взгляд на язык с учетом культурных категорий появился в Польше в связи с работами над «Энциклопедией польской культуры XX в.» (Encyklopedia Kultury Polskiej XX wieku), под влиянием социологических исследований Антонины Кłosковской и этнологических — Войцеха Буршты [ср.: Bartmiński, 1993; Kłoskowska; Burszta]. Лингвисты из разных университетских центров участвовали в проекте, которым руководил Ежи Бартминьский и который был частью упомянутой «Энциклопедии культуры». Результаты совместных работ были опубликованы в книге «Современный польский язык» (Współczesny język polski, 1993). Ее изданию предшествовали многочисленные обсуждения, во время которых формировался новый, «культурологический» взгляд на языковые явления. С 1991 г. стала издаваться серия «Язык и культура» (15 выпусков до 2004 г.) [см.: Język a kultura]⁹.

Первый выпуск этой серии содержит две программные статьи: Ежи Бартминьского (Jerzy Bartmiński) и Януша Анусевича (Janusz Anusiewicz). Сущностью направления, которое постепенно находило все больше сторонников и принесло много важных научных достижений, является стремление к познанию культуры через призму языка: «переход от слов к вещам». Насколько структурализм изолировал язык от исторического, этнического, религиозного и различных ситуативных контекстов, настолько лингвокультурология (*lingwistyka kulturowa*, букв. «культурная лингвистика») трактует язык как элемент культуры, тесно связанный с широко понимаемым контекстом. Языковые знаки несут информацию не только о самом языке, но выполняют также экспрессивную, магическую, поэтическую, персуазивную, игровую и другие функции.

Программные положения нового направления состоят в следующем:

1. Язык — это продукт культуры, но и транслятор культурных смыслов, присущих данному обществу и человеку.

2. Выходя за границы собственной дисциплины, лингвокультурология расширяет знания о функциях и многоаспектности языка, его связях с жизнью людей и общества.

3. Лингвокультурология способствует развитию новых областей знаний и интересов, становится междисциплинарным направлением.

⁹ Отдельные выпуски этой серии посвящены различным проблемам и публикуются под редакцией разных ученых.

(...) мы хотим, — пишет Анусевич, — принять за сущность языка содержащиеся в нем культурные достижения определенного общества, являющиеся как источником информации о действительности (...), так и выражением, сводом знаний об обществе (...) [Anusiewicz, 1991, 18].

В языке, таким образом, закодирована система ценностей и опыта данного общества, восприятие пространства, времени, количества и качества, словом, видение мира данной языковой общностью.

Я сознательно не использую в тексте книги, а также в этом разделе, термина «когнитивная лингвистика» (*językoznanstwo kognitywne*), поскольку он понимается и употребляется по-разному. Само слово «когнитивный» не вызывает у людей, говорящих на польском языке, никаких ассоциаций, оно происходит от англ. *cognition* ‘познание, впечатление, сознание’, а последнее от лат. *cognition* ‘познание, представление’. Тем более избегаю терминов «когнитивная ономастика» (*onomastyka kognitywna*) или «когнитивистская» (*kognitywistyczna*). Я считаю, что понятие «лингвокультурология» несомненно более однозначно при определении этого научного направления, как и термин «культурологическая ономастика» (*onomastyka kulturowa*).

Обозначенная Е. Бартоминьским и Я. Анусевичем научная программа охватывала все области и аспекты языка. Со временем особую популярность приобрела тематика языковой картины мира, а также исследование языковых стереотипов и их оценочных коннотаций: от позитивных до «ксенофобных» [ср.: *Język a kultura*, 12], встречающихся в социальной коммуникации. Речь здесь идет прежде всего о стереотипных представлениях, относящихся к целым народам/этносам и отдельным их представителям, например стереотип немца, итальянца, француза, еврея, цыгана и др.

Идеи и программы, распространяемые научными центрами, работавшими над книгой «Современный польский язык» (*Współczesny język polski*) под редакцией Е. Бартоминьского, а также серии «Язык и культура» (*Język a kultura*), были восприняты многими польскими лингвистами, в том числе и ономастами. Культурологические интерпретации антропонимов — в особенности старопольских имен — содержат книги и статьи Марии Малец [Malec] и Зофии Калеты [Kaleta, 1998a]. З. Калета осуществляет также культурологическую интерпретацию польских фамилий. В изданном в 1998 г. компендиуме по польской ономастике «Польские имена собственные. Энциклопедия» [*Polskie nazwy własne...*] приводятся также — при рассмотрении различных типов имен собственных — контексты и культурные коннотации.

Интерес к культурологическим аспектам ономастики находит выражение в концепциях книг, опубликованных в Варшаве, Вроцлаве и Чешине: «Имена собственные и культура», «Прошлое, настоящее и будущее польской ономастики», «Имена собственные в языке, культуре и социальной коммуникации», «Жизнь и здоровье человека в польской традиции и культуре» [*Nazwy własne*

a kultura...; Przeszłość, terażniejszość i przyszłość polskiej onomastyki; Nazwy własne w języku, kulturze...; Życie i zdrowie człowieka w tradycji...]. Культурологическое направление бывает представлено также в статьях, публикуемых в журнале «Onomastica» и сборниках докладов Общепольских ономастических конференций.

Поиск мотивов номинации, или причин, которые привели к возникновению и функционированию названий, направляет взгляд исследователя на исторический образ эпохи, в которую возникло название, на существовавшие в прошлом или современные социальные отношения и целый комплекс самых различных факторов. Таким является и мой взгляд на различные виды имен собственных. Его результатом стал цикл работ, в центре которых оказалась топонимия. Анализ названий в их ситуативном контексте постепенно приводил к темам все более разнообразным и — как кажется — интересным интерпретациям, представленным в том числе и в этой книге.

Эта книга публиковалась с мыслью ввести читателя в мир «различных взглядов», т. е. различных возможных интерпретаций и объяснений имен собственных, и убедить его, что имена собственные тесно связаны с ситуациями, в которых они рождаются и в которых затем функционируют. Присматриваясь к названиям, в одних можно увидеть систему ценностей, принятых в обществе или в меньшей группе, в других — веру в магию слова, в третьих — оппозицию «свой — чужой», а также социальные стремления и предпочтения, выражение мировоззрения (от христианского до коммунистического), изменения цивилизационного характера, формирование новых моделей жизни, использование названий в рекламной и персуазивной функции, а также, возможно, иные факты и явления существовавшей в прошлом или современной культуры.

В этом разделе были показаны различные точки зрения на имена собственные, в том числе — три главные направления, или научные школы, представленные в польских исследованиях XX в.

Первое из них — филологическое направление, которое концентрируется на исторической ономастике, прежде всего с целью выявить фонетические и словообразовательные черты польского языка и его диалектов, а также проследить языковые изменения. Это направление также представляли исследователи диалектной ономастики.

Вторым была структуралистская школа, которая оставила в польской ономастике (как и в европейской) яркий и устойчивый след (об особенностях см. выше).

Третьим направлением является культурологическая ономастика, развивающаяся в рамках лингвокультурологии. Это направление, хотя уже имеет своих представителей, пока только развивается и не исчерпало всех возможностей. И будет — как я думаю — продолжено последующими поколениями исследователей.

В своих работах, посвященных ономастике, я первоначально смотрела на имена собственные с филологической точки зрения, выявляя в них черты древних поморских диалектов и рассматривая место этих диалектов в группе лехитских языков на основе языковых фактов, главным образом фонетических. Затем, вместе с Ежи Думой, мы взялись за изучение словообразовательной структуры гидронимов и топонимов Поморья (прежде всего Западного Поморья), также в географо-стратиграфическом аспекте. Структуралистский подход представлен в моих работах о топонимическом форманте *-ica* и названиях, образованных от предложно-падежных форм (например, *Podgórze, Podlas*).

В 1980-е гг. меня начали интересовать мотивы возникновения географических названий, а в 1990-е гг. — мотивации культурного характера, сопровождающие новейшие названия магазинов и фирм, анализ изменений семантики наименования *Żyd* и множество других проблем¹⁰. Эти научные интересы отражены в тематике отдельных разделов данной книги.

Смотреть на имена собственные можно по-разному. Взгляд исследователя, как и обычного «пользователя» названиями, может концентрироваться на том или ином их аспекте, на той или иной категории. Исследователь будет находить все новые объекты интерпретации под влиянием главенствующих на определенном этапе развития науки парадигм — и ономастика будет осваивать все более широкое проблемное поле.

-
- Anusiewicz J.* Kulturowa teoria języka. Zarys problematyki // *Język a kultura 1 : Podstawowe pojęcia i problemy* / red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński. Wrocław, 1991.
- Anusiewicz J.* Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki. Wrocław, 1995.
- Bartmiński J.* Język w kontekście kultury // *Encyklopedia Kultury Polskiej XX wieku. T. 2 : Współczesny język polski* / red. J. Bartmiński. Wrocław, 1993. S. 13–22.
- Bartmiński J.* Konwersatorium «Język a kultura». Projekt programu «Język a kultura» // *Język a kultura 1 : Podstawowe pojęcia i problemy*. Wrocław, 1991. S. 9–16.
- Bartmiński J.* Koncepcja językowego obrazu świata w programie slawistycznych badań porównawczych // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 40. 2005. S. 259–280.
- Bibliografia onomastyki polskiej : t. 1 : 1925–1958 / oprac. W. Taszycki. Kraków, 1960; t. 2 : 1959–1970 / oprac. W. Taszycki, A. Turasiewicz. Kraków, 1972; t. 3 : 1971–1980 / oprac. K. Rymut. Kraków, 1983; t. 4 : 1981–1990 / oprac. R. Przybytek, K. Rymut. Kraków, 1992; t. 5 : 1991–2000 / oprac. R. Przybytek, K. Rymut. Kraków, 2001.*
- Burszta W.* Język a kultura w myśli etnologicznej. Warszawa, 1986.
- Encyklopedia wiedzy o języku polskim / red. S. Urbańczyk. Wrocław, 1978.*
- Handke K., Rzetelska-Feleszko E.* Przewodnik po językoznawstwie polskim. Wrocław, 1977.

---

¹⁰ Библиография Эвы Жетельской-Фелешко находится на интернет-странице Института славистики Польской академии наук в Варшаве; публикации за 1955–1997 гг. в: [Onomastyka i dialektologia].

- Heinz A. Profesor Jerzy Kuryłowicz jako teoretyk języka // Kuryłowicz J. *Studia językoznawcze : wybór prac opublikowanych w języku polskim*. Warszawa, 1987. S. 5–10.
- Język a kultura. 1 : Podstawowe pojęcia i problemy / red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński. Wrocław, 1991.
- Język a kultura. 12 : Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne / red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński. Wrocław, 1998.
- Kaleta Z. *Nazwisko w kulturze polskiej*. Warszawa, 1998a.
- Kaleta Z. *Teoria nazw własnych // Polskie nazwy własne. Encyklopedia* / red. E. Rzetelska-Feleszko. Wyd. 1. Warszawa ; Kraków, 1998b. S. 15–36.
- Kłoskowska A. *Kultura // Encyklopedia Kultury Polskiej XX wieku : T. 1 : Pojęcia i problem wiedzy o kulturze* / red. A. Kłoskowska. Wrocław, 1991.
- Kuryłowicz J. La position linguistique du nom propre // *Onomastika*. 2. 1956. S. 1–14; перепеч. в англ. версии: The Linguistic Status of Proper Nouns (Names) // *Onomastika*. 25. 1980. S. 5–10.
- Kuryłowicz J. *Studia językoznawcze : wybór prac opublikowanych w języku polskim*. Warszawa, 1987.
- Malec M. *Imię w polskiej antroponimii i kulturze*. Kraków, 2001.
- Nazwy własne a kultura. Polska i inne kraje słowiańskie* / red. Z. Kaleta. Warszawa, 2003.
- Nazwy własne w języku, kulturze i komunikacji społecznej* / red. R. Mrózek. Katowice, 2004.
- Ohnheiser I. *Ekolingvistika i tendencii razvitija sovremennych slavjanskich jazykov // 13th International Congress of Slavists*, 2003. Ljubljana.
- Onomastyka i dialektologia* / red. H. Popowska-Taborska, J. Duma. Warszawa, 1997. S. 15–32.
- Polskie nazwy własne. Encyklopedia* / red. E. Rzetelska-Feleszko. Wyd. 1 : Warszawa ; Kraków, 1998 ; wyd. 2 : Kraków, 2005.
- Proceedings of the Thirteenth International Congress of Onomastic Sciences, Cracow, 1978 : vol. 1–2* / ed. by K. Rymut. Wrocław, 1981.
- Przeszłość, terażniejszość i przyszłość polskiej onomastyki* / red. R. Łobodzińska. Wrocław, 2003.
- Rospond S. *Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich nazw geograficznych*. Wrocław, 1957.
- Rospond S. *Struktura nazwiska polskiego i śląskiego // Rospond S. Słownik nazwisk śląskich : cz. 1*. Wrocław, 1967. S. VII–XXX.
- Rospond S. *Stratygrafia słowiańskich nazw miejscowych : próbny atlas toponomastyczny. T. 1 : Formacje na *-itjo*. Wrocław, 1974 ; t. 2 : Formacje na *-bsk-. Formacja na *-bn-. Wrocław, 1976.
- Rospond S. *Stratygrafia słowiańskich nazw miejscowych na *-jb-* // *Onomastica Slavogermanica*. 12. 1979. S. 7–62 + mapy.
- Rzetelska-Feleszko E. *Znaczenie nazw własnych w procesie komunikacji językowej // V Ogólnopolska Konferencja Onomastyczna. Poznań, 3–5 września 1985 : księga referatów* / red. K. Zierhoffer. Poznań, 1988. S. 109–117.
- Rzetelska-Feleszko E. *Specyfika polskich szkół onomastycznych. Związki (lub ich brak) z onomastyką innych krajów słowiańskich // Przeszłość, terażniejszość i przyszłość polskiej onomastyki*. Wrocław, 2003. S. 27–32.
- Sapir E. *Kultura, język, osobowość : wybrane eseje ; przeł. B. Stanosz, R. Zimand ; wstęp A. Wierzbicka*. Warszawa, 1978.
- Taszycki W. *Słowiańskie nazwy miejscowe. Ustalenie podziału*. Kraków, 1946.
- Taszycki W. *Rozprawy i studia polonistyczne. T. 1 : Onomastyka*. Wrocław, 1958. S. 228–268.
- Taszycki W. *Stosunek onomastyki do innych nauk humanistycznych // Onomastika*. 8. 1963. S. 1–18.
- Udolph J. *Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen*. Heidelberg, 1979.
- Wierzbicka A. *Język, umysł, kultura : wybór prac* / red. J. Bartmiński. Warszawa, 1999.
- Życie i zdrowie człowieka w tradycji i kulturze polskiej* / red. W. Bołoz, E. Wolnicz-Pawłowska. Warszawa, 2004.

Пер. с польск. К. В. Пьянковой

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, СЪЕЗДЫ, СИМПОЗИУМЫ

Ономастика на IV Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»

IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» состоялся в МГУ 20–23 марта 2010 г. Программа форума была весьма обширна: несколько сотен участников, почти два десятка секций. Филологи из России, ближнего и дальнего зарубежья активно участвовали в работе конгресса, выступая с докладами по наиболее значимым проблемам в исследовании русского языка. Девятьсот страниц опубликованных тезисов сообщений являются своеобразным срезом популярности тех или иных направлений, течений, разделов науки о языке.

К сожалению, ономастика как научное направление не была выделена в отдельную секцию или семинар. Мы надеемся, что подобное произойдет на следующем конгрессе, тем более что в рамках четвертого конгресса в различных секциях было прочитано более 30 ономастических докладов.

В секции «История и предыстория русского языка» лишь два доклада были посвящены ономастике. *А. М. Кузнецов* (Даугавпилс) в сообщении «Немецкие имена в договоре смоленского князя Мстислава Давыдовича 1229 г.» использует антропонимы в качестве основного средства для решения текстологической проблемы: является ли текст Договора оригинальным русским или представляет собой перевод. По мнению *А. М. Кузнецова*, составители двух редакций документа воспринимали немецкие имена со слуха, с ошибками, следовательно, русский текст Договора — оригинальный документ, а не перевод немецкого текста. *А. Г. Бессонова* и *М. А. Харламова* (Омск) в докладе «Актуализация концепта “пространство” в сибирской летописи (на материале Есиповской летописи XVII века)» отмечают, что ярче всего присвоение пространства субъектом происходит на уровне топонимов. Местные географические названия помогают летописцу подлинно и исторически достоверно воспроизвести события покорения Сибири. К большому сожалению, число сообщений ученых, занимающихся исторической ономастикой, оказалось невелико.

В секции «Дискурсивные особенности современной русской речи» *Н. А. Шушпанникова* (Казань) в докладе «Речевое воздействие в дискурсе сферы общественного питания: когнитивно-прагматический ракурс» касается проблемы прагматики коммерческих наименований (названия ресторанов, фирменных блюд и др.). Данный пласт лексики часто используется с целью актуализации когнитивной категории традиционности/новизны (торт «Захар по-венски»). Для ресторана, кафе имя может

подчеркивать атмосферу, характер обслуживания, функциональность заведения. Названия блюд в меню концептуальных ресторанов являются текстами с использованием прецедентных феноменов.

В двух докладах секции «Концепты и русское языковое сознание» ономасты обратились к исследованию антропонимов и зоонимов. *С. Н. Рубина* (Волгоград) в сообщении «Социокультурный аспект функционирования антропонимов в русском и китайском национально-культурном пространстве» рассматривает имя в контексте межкультурной коммуникации. Трудности в восприятии антропонимов обусловлены лингвистическими и социокультурными факторами. Русский и китайский этносы обладают различными системами личных имен, например, в китайской системе отсутствуют отчества. Различны мотивы и критерии выбора имени у данных народов. Например, имена, связанные с названиями цветов, в Китае считаются «деревенскими». Этнокультурная специфика проявляется и в использовании антропонимов в качестве фразеологизмов и прецедентных имен.

Е. В. Гусева в докладе «Зоонимы как социально-культурное явление», основанном на данных анкетирования и интернет-опросов, отмечает, что в кличках животных человек стремится к норме, которую диктует его родной язык, но при этом среди носителей языка выявляются социальные, гендерные и возрастные различия. В крупных городах России преобладают клички, образованные от имен людей (*Алиса, Кеша, Джина*), в сельской местности чаще встречаются зоонимы, «образованные от нарицательных слов» (*Чернушка, Белянка, Ночка*). В целом, чем традиционнее кличка, тем больше она ассоциируется у городского жителя с сельским животным. Внутри городской зоонимии также выделяются социокультурные различия, например, женщины более терпимы в восприятии так называемых антропозоонимов, гуманитарии чаще других дают клички со сложной мотивацией. Пожалуй, впервые в русской зоонимике *Е. В. Гусева* проводит параллели между кличками животных и номинацией зооморфных игрушек в детстве, что, несомненно, является весьма перспективным. Интересно было бы также выявить социокультурные различия в бытовании кличек животных разных видов, так как в сознании носителей языка существует соотнесенность некоторых кличек с видом животного (*Ночка, Пушок* и др.).

Секция «Русская лексика как система» оказалась наиболее богатой на ономастические доклады. В некоторых случаях ономастический материал использовался как иллюстративный. *М. Ю. Авдонина* (Москва) в докладе «Семантические изменения заимствований из русского в английском, итальянском и французском языках» рассматривает и изменения в семантике собственных имен. Например, гидроним *Березина* получил во французском языке значение «полный и сокрушительный провал» и может использоваться в политическом или спортивном контекстах. Подобные переосмысления сопровождаются графическими изменениями, слова начинают писаться со строчной буквы.

Ф. В. Степанова (Лесосибирск) в сообщении «Закономерности функционирования личных имен во вторичной номинации» отмечает, что в русских народных говорах существует достаточно многочисленная группа вторичных номинативных единиц, образованных от личных имен. Для нее характерно разнообразие структурных моделей, проникновение номинации в другие сферы (имена людей в качестве средства номинации растений, птиц), разнообразие линий семантической деривации (многозначность

вторичной номинации у некоторых имен, например, *апракса* 'тихий' и 'хвастливый'), включение подобных образований в состав устойчивых сочетаний. Особенно продуктивным и разнообразным был процесс вторичной номинации на базе личных имен народно-христианской традиции.

Для украинских ученых оказалась актуальной проблема языковых взаимодействий, отражающихся в ономастике. *И. Н. Кошман* (Киев) в докладе «Конкуренция лексем в соотносящихся ономастических пространствах (на примере русских газет и журналов Украины)» делает вывод, что заполнение ономастического пространства зависит от политической, экономической, культурной ситуации. В многоязычном обществе существуют так называемые «пары названий» — наличие двух имен для одного и того же объекта. Украинское и русское ономастические пространства в условиях современной украинской действительности смешиваются. Данный процесс затрагивает различные пласты онимов, в том числе названия религиозных праздников. Украинские названия типа *Великдень*, *Водохреще* активно используются в русскоязычной прессе. Автор объясняет подобное явление тем, что украинские собственные имена сохранялись как органичная часть домашнего лексикона и после снятия идеологических запретов актуализируются как всем известные. Однако, на наш взгляд, данное явление возможно связано с языковой политикой различных православных течений, функционирующих на Украине.

М. В. Жарикова (Горловка) в сообщении «Взаимодействие языков в топонимии Донетчины» рассматривает проблему языковых взаимодействий в региональном аспекте на примере ойконимов. Территория Донетчины весьма сложна в этнолингвистическом отношении. Взаимодействие языков проявляется в первую очередь при образовании ойконима от фамилии иностранца (основателя или владельца), например *Сабовка* < *Сабо*. Второй путь пополнения ойконимии иноязычной лексикой — дистактный перенос онимов, прежде всего, переселенцами из Крыма (*Урзуф*, *Ялта*). Основной массив донецкой ойконимии относится к русскому и украинскому языкам, причем есть названия как общие для этих языков, так и уникальные. В современной ситуации для Украины и особенно для Донбасса остро возникла проблема передачи русских ойконимов. Их появление могло быть обусловлено высокой общественной значимостью концепта (*Победа*, *Первомай*), особенностью номинации шахт, диалектизмом или оценочной лексикой в основе. Изменения при передаче подобных ойконимов на украинском языке происходят преимущественно на фонетическом уровне, реже — на лексическом (прямой перевод онима).

А. Ю. Рыженко (Волгоград) в докладе «Семантические модификации ойконимов» на основании материалов региональной прессы выделяет несколько путей подобных изменений. При переносе наименования на жителей населенного пункта происходит сужение значения онима. Расширение значения ойконима наблюдается в случаях номинации территории по ее центру. Особый тип семантических модификаций ойконимов представляет собой коннотация, построенная на широком ряде историко-культурных («Станица *Трехостровская* помнит страшные бои») или эмоциональных (хутор *Благодатный*) ассоциаций.

Д. Ю. Ильин (Волгоград) в докладе «Полевое моделирование топонимической лексики в языке региона» применяет полевой подход к исследованию региональной топонимии. Данный подход позволяет показать факторы, влияющие на состав региональной

проприальной лексики, и динамику изменений в этой сфере. Функционально-семантическое поле топонимии региона обладает сегментной структурой. К первому сегменту (ядерному) относятся онимы, реализующие различные функции, свойственные топонимам, имеющие высокую частотность употребления в газетных текстах, богатый коммуникативно-прагматический потенциал и ассоциативный объем названия, выполняющие пространственно-организующую роль в географической и социально-культурной характеристике региона, насчитывающие длительный период существования и известные широкому кругу носителей языка не только на данной территории, но и за ее пределами. Примерами онимов Волгоградской области, относящихся к этому сегменту, могут служить *Волгоград*, *Волга*, *Мамаев курган*. Метод полевого моделирования позволяет выделить еще два сегмента местных топонимов: ближнюю и дальнюю периферию. Онимы ближней периферии представляют собой противоположность ядерным. Они известны только жителям региона, нечасто употребляются в газетных текстах, обладают невысоким коммуникативно-прагматическим потенциалом и т. д. (село *Солонка*, пруд *Большой Лиман*). К дальней периферии относятся онимы, получающие различное смысловое наполнение в зависимости от апеллятива, который является географическим термином, определяющим их разряд (поселок *Эльтон*, озеро *Эльтон*).

А. Н. Соловьев (Смоленск) в докладе «К вопросу о периодизации русской урбанонимии» рассматривает эволюцию русских внутригородских названий. Под урбанонимами понимаются названия любых внутригородских объектов, использующихся как ориентиры в городском пространстве. На разных стадиях развития общества для городских поселений актуализируются различные типы объектов (храмы и монастыри в средневековом городе, станции метро в мегаполисах). В зависимости от лингвистических и экстралингвистических факторов автор выделяет семь периодов в развитии русской урбанонимии: древнерусский, московский, петровский, екатерининский, урбанистический, советский и постсоветский. Для каждого из периодов характерны, помимо типов объектов, особая структура урбанонима и специфический ряд сфер в языковой картине мира, которые служат источником номинации объекта. *А. Н. Соловьев* отмечает преемственность русской урбанонимии, онимы и тенденции предыдущих периодов остаются актуальными в последующие периоды. Единственным исключением является советский период, но только с точки зрения семантики названий. Структурно советские онимы, в основной массе, остаются традиционными.

А. О. Луговская (Москва) в докладе «Христианские географические названия Московской области» исследует отражение религиозной ментальности в языке сквозь призму агитопонимов. Данный термин понимается как обозначение любого топонима с религиозной семантикой в основе (имена святых, храмов). Автор разделяет русские агитопонимы на две группы. В первую входят онимы, образованные от храмонимов и агиантропонимов (*Никольское*, *Сергиев Посад*). Во вторую группу включаются топонимы, связанные с религией опосредованно. Это религиозные центры, широко известные благодаря святым, основавшим там монастыри, или хранящимся там чудотворным святыням. К сожалению, *А. О. Луговская* не приводит примеров агитопонимов этой группы. Если же агитопонимами считать названия любых населенных пунктов, где имеется определенное число храмов (*Москва*, *Коломна*), то, на наш взгляд, это приведет к неоправданно расширенному пониманию термина. Вместе с тем представляется

интересной мыслью о подобии отношений «лубок — иконопись» и «бытовая» топонимия — христианская картина мира».

Н. Г. Мордвинова (Чебоксары) в докладе «Онимическая лексика в составе ктематонимов» обращается к анализу товарных знаков алкогольных напитков, образованных от онимов. Независимо от типа собственного имени (антропоним, топоним) подобные названия могут выполнять две функции: конкретизирующую и художественно-суггестивную. Ктематонимы с конкретизирующей функцией указывают на производителя или место изготовления напитка (*Смирнофф, Robert Giraud, Абрау-Дюссо, Rioja*). Ктематонимы с художественно-суггестивной функцией эстетизируют товар, но не несут другой информации о нем. Для номинации используются экзотические топонимы или женские имена (*Бомбей, Изабелла, Елена*).

В рамках секции «Русская лексикография: проблемы и достижения» три исследователя коснулись различных аспектов составления ономастических словарей. *М. В. Ахметова* (Москва) выступила с проектом создания словаря русских неофициальных топонимов. В нем будут отражены разговорные, пейоративные топонимы и нестандартные сокращения географических названий (*Уран-Батор — Железногорск, Марпосад — Мариинский Посад*). В каждой словарной статье фиксируются хоронимы и примеры употребления топонима в СМИ и Интернете, указывается социальная сфера употребления онима или его окказиональность. *О. Н. Григорьева* (Москва) в докладе «Географические названия в современном русском словаре (лингвострановедческий аспект)» отмечает, что топонимы обладают множеством культурных ассоциаций. Они становятся нарицательными именами (*ходынка*), входят в состав фразеологизмов (*кричать во всю Ивановскую*), выступают как исходная база метонимии в дипломатическом языке. *Т. А. Сироткина* (Сургут) в докладе «Тезаурусный подход к составлению этнонимического словаря» рассматривает проект «Словаря пермских этнонимов». В него войдет около 100 онимов, охватывающих основные этносы Пермского края, в том числе исторические и диалектные.

В рамках следующих трех секций прозвучало только по одному докладу с ономастическим содержанием. На секции «Русское словообразование и морфемика» *Н. А. Ярошенко* (Донецк) в докладе «Частотные модели образования логинимов на базе антропонимов» обращается к исследованию онимического пространства Интернета и анализирует способы образования логинимов — собственных имен в структуре адреса электронной почты. Материалом для изучения явились логинимы участников II и III Конгрессов. Среди отантропонимических наиболее частыми оказались следующие модели: трансонимизация фамилии, трасонимизация имени (в том числе — в уменьшительной форме) и сочетание имени и фамилии пользователя (иногда применяются усечения). На секции «Фонетика, графика, орфография русского языка» *В. Т. Чумаков* (Москва) в докладе «Графика русского языка не может обойтись без знака ударения в именах собственных» предлагает ввести знак ударения при написании фамилий, топонимов и внутригородских объектов, чтобы избежать неправильного произнесения онимов (*Ива́нов* или *Иванóв*, площадь *Варва́рские ворота*, город *Балаши́ха*). В рамках секции «Переводоведение и проблемы сопоставления русского языка с другими языками» *С. А. Заболотная* (Воронеж) в докладе «Ономастика романа М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита” в переводе на южно- и западнославянские языки» отмечает, что отчества героев романа

как чужеродный элемент ономастической системы транслитерируются, а «говорящие» имена и фамилии (если они являются элементом литературной игры, каламбура) калькируются.

На секции «Традиции и новаторство в языке русской художественной литературы XX–XXI веков» рассматривались среди прочих и вопросы литературной ономастики. *Н. Г. Бабенко* (Калининград) в докладе «Антропонимикон современной прозы: лингвопоэтический аспект» выявляет пути семантизации антропонимов в прозе трех последних десятилетий. Среди них наиболее часто реализуются: смена имени героя в ходе развития повествования, использование прозвищных имен, переход к концептуально значимому криптону (отмечено у В. Сорокина), создание «квазиговорящих» фамилий (*Додостевский*, *Отматфеян* — у В. Нарбиковой), использование одного и того же слова и как апеллятива, и как имени собственного. *Л. М. Бражник* (Горловка) в докладе «Словарь коннотативных онимов в новеллах А. Грина» дает примеры статей заявленного словаря, составленного по методике Е. С. Отина. В нем фиксируются примеры употребления онима в денотативном и коннотативном значениях, указывается тип коннотации (узувальный интерлингвальный, окказиональный интралингвальный, поликоннотемный). *М. Л. Лебедева* (Минск) в докладе «Поэтика имен собственных в рассказах Н. Толстой и Л. Улицкой» использует этимологию имен героев произведений для воссоздания художественного замысла авторов. К сожалению, по всей видимости, данный метод не универсален. Например, героиню автобиографического рассказа Н. Толстой «Быть как все» зовут *Наташей* не потому, что этимология этого имени «родная», а сочетание имени и отчества героя Михаил Натанович вряд ли вызывает ассоциацию «равный Богу — подобный Богу». У некоторых имен, упомянутых в докладе, этимология остается неясной (*Алина*). Вероятно, для подобного анализа нужно учитывать целый ряд факторов, например культурно-ассоциативный фон имени. *Г. Р. Патенко* (Набережные Челны) в докладе «Функция антропонимов в художественном тексте (на материале рассказа В. Шукшина “Шире шаг, маэстро”）」 пытается выявить роль имен собственных в произведении В. Шукшина, писателя, обладающего особым идиостилем. Однако автор доклада все ассоциативные связи имени собственного строит лишь на одном, крайне не критичном, источнике («Энциклопедия русских имен и фамилий» Е. Грушко и Ю. Медведева). В результате тезисы доклада представляют собой скорее фантазию на тему «Тайна имени», чем действительно научное сочинение.

В заключение, остановимся на ономастических докладах, которые были заявлены только в программах семинаров. На семинаре «*В с е л е н н а я р у с с к о й ф р а з е о л о г и*» проблематика изучения собственных имен фигурировала дважды. *Д. А. Мартыанов* (Казань) в докладе «Язык русских пословиц и поговорок первой половины XVIII века: на материале Сборника бывшей Петровской галереи и Сборника А. И. Богданова» при анализе тематических групп лексики выделяет среди прочего и собственные имена. Антропонимы в пословицах присутствуют в народной или производной форме (*Антипа*, *Гаврилко*). Второй значимой группой онимов в паремиях XVIII в. являются топонимы. На этом же семинаре был заявлен единственный ономастический доклад представителя дальнего зарубежья. *Т. Шутковский* (Щецин) в выступлении «Топонимия в пространстве русской идиоматики и паремиологии (лингвокультурологический аспект)» коснулся проблемы лингвокультурологического содержания топонимов,

которое особенно ярко проявляется в поговорках. В них отражается специфика материальной культуры народа, его история. Определенный набор топонимов является универсальным для европейских языков, например онимы, связанные с античной культурой. На семинаре «Русский язык в Интернете» Г. Н. Питкевич (Даугавпилс) в докладе «Неофициальные личные имена на латвийских социальных сайтах» использовал феномен социальных сетей для исследования современного бытования гипокористик. На сайте draugiem.lv при регистрации предлагается указывать «как тебя называют друзья». Наиболее распространены среди пользователей данного сайта латышские форманты (-уцис, -ис, -ча, -ыня¹). Второй по величине пласт составляют русские антропоформанты (-ик/-чик, -а, -очка и др.).

В программу семинара «Активные процессы в русской лексике» был включен доклад С. А. Никитина (Москва) «Динамические процессы в современной русской топонимической системе». В нем предлагается новый теоретический подход к изучению и формированию городской топонимической системы. Ядром данной системы являются топогены — социоурбанистические ориентиры, от имен которых производятся топонимы. Помимо улиц и площадей топогенами могут становиться коммерческие, транспортные объекты, памятники и элементы пейзажа (магазин «Ядран», памятник Пушкину). Развитие системы носит спонтанный характер, она постоянно реформируется и этим противопоставляется системе официальных топонимов. Основными этапами эволюции топогена являются появление, экспансия, редукция и исчезновение. Помимо Москвы концепция топогена получила экспериментальное подтверждение при исследовании мегаполисов Италии и Ирана. Л. А. Стребуль (Днепропетровск) в докладе «Активизация процесса номинации в современном социуме (о переименованиях высших учебных заведений и о некоторых тенденциях в процессе номинотворчества)» исследует эргонимы вузов и отмечает следующие тенденции. Происходит отмена устаревших названий, например отказ от советских орденов в ониме или идеологических посвящений. Структура эргонима становится более сжатой. Для новой номинации характерна актуализация слов «государственный» и «национальный», нетрадиционный порядок структуры (Государственный университет «Львовская политехника»).

Два доклада с ономастической проблематикой были включены в программу семинара «Сравнительное литературоведение: стилистические аспекты». А. Л. Мугумова (Махачкала) в докладе «Дагестан, этнонимика его народов и лексика их языков в русской художественной литературе первой половины XIX века» касается истории появления хоронима *Дагестан* и связанных с ним названий народов в русской литературе заявленного периода. В это время складывается система русскоязычных этнонимов народов Дагестана, особое внимание в докладе уделяется онимам *лезгин* и *кумык*. Л. В. Чернец (Москва) в выступлении «О “говорящих” именах литературных персонажей в контексте компаративистики» отмечает случаи удачного калькирования имен персонажей античной литературы на русский язык (*Батрахохиомахия* — *Крохобор*, *Хлебогрыз*), касается случаев замены антропонимов в переводной драматургии XVIII в. и приводит пример использования англоязычных вариантов «говорящих»

¹ В кириллической графике латышские форманты приводятся в тезисах. — *Примеч. ред.*

фамилий при переводе комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (Молчалин — *Nontalkin*). В целом, данный прием используется для создания комического эффекта.

В заключение отметим, что тезисы всех участников Конгресса опубликованы в одноименном сборнике (Русский язык: исторические судьбы и современность. — М. : МГУ, 2010. — 894 с.). С некоторыми материалами Конгресса можно ознакомиться на сайте филологического факультета МГУ (URL: www.philol.msu.ru/~rlc2010). Следующая встреча исследователей русского языка планируется в 2013 г.

А. Н. Соловьев

Рукопись поступила в редакцию 29.06.2010 г.

VII Международная научная конференция «Проблемы общей и региональной ономастики»

20–22 мая в Республике Адыгея в г. Майкопе прошла VII Международная научная конференция «Проблемы общей и региональной ономастики», посвященная на этот раз 70-летию Адыгейского университета и филологического факультета (отмечается осенью 2010 г.). Организатор конференции — КЦИРОСК (Координационный центр по изучению региональной ономастики Северного Кавказа) при АГУ, регулярно с 1998 г. раз в два года проводящий в мае конференции по проблемам ономастики.

На конференции обсуждались актуальные проблемы ономастической теории, методы анализа, способствующие выявлению и систематизации онимов Северного Кавказа, внедрению результатов исследований в социокультурное и образовательное пространство региона.

Северокавказский ономастикон — универсальный источник лингво- и этнокультурной информации, отражающей взаимодействие разных культур, конфессий и языков. Нравственно-этический и лингвопрагматический потенциал ономастики оказывает огромное влияние на формирование толерантности общества и может быть использован в учебном процессе в образовательных учреждениях разного типа, в просветительской деятельности и делопроизводстве.

На пленарном заседании выступили: *А. В. Суперанская* (Москва) — с докладом о системообразующей роли антропонимов в ономастике, с учетом которой ею подготовлен новый тип словообразовательного словаря, принципы составления которого были подробно изложены; *И. В. Крюкова* (Волгоград), давшая социально-речевой портрет адресата искусственной ономастической номинации; *Л. П. Ефанова* (Ставрополь) — о понятии «русской топонимии» Северного Кавказа; *М. Р. Багомедов* (Махачкала) — о комплексном изучении онимов отдельного населенного пункта как возможности исследования ономастикона Северного Кавказа; *И. И. Эфендиев* (Махачкала) — об общем пласте восточных имен в языках Кавказа. Два доклада были посвящены вопросам метаязыка ономастики. *А. Н. Абрегов* (Майкоп), говоря о необходимости упорядочения ономастической терминологии, предложил с этой целью устранить существующую

полисемию терминов (например, разграничить термины *зооним* — для названия животных и *зоооним* — для кличек животных). *Н. В. Васильева* (Москва) отметила, что термин «литературная ономастика» являет собой некий «терминологический зонтик», под которым собираются исследования, выполненные в разных научных ключах; выход из этой ситуации видится в использовании тезаурусного метода в описании терминов, близких к проблемному полю литературной ономастики.

В дальнейшем выступления участников конференции проходили в рамках секционных заседаний: 1. Антропонимы в этносоциокультурном и коммуникативно-прагматическом аспектах; 2. Топонимы как знаки истории, этнокультуры и взаимодействия разных этносов; 3. Литературная ономастика и «имя-в-тексте»; 4. Ононимическое и отонимическое словообразование и специфика номинаций разных объектов ономастики. С докладами выступили: *Т. М. Степанова* (Майкоп) — о заглавиях публицистических статей Е. Евтушенко как ключевых словах текста; *Р. Ю. Намитокова* (Майкоп) — о механизме создания имен персонажей в романе В. Аксенова «Таинственная страсть»; *Л. А. Авакова*, *В. А. Гончарова* и *О. В. Врублевская* (Волгоград) — о названиях музыкальных исполнителей, музыкальных произведений и альбомов — в прагмалингвистическом аспекте; *З. К. Беданоква*, *Е. А. Белоусова*, *А. Н. Шевченко*, *И. В. Архипова* (Майкоп), *А. А. Гафурова* (Казань) — о рекламном нейминге и функционировании онимов в рекламном тексте; *Е. Л. Смаль*, *Т. В. Слива* (Киев), *В. С. Пукиш* (Анапа) — о новых объектах ономастики и вопросах разграничения ономастических терминов и др. Особый интерес вызвали сообщения молодых исследователей: аспирантов — *Г. Гуцкой* (Сухум), *С. Сапиевой*, *А. Минаковой* (Майкоп), *Ю. Кононовой* (Славянск-на-Кубани) — и студентов, занимающихся данной проблематикой вместе со своими научными руководителями. Здесь следует отметить выступления *Е. Абрамовой* (Славянск-на-Кубани, рук. — Л. И. Сартаева), *М. Панеш*, *Е. Александровой*, *С. Доюновой* (рук. — Р. Ю. Намитокова).

Участники конференции (слева направо): *М. Р. Багомедов* (Махачкала), *М. С. Схакумидова*, *Р. Ю. Намитокова* (Майкоп), *А. В. Суперанская* (Москва), *А. В. Мурадалиева* (Махачкала), *Г. Б. Гуцкая* (Сухум), *И. Н. Исакова* (Москва)

В рамках конференции прошло обсуждение рукописи «Сводного словаря личных имен народов Северного Кавказа» (проект 2002 г., около 20 авторов), а также круглый стол «Топонимы Причерноморья в аспекте лингвокультурологии, экологии и турбизнеса в преддверии Олимпиады Сочи-2014». Вопросы сохранения, изучения, точного и унифицированного написания, научной интерпретации кавказских топонимов были подняты в выступлениях *Л. П. Ефановой*, *А. Н. Абрегова*, *А. А. Аджиновой* и *А. Н. Шевченко*. Отмечено, что в работе круглого стола приняли участие неравнодушные люди, которые сталкиваются с подобными проблемами в своей практической деятельности. Это и известный писатель Гарий Немченко, и начальник Управления по охране и использованию объектов культурного наследия Адыгеи *Рустем Ципинов*, директор Национального музея *Фатима Джигунова*, и представители пресс-службы, участвовавшие в дискуссии. Среди выводов — необходимость создания в республике постоянно действующей Топонимической комиссии, которая бы стала центром исследований по оптимизации топонимического пространства Адыгеи и составила бы справочник единообразного написания и толкования топонимов с учетом их научной этимологии. Самое главное — в преддверии Олимпиады у жителей Северного Кавказа появляется уникальный шанс открыть всем нам и каждому гостю тот мир легенд и сказаний, мир древней культуры, который существует в названиях каждого уголка природы, не искажая исторической правды. Не случайно вот уже который год слоганом наших конференций являются строки поэта Михаила Львова «Названья наши — переклички народов, судеб и времен».

В конференции приняли участие представители научной общественности Адыгеи и Абхазии, учителя школ, представители телевидения, прессы.

Сборник материалов конференции, изданный к ее началу (Проблемы общей и региональной ономастики. — Майкоп, 2010. — 376 с.), содержит 103 статьи 108 авторов.

Следующая конференция состоится в мае 2012 г.

Р. Ю. Намитокова

Рукопись поступила в редакцию 08.06.2010 г.

Краткая информация*

В 2010 г. состоялись или состоятся следующие научные форумы, полностью или частично посвященные вопросам ономастики:

- **Международная конференция «Восприятие места: английская топонимика и региональные различия» (23–27 июня 2010 г., Ноттингем (Великобритания))**, проводившаяся под эгидой Королевского английского топонимического общества (English Place-Name Society) на базе Института ономастики Ноттингемского университета. На конференции были представлены доклады на темы, касающиеся структурных элементов топонимической системы на территории Англии (древнеанглийские топонимы, кельтский субстрат, скандинавский элемент и его датские соответствия). Были затронуты вопросы взаимодействия топонимов и других имен (этнонимов и антропонимов), а также семантики топонимов и географических терминов. Большое внимание было уделено методологическому аспекту топонимических исследований, и в первую очередь, роли археологических данных при интерпретации референции топонимов¹.

- **II Всероссийская научная конференция «Слово и текст в культурном сознании эпохи» (21–23 сентября 2010 г., Вологда)**. Одна из планируемых секций — ономастика. Организаторы: департамент образования Вологодской области, филологический факультет Вологодского государственного педагогического университета. Адрес: 160017, Вологда, пр. Победы, 37, Вологодский государственный педагогический университет, кафедра русского языка; e-mail: kafrus@uni-vologda.ac.ru.

- **Международная научно-практическая конференция «Филология и образовательный процесс: XXI столетие» (30 сентября — 2 октября 2010 г., Одесса)**, посвященная 145-летию Одесского национального университета им. И. И. Мечникова и 50-летию факультета романо-германской филологии. Одна из планируемых секций — «Актуальные проблемы ономастики». Адрес: Одесса, Французский бульвар, 24/26, факультет романо-германской филологии.

- **I Всероссийская научная конференция «Ономастика и общество: язык и культура» (14–15 октября 2010 г., Тамбов)**, которая пройдет в рамках направления «Проблемы региональной ономастики» (рук. — д-р филол. наук, проф. А. С. Щербак) на базе лабораторий «Экология языка и речи» (рук. — д-р филол. наук, проф. В. Г. Руделев) и «Современные говоры в системе языковой культуры» (рук. — д-р филол. наук, проф. С. В. Пискунова) кафедры русского языка Института русской филологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина при поддержке Управления образования и науки Тамбовской области.

Программа конференции включает круглый стол «Ономастика начала XXI века: актуальные проблемы ономастики и перспективы положения имени собственного

* Источники — Интернет-ресурсы: научный портал «Все филологические конференции» (URL: <http://filolconf.narod.ru>), сайты «LingvoMaster» (URL: <http://www.lingvomaster.ru>) и «Ономастика России» (URL: <http://www.onomastika.ru>).

¹ Информация подготовлена В. В. Алпатовым (Московский городской педагогический университет), участвовавшим в этой конференции.

в языке»; мастер-классы для молодых филологов «Достижения современной ономастики, актуальные задачи российской прикладной ономастики»; секционные заседания по следующим направлениям: а) теоретические аспекты ономастики; методология ономастических исследований; б) ономастика в ее истории и предыстории; в) имя собственное в социокультурном пространстве и культурном сознании эпохи; г) имя собственное как национальная, региональная и локальная память территории; д) имя собственное в Интернете; е) ономастика в школе; ж) прикладная ономастика.

Адрес: 392000, Тамбов, ул. Интернациональная, 33, ТГУ им. Г. Р. Державина, Институт русской филологии, кафедра русского языка.

• **Научные чтения памяти члена-корр. НАН Украины Юрия Алексеевича Карпенко (7–9 ноября 2010 г., Одесса).** Организаторы: филологический факультет Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, Украинский комитет славистов НАН Украины. Тематика чтений широкая: общее языкознание, ономастика, славистика. Адрес: Одесса, Французский бульвар, 24/26, ауд. 98 (104).

• **IV Международная научная конференция «Актуальные проблемы русистики: Язык и мир в зеркале словаря» (10–12 ноября 2010 г., Томск)**, посвященная юбилею О. И. Блиновой, академика МАН ВШ, д-ра филол. н., проф. кафедры русского языка Томского государственного университета. Одна из планируемых секций — «Топонимическая и историческая лексикография». Организаторы: кафедра русского языка; кафедра общего, славяно-русского языкознания и классической филологии ТГУ. Адрес: 634050, Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет, кафедра русского языка; e-mail: vsv1304@yandex.ru.

• **Симпозиум «Магрибские имена собственные: человек, жилище, рельеф, вода» («Le nom propre maghrébin de l'homme, de l'habitat, du relief et de l'eau», 21–23 ноября 2010 г., Джанет (Алжир))**. Организаторы: Верховный комиссариат по берберским языкам и культурам (Haut Commissariat à l'amazighité, HCA). Адрес: HCA-19, Avenue Mustapha El Ouali (Ex Debussy), Alger, Algérie; e-mail секретаря оргкомитета: ouerdiayermeche@yahoo.fr (Ouerdia Yermèche, HCA).

Тематика докладов:

1. История магрибской ономастики: идеологический аспект ономастических исследований; различные подходы в магрибской ономастике; античная и современная ономастика.

2. Магрибская ономастика между антропологией и этнографией: состояние исследований и перспективы.

3. Лингвистический анализ магрибских антропонимов и топонимов: методологические проблемы изучения; описание и анализ конкретных имен.

4. Символические представления сквозь призму ономастикона: что означает имя для человека и каково его отношение к своему имени.

5. Имянаречение и социальные институты: степень институционализации процессов имянаречения; состояние дел в области транскрипции и нормализации имен собственных.

Из информационного письма организаторов конференции:

«Можно ли установить соответствия между магрибским ономастикомом и топонимами и антропонимами других языков, в частности языков семито-хамитской и индоевропейской семей?

Анализ последних работ, посвященных Магрибу, показывает, что ономастические исследования остаются здесь очень ограниченными и в значительной степени детерминированными проблематикой идентичности, что накладывает отпечаток на способ анализа данных, отличающийся от методов, развитых применительно к ономастикону других регионов мира, где преимущественное внимание уделяется изучению способов рационального управления местным ономастическим фондом. Другими словами, применительно к Северной Африке проблематика идентичности, пусть и имплицитная, составляет основу мотивации к занятиям ономастикой. По словам Фудили Шеригена (Foudil Cheriguen) эта проблематика “может быть сведена к вопросу: Кто я есть в отношении номинации/деноминации той или иной территории или конкретного места, обозначающего тем или иным именем?”.

Индивидуальное или коллективное именование само по себе является неотъемлемой частью “порядка другого универсального принципа, принципа преемственности. Имянаречение не просто позволяет идентифицировать человека, оно вписывает его в отведенное ему место в собственной генеалогии и, более широко, в двойной сети преемственности и союзов” (А. Tabouret Keller).

В этой связи предполагается исследовать лингвистические, психологические, социолингвистические и антропологические факторы именованья в контексте исторической континуальности/дискретности. Как в обществе, все еще в значительной степени детерминированном устной традицией, функционирует этнолингвистическая матрица с ономастической доминантой, сформированная длительной исторической практикой? Насколько вообще значима эта проблематика и насколько уместно это стремление вопрошать об истории и идентичности, занимаясь изучением того, каким образом использовались и изучались, транскрибировались и транслитерировались местные имена собственные, особенно принимая во внимание многочисленные исторические, культурные и идеологические установки, неявно проявляющие себя в аргументах тех или иных исследователей? Последний обзор работ (F. Benramdane, V. Atoui, 2005) показывает, что в университетском пространстве Магриба постепенно появляются исследования топонимов и антропонимов, в которых терпеливо и методично формируется критический взгляд на то, как писался и описывался местный ономастикон.

Синхронное изучение ономастического корпуса не может пренебрегать и привлечением данных смежных наук, благодаря чему ономастика становится своего рода областью-перекрестком (*domaine-carrefour*), расширяющим наше понимание процессов номинации и деноминации посредством реконструкции индивидуальных и коллективных представлений, которые на протяжении веков более или менее точно фиксировались в системе имен собственных.

Такой регион, как Магриб, в силу своего географического положения и своей сложной истории, представляет особый интерес с точки зрения изучения имен собственных, а также языковых и межъязыковых явлений, порожденных многочисленными контактами между народами и культурами»².

² Использована информация сайтов: <http://www.fabula.org/actualites/article37207.php>; http://www.lemididz.com/index.php?operation=voir_article&date_article=2010-04-01&id_article=culture@art1@2010-04-01; пер. с франц. Д. В. Спиридонова (Уральский университет, Екатеринбург).

РЕЦЕНЗИИ

Вопросы географии. Сб. 132 : Современная топонимика / отв. ред. А. В. Барандеев. — М. : Наука, 2009. — 406 с.

После паузы, длившейся с 1988 г., Московский центр Русского географического общества совместно с Институтом географии РАН и географическим факультетом МГУ им. М. В. Ломоносова возобновил публикацию сборников серии «Вопросы географии». Предыдущий топонимический сборник из этой серии (№ 126 : Географические названия в Москве) был опубликован четверть века назад — в 1985 г. Вряд ли можно сомневаться в том, что появление после столь долгого перерыва рецензируемого топонимического сборника — это заметное событие в отечественной ономастологии, которая, как известно, отнюдь не была избалована качественными изданиями, особенно в «провальные» 1990-е гг.

Этот прекрасно изданный, скрупулезно составленный сборник касается широкого спектра проблем современной топонимики. Разнообразие содержания не случайно: оно вполне мотивировано широтой топонимических интересов Евгения Михайловича Поспелова, памяти которого посвящено издание. Д-р геогр. наук, проф. Е. М. Поспелов в течение примерно сорока лет руководил работой Топонимической комиссии Московского центра Русского географического общества. Будучи по образованию географом, он внес признанный значительный вклад в развитие не только собственно географического, но и сугубо лингвистического аспекта изучения топонимов. В первом разделе сборника изложены основные вехи жизненного пути ученого и в полной мере раскрывается многогранность его научного творчества. Здесь мы находим биографию Е. М. Поспелова, в том числе и ярко написанную автобиографию, а далее — характеристику творческой деятельности ученого с полным списком его трудов. Сам по себе этот внушительный список, включающий более трехсот наименований, из которых несколько десятков книг, показывает размах творческой деятельности ученого. Далее следуют воспоминания друзей и близких о Е. М. Поспелове (*М. Е. Поспелов, Р. А. Агеева, Л. Е. Поспелов, Н. С. Студенов*). В этом же разделе помещена ранее не публиковавшаяся на русском языке обширная статья *Е. М. Поспелова*, написанная в соавторстве с *А. В. Постниковым*, — «История русских морских названий на примере картографирования Корейского (Японского) моря (XVII–XIX вв.)» (пер. с англ. А. В. Постников).

Следующие разделы сборника, прежде всего II, III и IV, композиционно в определенной мере соответствуют научным интересам Е. М. Поспелова в области как теоретической, так и прикладной топонимики, равно как и в сфере популяризации и пропаганды топонимики среди школьников и молодых исследователей. Среди авторов

работ — лингвисты, географы, краеведы, студенты, многие являются членами Русского географического общества.

Раздел II — «Аспекты ономастического исследования» — открывается статьей *Г. В. Агаповой* «Основные черты географических названий рельефа дна Мирового океана». Автор обозревает историю формирования морской топонимии, дает типологию топонимов рельефа морского дна, рассматривает вопросы стандартизации географических названий подводного рельефа и систематизации сведений о них, освещает принципы номинации и порядок присвоения названий, особенности передачи океанических названий с иностранного языка на русский и наоборот. Это довольно специфический класс наименований, немало отличающийся от более привычной топонимии суши.

Далее следует очерк *А. В. Барандеева* «Этноним *берендеи* в русском ономастическом пространстве». В нем читатель найдет много информации об историографии изучения тюркского этнонима: изложены разные версии относительно его этимологического осмысления начиная с *В. Н. Татищева* и историко-этнической квалификации *берендеев*, показано преломление этого этнонима в русской диалектной лексике, топонимии и антропонимии.

Г. П. Бондарук обращается к рассмотрению русских топонимов, образованных от обозначений хмельных напитков (*Бражничково, Винокурка, Пивовариха, Пьяна* и др.). Лексика такого рода была на периферии топонимической номинации и отнюдь не свидетельствует в пользу представления о большом пьянстве в среде русского народа: автор констатирует незначительное количество «питейных» топонимов в материале многих просмотренных справочников, содержащих географические названия.

Работа *И. Г. Добродомова* «Топонимика и источниковедение (*Казань* в хронологическом и этимологическом аспектах)» изобилует богатством привлеченных к исследованию конкретных историко-языковых фактов, почерпнутых из многочисленных источников. Это позволило проследить фиксации вариантов топонима в разные эпохи в разных языках. Исследователь приходит к выводу, что при установлении происхождения топонима *Казань/Казан* нужно исходить не из современных форм (с учетом татар. *казан* 'котел'), а из древнечувашской (булгарской) формы *Хазан. Сама же эта форма, не объяснимая на чувашской языковой почве, сводится к алано-осетинским лексемам со значением 'крюк; кривая, ломаная (линия)' и считается остатком буртасского субстрата. Первоначально она относилась к месту, где Волга и Кама при слиянии образуют большой изгиб.

Т. П. Соколова обращается к топонимии Малого кольца Московской железной дороги. Приведены объяснения около трех десятков топонимов, дополненные историко-краеведческими сведениями об именуемых топообъектах. Сегодня эта топонимия активно функционирует в качестве наименований улиц, проездов, парков и других объектов города Москвы.

А. В. Суперанская в работе «Антропонимия в топонимии» затрагивает проблему отражения личных имен в составе географических названий, а также производных фамилий. По топонимам и фамилиям часто прослеживаются малоизвестные формы имен, которые сами по себе требуют интерпретации. Отдельные приведенные в статье примеры таких личных имен весьма интересны с точки зрения деривации: *Куна* — вариант церковного имени *Киприан*, *Курыатко* — редкий древний вариант таких полных имен,

как *Кир*, *Кирик*, *Кирилл*, *Кирьян*, а *Смертко*, *Смертюк* — преобразование церковного имени *Мертый*. Далеко не всегда, конечно, топонимы соотносимы с антропонимами. Так, автор уверенно пишет о том, что *Шушары*, название поселка под Санкт-Петербургом, восходит к некоему имени *Шушара* и далее к женскому церковному имени *Шушаника* (*Сусанна*) или к мужскому *Сухий/Исухий*. Однако известно, что топоним *Шушары* на самом деле являет собой русифицированную форму ижорского названия бывшей здесь деревни *Суо-Саари* (из ижор. *suo* ‘болото’, *saari* ‘остров’), а фамилия *Шушарин*, очевидно, образована не от личного имени, а от топонима *Шушары*.

Как всегда, интересна и оригинальна работа *А. Л. Шилова*, озаглавленная «*Звенигород*, *Белгород*, *Новгород*, *Вышгород*», но посвященная главным образом этимологической интерпретации топонима *Звенигород*. На основе большого фактического материала исследователь приходит к выводу, что «в древности первый компонент названий с элементом *-город* содержал исключительно прилагательные» (с. 203). Отсюда мысль о том, что сложение *Звенигород* не связано с императивом глагола *звенеть* (в соответствии с традиционной точкой зрения), а идет от словосочетания *Звеный город, означавшего «город на холме округлой формы», «город, укрепления которого образовывали округлую форму» (ср. *звено* — ‘нечто круглое’). Думается, однако, что возможности обоснования топонима *Звенигород* еще не исчерпаны: не прояснена этимология формы *звеный (как, впрочем, и слова *звено*) и сама возможность существования такой формы (есть древнерусское прилагательное *звеньныи*, но оно образовано от *звено* и поэтому вторично); неясно, почему топоним *Звенигород* во всех многочисленных случаях своего использования был переосмыслен по глаголу *звенеть*. Между тем императивы известны в древних сложениях, прежде всего в антропонимических, но они не исключены и в составе топонимической модели с *-город*, ср. *Деригород*, *Стремигород* на Украине, *Згоригород* в Болгарии.

Раздел III — «*Прикладная ономастика*» — содержит статьи, в которых критически оценивается новая редакция Правил русского правописания для орфографии топонимов (*А. В. Барандеев*), исследуется эволюция наименований административно-территориальных единиц Молдавии (*А. А. Герцен*), освещается принятая процедура присвоения официальной формы названиям географических объектов (*М. Н. Морозова*), рассказывается об истории борьбы краеведов за сохранение названия пос. Нахабино в Красногорском районе Московской области (*О. Н. Соколова*). В обширной научно-публицистической статье *М. В. Горбаневского* и *В. О. Максимова* «О некоторых актуальных задачах российской прикладной ономастики (из опыта работы ИИЦ “История Фамилии”») подчеркнута важная роль прикладной ономастики для современного общества. Среди актуальных задач российской прикладной ономастики авторы видят следующие: 1) развитие междисциплинарных ономастических исследований; 2) развитие исследований ономастики в аспекте языковой картины мира; 3) помощь россиянам в обретении «иммунитета» к антинаучным изданиям; 4) диверсификация форм и жанров прикладной ономастики; 5) широкое использование уникальных возможностей интернет-технологий; 6) создание действенных научно-общественных объединений.

В отдельные разделы сборника вынесены статья *А. В. Аконджановой* «Работа школьников над проектом “Городская топонимия Костромы”», в которой описывается опыт топонимической работы со старшеклассниками учителя русского языка и литературы, и статья *Р. А. Агеевой*, освещающая деятельность Уральской ономастической школы.

Московский центр Русского географического общества периодически организует и проводит научные студенческие конференции по топонимике. В сборник помещены несколько работ аспирантов и студентов — участников этих конференций. Тематика статей разнообразна: о календарных датах в английских топонимах (*В. В. Аллатов*), о микротопонимии некоторых сельских поселений Судогодского района Владимирской области (*Е. А. Лукьянова*), о стратиграфических пластах топонимии Чайного пути на территории Бурятии (*Т. С. Доржиева*), о функционировании суффикса *-ск-* в русской топонимии (*М. А. Цеханович*).

Последним разделом дан список отечественной литературы (статьи, монографии, авторефераты, словари, справочники и др.) по ономастике за 1993–2008 гг. Без сомнения, список изданий последних десятилетий преимущественно на русском языке будет полезен исследователям. Вместе с тем данный перечень, к сожалению, не в полной мере отражает все то, что вышло из-под пера исследователей ономастики за 16 лет. Фрагментарно, например, представлены авторефераты диссертаций, труды некоторых современных ономастологов перечислены с серьезными лакунами.

Сборник «Современная топонимика» безусловно обращен к широкой читающей и мыслящей аудитории и имеет большое значение для популяризации ономастики вообще. В нем найдут для себя много полезного и специалисты, посвятившие себя изучению ономастики в разных областях знания (лингвисты, географы, историки), и все те, для кого не безразличен мир географических названий.

В. Л. Васильев

Рукопись поступила в редакцию 10.06.2010 г.

Пахомова С. М. Історія російської антропонімії : посібник для спецкурсу / С. М. Пахомова. — Ужгород : Ужгородський національний університет, 2006. — 64 с.

Новая книга С. Н. Пахомовой «История русской антропонимии : пособие для спецкурса» является закономерным результатом многолетнего труда автора в области славистики. Предыдущие монографии исследовательницы — «Эволюция антропонимных формул в славянских языках» (Еволюція антропонімних формул у слов'янських мовах. — Ужгород, 1999) и «Экстралингвальные факторы в контексте развития славянских антропосистем» (Екстралінгвальні фактори у контексті розвитку слов'янських антропосистем. — Ужгород, 2003) — оказали заметное влияние на развитие современной славянской антропонимики.

Рецензируемая книга состоит из двух разделов. В первом — «Восточнославянская антропонимическая система X–XIII вв.» (Східнослов'янська антропонімічна система X–XIII ст.) — рассмотрен ряд ключевых проблем, касающихся исторического развития антропонимии восточнославянских народов: а) однолексемные онимы как ядро древнерусской антропонимосистемы; б) распространение христианства как фактор трансформации антропонимосистемы; в) формирование антропонимных формул.

С. Н. Пахомова аргументированно отстаивает мысль о том, что основным способом идентификации лица у восточных славян в X–XIII вв. был однолексемный. На базе статистических подсчетов автор внимательно анализирует период антропонимного дуализма, т. е. время, когда в устной и письменной речи сосуществовали славянские и христианские имена. Распространение христианства обусловило качественную перестройку антропонимической системы восточных славян. Это проявилось как в смене репертуара имен, так и в расслоении именника и противопоставлении христианских имен традиционным бытовым личным именам. С. Н. Пахомова права, утверждая, что христианизация восточнославянского антропонимикона ощутило его обеднила, поскольку внимание церкви было сосредоточено не столько на строгом соблюдении церковного календаря, сколько на запрете языческих имен. Автор обосновывает вывод о том, что «резкое сокращение употребления дохристианских имен совпадает по времени с резким скачком удельного веса многокомпонентных названий. Этот скачок произошел в XIV в. Таким образом, можно утверждать, что одной из причин расширения употребления многолексемных названий было обеднение восточнославянского именника» (с. 11).

В подразделе 1.3 «Формирование антропонимных формул» (Формування антропонімних формул) автор делает ряд выводов, имеющих важное значение для объяснения предпосылок возникновения российской антропонимической системы. С. Н. Пахомова справедливо утверждает, что выход из употребления патронимов с суффиксом *-jь был обусловлен не функциональными ограничениями данной модели, а массовым выходом из употребления производящих основ в форме исконно славянских имен; на смену суффиксу *-jь приходят притяжательные суффиксы -ов/-ев с патронимическим значением.

В пункте 1.3.6 антропонимформула «имя + оттопонимное определение» справедливо относится к социально ограниченным, употребляющимся только в княжеской среде. Вместе с тем С. Н. Пахомова допускает определенную неточность, распространяя дальнейшую судьбу этой формулы на всех восточных славян: «Казалось бы, этот тип именований мог послужить в будущем важным ресурсом для образования фамилий. Но этого не случилось, в отличие, например, от польской и македонской антропонимии. Это можно объяснить большей социальной ограниченностью такого типа именований у в о с т о ч н ы х (выделено нами. — *Р. О.*) славян. Круг производящих основ для оттопонимных определений на -ск- ограничивался лишь географическим перечнем княжеских уделов, в то время как, скажем, у поляков базой для образования подобных прилагательных могли служить и название местности, и название поместья, даже патронимическое именование»¹ (с. 22). В качестве возражения заметим, что и название местности, и название поместья, и патронимическое именование активно использовались для образования оттопонимических определений на -ск- у украинцев в XVI–XVIII вв. Это отражено и в Описях украинских замков 1545 г. [ЛМ], и в Реестре Войска Запорожского 1649 г. [Реестр], и в других памятниках письменности, изданных на Украине в последние годы. В XVI–XVII вв. украинские прозвищные названия на -ск-/-ськ- приходили на смену описательным именованиям типа *Ми(н) з Блотниці*, т. е. обозначали человека по месту предыдущего проживания. Как замечает В. А. Горпинич, «в конце

¹ Здесь и далее перевод цитат наш. — *Р. О.*

XVI и начале XVII в. этот способ номинации (с помощью относительных прилагательных на *-ский*. — *Р. О.*) по месту проживания, рождения и по происхождению был очень активным» [Горпинич, 183–184]. Это подтверждают и фамилии выходцев из восточных и центральных украинских земель Среднего Поднепровья — переселенцев на воронежские земли: *Білоцерківський, Броварський, Васильківський, Гадацький, Хорольський, Черкаський* и др. [Солонська, 240]. Таким образом, украинские прозвищные именованья и фамилии на *-ський* еще требуют отдельного изучения.

В пункте 1.3.7 имеются интересные наблюдения о трехлексемных антропонимоформулах. Автор справедливо утверждает, что их употребление в древнерусском языке зависело от ряда факторов, главными из которых были имущественное и общественное положение человека, а также цель сообщения, в котором использовалось именованье. В целом же, по наблюдениям исследовательницы, «репертуар трехсловных именованний вырабатывается различным комбинированием в словосочетании имени, патронима, пропатронима, прозвища, оттопонимного определения, дериватами от имен различных родственников, каждый из которых может иметь разное грамматическое проявление» (с. 24).

С. Н. Пахомова завершает первый раздел весомыми и точно сформулированными выводами. Мы полностью согласны с автором в том, что восточнославянская антропонимия X–XIII вв. — это симбиоз отживающей традиционной однолексемной антропонимической системы и новых направлений в способах и средствах идентификации лица.

Во втором разделе — «Развитие антропосистемы в старорусском языке» (Развиток антропосистеми у староросійській мові) — рассмотрен комплекс проблем, связанных со становлением российской антропонимии: личные собственные имена в памятниках письменности и речевой практике; соотношение между одно- и многолексемными именованьями; антропонимная формула и социальный статус называемого лица; переход к трехлексемным именованьям; типичные трехлексемные антропонимоформулы; формирование фамилий; изменения в синтаксической структуре антропонимного сочетания.

Как и у белорусов и украинцев, у русских сохранилась и продолжилась праславянская традиция деривационного суффиксального размежевания одинаковых имен. Однако такое преодоление тезоименности у русских оказалось недостаточным. На протяжении XIV–XVIII вв. ядро антропонимикона текстов делового содержания составляют не однолексемные антропонимы, как это было ранее, а антропонимоформулы. В деловых текстах этого времени численно преобладают социально нейтральные двухлексемные наименования; расширяется социальный диапазон и трехлексемных формул, в результате чего они утрачивают социальную ограниченность и также становятся (относительно определения общественного статуса их носителя) социально нейтральными.

Конечно, социальное расслоение получало отражение в русской антропонимии XIV–XVIII вв., однако социальный признак проявлялся не в количественном составе антропонимоформулы и не в наличии в ней определенной антропонимической категории, а в грамматической форме выражения некоторых компонентов (например, социальную коннотацию имели патронимы на *-ич, -ович/-евич*). Идентификация крестьян и ремесленников трехлексемными (и даже четырехлексемными) антропонимоформулами становится в XIV–XVIII вв. обыденным явлением, т. е. в старорусский период количество компонентов уже не было тем критерием, по которому можно было судить

об общественном положении субъекта именованья. По мнению С. Н. Пахомовой, именно социальная нейтральность трехлексемных именованья была одной из наиболее важных предпосылок того, что в русском языке в дальнейшем утвердилась именно трехлексемная официальная антропонимическая формула.

Логика развития антропонимической системы русского языка состоит в переходе от двухлексемных именованья к трехлексемным. Именно в рамках антропонимических формул выкристаллизовались фамилии. Внеязыковым фактором их развития было усложнение государственной структуры: рост феодального землевладения, миграции населения, сосредоточение его в городах, торговля, суд, армия, оплата и учет налогов и т. п. — все это требовало четкой идентификации личности в обществе. Потребность в языковом знаке, подтверждающем наследственные права, возникала одновременно в разных слоях общества, поэтому фамилии формировались в разных социальных группах в разное время: у князей и бояр — в XIV–XVI вв., у дворян и купцов — с XVI в., среди основной части населения (жителей городов, зажиточных крестьян) — в XVII–XVIII вв., у священнослужителей — в XVIII–XIX вв., в среде наиболее бедного крестьянства — только в XIX в.

Третий компонент в составе трехлексемной антропонимической формулы начинает согласовываться с личным именем лишь в 4–5-м поколениях. По мнению С. Н. Пахомовой, переход генитивной несогласованной формы в согласованную позволяет утверждать, что третий компонент отвечает уже не на вопрос *чей? кого?*, а на вопрос *кто?* и тем самым трансформируется из родового названия в фамилию. Русское антропонимическое сочетание XV–XVI вв. еще не было устойчивой синтаксической конструкцией, о чем свидетельствует возможность разрыва ее оболочки предлогами. В письменных источниках конца XVII — нач. XVIII в. примеры расчлененного функционирования компонентов антропонимического сочетания уже не фиксируются и в косвенных падежах предлог ставится лишь один раз — перед всем сочетанием. Таким образом, приобретение русскими антропонимическими формулами качества синтаксически устойчивого сочетания произошло в XVII в.

По второму разделу С. Н. Пахомова делает глубокие и точные выводы, суть которых сводится к следующему.

1. В XIV–XVIII вв. основная масса славянских имен переходит в разряд прозвищ. Репертуар христианских имен довольно беден, и ситуация, когда множество людей носит одинаковые имена, требует разрешения. Поэтому после XIII в. для идентификации личности используются многолексемные антропонимы; наиболее употребительной в XIV–XVI вв. является формула «личное собственное имя + патроним». Необходимость использовать в официальном стиле календарные имена приводит к тому, что указанная формула заполняется ограниченным числом онимов, и это делает ее идентификационно недостаточной. Поэтому со 2-й половины XVII в. в старорусских текстах начинают преобладать трехлексемные антропонимические формулы, третий компонент которых является славянским по происхождению.

2. Развитию двухлексемной антропонимической формулы у русских стали помехой две тенденции. Первая — исключительно высокий уровень христианизации официального имени, его сокращение и массовая тезоименность, что в масштабах обширного по территории государства делало невозможным точное определение лица в рамках двухлексемной формулы. Вторая — эксплицитный характер патронимичности и большое

разнообразии средств ее выражения, что впоследствии послужило причиной развития социальных коннотаций некоторых моделей патронимов. В результате этого патронимы на *-ич* некоторое время испытывали социально-сословные ограничения при использовании в рамках делового стиля. Это происходило в период формирования русских фамилий, а следовательно, делало невозможным закрепление патронимов на *-ич* в роли фамилий.

В подтверждение правильности мысли автора приведем такой общеизвестный факт: фамильные именованья казаков — послов Богдана Хмельницкого — на *-ович/-евич* писари Московского государства XVII в. переименовывали на *-овь* или образовывали описательные именованья с компонентом *сын*. Как отмечает В. К. Чичагов, в списке из грамоты Богдана Хмельницкого 1652 г. упоминается об отправке в Москву «посла ... Самуила Богдановича». В московских же документах посол постоянно именуется *Самойло Богданов*. Купец из г. Нежина *Корний Ананевич* в соответствии с действующей тогда нормой именуется *Корнюшка, Ананьин сын* [Чичагов, 47–54].

Пособие С. Н. Пахомовой имеет большое значение для украинских и русских ономастов, прежде всего потому, что поколению молодых исследователей передаются те знания, которые были добыты усилиями российских ученых старшего поколения — А. Селищева, В. Чичагова, В. Никонова, А. Суперанской, С. Зинина, Н. Подольской, В. Бондалетова, А. Мирославской, Л. Щетинина и др.

Кроме того, книга ценна тем, что намечает новые перспективы ономастических исследований. В частности, на Украине в конце XX — нач. XXI в. издано немало документов 2-й половины XVII — XVIII в. Часть из них, например «Присяжные книги...» [ПК], «Ревизийная перепись населения...» [РПН], составляли русские писари и иные служивые лица, имевшие на Украине отношение к местному делопроизводству. Они, как отмечает М. Л. Худаш, «встречаясь хотя и с похожими на русские, но все же необычными для себя формами украинских личных названий, часто допускали различные неточности, ошибки и искажения этих названий по русскому образцу» [Худаш, 44]. Это, с одной стороны, означает, что младшему поколению украинских ономастов необходимо разграничить то, что связано с влиянием русских традиций именования, и то, что обусловлено украинской языковой основой. С другой стороны, изданные документы проливают дополнительный свет и на становление русской антропонимической системы. Они, в частности, ярко свидетельствуют о том, насколько русская официальная система именования того времени была далека от собственного народного антропонимикона. Даже при записи личных имен украинских крестьян русские писари конца XVIII в. строго придерживались официальных российских стандартов, пренебрегая народными украинскими вариантами имен. А ведь еще в середине XVII в. (например в «Присяжных книгах...» [ПК] и «Харьковской переписи...» [ХП]) русская официальная антропонимическая система была более открыта, более толерантна к народному имену — как к своему, так и чужому. Видимо, на протяжении этих полутора столетий (до конца XVIII в.) между официальными и народными вариантами имен была проведена четкая граница, которую старались не переступать.

Таким образом, выход в свет книги С. Н. Пахомовой «История русской антропонимии» является отрядным событием — заметным, актуальным и необходимым в ономастике. Особо следует отметить, что эта работа отличается глубокой научностью, проявляющейся и в прекрасном знании автором исследуемого материала, и в точности

терминологии, и в продуманности статистических подсчетов, и в логике анализа. При этом книге свойственна обоснованная дискуссионность: автор аргументированно и корректно излагает свою точку зрения, при необходимости обозначая суть ее расхождений с мнениями авторитетных исследователей славянской исторической антропонимии. Эта дискуссионность поможет читателям (прежде всего — студентам) увидеть проблемы антропонимики с разных сторон, поможет им научиться самостоятельно обдумывать и анализировать прочитанное. Нельзя не отметить и то, что книга С. Н. Пахомовой, написанная как пособие для спецкурса, полностью соответствует своей задаче. Она не содержит ничего лишнего. И структура работы, и способ изложения материала, и подборка источников и литературы — все подчинено стремлению автора передать молодым исследователям знания по исторической антропонимике.

-
- Горпинич В. О.* Слов'янська ад'ектонімія і катойконімія. Дніпропетровськ, 2003.
ЛМ — Литовська метрика. Кн. 561 : Ревізія українських замків 1545 року. Київ, 2005.
ПК — Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки. Київ, 2003.
Реєстр — Реєстр Війська Запорозького 1649 року : транслітерація тексту. Київ, 1995.
РПН — *Легун Ю., Петренко О.* Ревізійний перепис населення 1795 р. : Брацлавська губернія. Вінниця, 2003.
Солонська Г. Т. До вивчення українських говірок Воронежчини та їх зв'язку з іншими діалектами української мови // *О. О. Потебня і деякі питання сучасної славістики.* Харків, 1962. С. 238–250.
ХП — Харківський перепис р. 1660 : (Перепис Слобожанщини Ф. Т. Пестриковой, С. С. Ушакова) // *Записки історико-філологічного відділу ВУАН.* Кн. XXI. Київ, 1928. С. 129–173.
Худащ М. Л. З історії української антропонімії. Київ, 1977.
Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий : вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. М., 1959.

Р. И. Остап

Рукопись поступила в редакцию 21.12.2010 г.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Библиография работ Г. М. Керта по ономастике*

1. Некоторые саамские топонимические названия на территории Карельской АССР / Г. М. Керт // *Вопр. языкознания*. — 1960. — № 2. — С. 82–92.
2. Загадки карельской топонимики : рассказ о географических названиях Карелии / Г. Керт, Н. Мамонтова. — Петрозаводск : Карелия, 1976. — 104 с. Рец. : 1. *Дрыгин Ю.* Изучается «язык земли» // *Комсомолец*. — 1977. — 15 февраля ; 2. *Симм Ю.* // *Сов. финно-угроведение*. — 1980. — Т. 16, № 1. — С. 67–68.
3. Характер топонимии юго-западного ареала Кольского полуострова / Г. М. Керт // *Etudes Finno-Ougriennes*. — Budapest ; Paris, 1977. — Т. 14. — P. 141–145. — Res. fr.
4. Роль антропонимов в формировании топонимии Кольского полуострова / Г. М. Керт // *Nomina appellative et nomina propria*. — Cracow, 1978. — S. 117. — Рез. реф. XIII Международ. конгр. по ономастике.
5. Substrats-Toponymik des Terschen Küstenstreifens auf der Kola-Halbinsel / Г. М. Керт // *Ural-Altäische Jahrbücher*. — 1978. — S. 68–80.
6. [Ред.] К истории малых народностей Европейского Севера СССР : докл. и сообщ. регион. совещ. по проблемам истории, этнографии языков и фольклора народов Европ. Севера СССР, г. Апатиты, 13–15 июня 1977 г. / отв. ред. Г. М. Керт ; Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории, Сев. фил. Геогр. о-ва. — Петрозаводск, 1979. — 152 с.
7. Субстратная топонимика Терского берега Кольского полуострова / Г. М. Керт // *Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 6 : Вопр. лексикологии и лексикографии*. — Л. : Наука, 1981. — С. 64–68.
8. Загадки карельской топонимики : рассказ о географических названиях Карелии / Г. М. Керт, Н. Н. Мамонтова. — 2-е изд., испр. и доп. — Петрозаводск : Карелия, 1982. — 112 с.
9. Проблемы топонимии Кольского полуострова / Г. М. Керт // *Ономастика Европейского Севера СССР*. — Мурманск, 1982. — С. 4–9.
10. [Ред.] Н. Н. Мамонтова. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район) / Н. Н. Мамонтова ; отв. ред. Г. М. Керт ; Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск : Карелия, 1982. — 214 с.

---

* Составитель — А. Н. Иевлева (Научная библиотека Карельского научного центра РАН, Петрозаводск).

11. [Ред.] Ономастика Европейского Севера СССР : [сб. ст.] / науч. ред. Г. М. Керт, Н. Н. Мамонтова ; Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории, Сев. фил. Геогр. о-ва. — Мурманск : Кн. изд-во, 1982. — 88 с.
12. Pikariirtoja toponymimatkalta Terin rannikolle / Г. М. Керт // Punalippu. — 1987. — № 2. — S. 124–125.
13. Возможности применения ЭВМ при исследовании топонимии Севера Европейской части СССР : препр. докл. на заседании Учен. сов. ИЯЛИ КНЦ РАН / Г. М. Керт, В. А. Лебедев. — Петрозаводск, 1988. — 18 с. — (Науч. докл. / Карел. фил. АН СССР. ИЯЛИ, Отд. мат. методов автоматизации науч. исслед. и проектирования).
14. Об исследовании топонимии Севера Европейской части СССР / Г. М. Керт, В. А. Лебедев // Сов. финно-угроведение. — 1988. — Т. 24, № 3. — С. 203–206.
15. [Ред.] Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти / И. И. Муллонен ; отв. ред. Г. М. Керт ; Карел. фил. АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск : Карелия, 1988. — 161 с.
16. Проблемы саамской топонимии / Г. М. Керт // Вопр. финно-угорской ономастики : сб. ст. — Ижевск, 1989. — С. 82–93.
17. Топонимия в правовом государстве // Исторические названия — памятники культуры : тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф. — М., 1989. — С. 42–43.
18. Топонимия как подсистема языка и как субстрат / Г. М. Керт // XVII International Congress of Onomastic Sciences : abstr. — Hki, 1990. — P. 179.
19. Toponomastik als Teilsystem der Sprache und als Substrat / Г. М. Керт // Proceeding of the XVII th Intern. Congress of Onomastic Sciences. — Hki, 1990. — Vol. 1. — S. 492–498.
20. Географическая лексика в саамской топонимии / Г. М. Керт // Историческая география ландшафтов : теорет. проблемы и регион. исслед. : тез. докл. I Всесоюз. науч.-практ. конф. — Петрозаводск, 1991. — С. 153–154.
21. Проблемы создания банка саамских топонимов / Г. М. Керт, О. И. Кузьмина // Исторические названия — памятники культуры : тез. докл. Второй Всесоюзн. науч.-практ. конф., 3–5 июня 1991 г. — М., 1991. — Вып. 2. — С. 83.
22. Сохранить память земли / Г. М. Керт // Вопр. топонимики Подвинья и Поморья : сб. ст. — Архангельск, 1991. — С. 5–11.
23. Структурные типы саамской топонимии / Г. М. Керт // Прибалтийско-финское языкознание. — Петрозаводск, 1991. — С. 64–68.
24. [Ред.] Мамонтова Н., Муллонен И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии / Н. Мамонтова, И. Муллонен ; отв. ред. Г. М. Керт ; КНЦ РАН Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск, 1991. — 161 с.
25. Заметки по топонимии I. Вуоккиниemi или Вокнаволоок? / Г. М. Керт // Родные сердцу имена : ономастика Карелии. — Петрозаводск, 1993. — С. 81–89.
26. О создании базы данных топонимов российской деревни / Г. М. Керт // Деревня центральной России : история и современность : тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. — М., 1993. — С. 45–46.
27. Ortsnamenforschung mit Hilfe der EDV / Г. М. Керт // 18. Internationalen Kongress für Namenforschung, Universität Trier, 12–17. april 1993. — Trier, 1993. — S. 73.
28. [Ред.] Родные сердцу имена : Ономастика Карелии / отв. ред. Г. М. Керт ; КНЦ РАН. Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск, 1993. — 120 с.
29. О целевой программе «Фонда российской ономастики» / Г. М. Керт, А. А. Лапин // Материалы для изучения сельских поселений : докл. и сообщ. третьей науч.-

практ. конф. «Центральночерноземная деревня: история и современность». — Воронеж, 1994. — Ч. 1 : Язык и культура. — С. 104–106.

30. Адаптация саамской топонимии Кольского полуострова русским языком / Г. М. Керт // Ономастика Карелии : проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. — Петрозаводск, 1995. — С. 38–43. — Библиогр.: с. 43.

31. Проблемы изучения финно-угорской топонимии / Г. М. Керт // Узловые проблемы современного финно-угроведения : материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. — Йошкар-Ола, 1995. — С. 334–338.

32. Топонимия как объект исследования / Г. М. Керт // XXIV зон. конф. литературовед. кафедр ун-тов и пед. ин-тов Поволжья. I конф. филологов Поволжского региона. Ч. 1 : Лингвистика. — Тверь, 1995. — С. 18–19.

33. Топонимное видение народа (на материале саамской топонимии) / Г. М. Керт // Этническое и языковое самосознание : материалы конф. — М., 1995. — С. 70–71.

34. Quantitative Untersuchung lappischen Ortsnamegutes / Г. М. Керт // *Congressus Ostavicus Intern. Fenno-Ugristarum*. — Jyväskylä, 1995. — Pars II. — S. 57.

35. К проблеме выявления саамского субстрата (субсубстрата) в топонимии Севера Европейской части России / Г. М. Керт // Русская диалектная этимология : тез. докл. Второго науч. совещ. — Екатеринбург, 1996. — С. 22–23.

36. Проблема выявления субстрата в проекте «Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России» / Г. М. Керт // Традиционная культура финно-угров и соседних народов : проблемы комплекс. изуч. : тез. докл. международ. симпоз. — Петрозаводск, 1997. — С. 53–56.

37. Проблемы изучения финно-угорской топонимии / Г. М. Керт // Финно-угроведение. — Йошкар-Ола, 1997. — № 3/4. — С. 3–27.

38. Саамские элементы в топонимии Карелии / Г. М. Керт // Международ. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера: «Рябининские чтения 95» : сб. докл. — Петрозаводск, 1997. — С. 195–200.

39. Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России : TORIS : препр. докл. на заседании Президиума Карел. науч. центра РАН / Г. М. Керт, В. Т. Вдовицын, А. Л. Веретин. — Петрозаводск, 1998. — 36 с.

40. Toponymic Research System of Northwest Russia : the TORIS System / G. M. Kert, V. T. Vdovitsyn, A. L. Veretin // *Karelia and Norway : the main Trends and Prospects of Scientific Cooperation*. — Petrozavodsk, 1998. — P. 104–108.

41. Информационная технология для поддержки совместной работы исследований в сети Интернет — перспективы развития TORIS / Г. М. Керт, В. Т. Вдовицын, А. А. Сорокин, С. М. Русаков // Информац. технологии в гуманитарных науках : сб. докл. телеконф. — Казань, 1999. — С. 81–85.

42. Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России : TORIS / Г. Керт, В. Вдовицын, А. Веретин, Н. Луговая // Там же. — С. 79–81.

43. К созданию Web-сайта по топонимии Европейского Севера России / Г. М. Керт, В. Т. Вдовицын, Н. Б. Луговая // Материалы международ. науч.-метод. конф., посвящ. 75-летию каф. финно-угор. филологии СПбГУ. — СПб., 2000. — С. 38–44.

44. Саамская топонимия Кольского полуострова как объект исследований / Г. М. Керт // Гуманитарные исследования в Карелии : сб. ст. к 70-летию Ин-та яз., лит. и истории. — Петрозаводск, 2000. — С. 170–177. — Библиогр.: 24 назв.

45. Тематический Web-сайт по топонимии Европейского Севера России / Г. Керт, В. Вдовицын, А. Сорокин, Н. Луговая, Н. Беляева, Ю. Чуйко // Научный сервис в сети Интернет : тез. докл. всерос. конф., г. Новороссийск, 18–19 сент. — М., 2000. — С. 167–168.
46. Словарь лексики (компонентов) саамской топонимии Кольского полуострова / Г. М. Керт // Материалы XXX межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 27 : Секция уралистики. — СПб., 2001. — С. 19–27.
47. Топонимия в современном мире / Г. М. Керт // Изв. Урал. гос. ун-та. — 2001. № 20 : Гуманитар. науки. Вып. 4. — С. 48–54.
48. Электронная коллекция информационных ресурсов по топонимии Европейского Севера России / В. Т. Вдовицын, Г. М. Керт, Н. В. Беляева, Н. Б. Луговая, А. Д. Сорокин, Ю. В. Чуйко // Электронные библиотеки : перспективные методы и технологии, электронные коллекции : сб. тр. Третьей Всерос. конф. по электронным библиотекам. — Петрозаводск, 2001. — С. 199–201.
49. The Creation and Development of the Thematic Web-Site on the Toponymy of the European North of Russia / Г. М. Керт // НФИ 2000 : новые методы информационных технологий. — Т. 3. — Петрозаводск, 2001. — С. 132–136.
50. Saamic : [Balto-Finnic Languages] / K. Rautio Helander, G. M. Kert // *Onomastica Uralika* : Sel. Bibliogr. of the Onomastics of the Ural. Lang. — Debrecen ; Helsinki, 2001. — Vol. 1a. — P. 205–241.
51. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии: (Прибалтийско-финская, русская) / Г. М. Керт ; РАН, КарНЦ, Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск, 2002. — 187 с. : табл. — Библиогр.: с. 137–143.
52. Аpellятив и топоним / Г. М. Керт // *Nime murre: Pühendusteos Valdek Palli 75. sünnipäevaks*, 30. juunil 2002. — Tallinn, 2002. — Lk. 34–52. — Библиогр.: с. 51–52. — (Eesti Keele Inst. Toim.; 11).
53. Auf die EDV gestützte Ortsnamenforschung / Г. М. Керт // *Onomastik*. Bd. 1; *Chronik Namenetymologie und Namenengschichte Forschungsprojekte*. — Tübingen, 2002. — S. 281–287. — (Sonderdruck aus *Patronymica*; Bd. 14).
54. Saami Toponymy of the Kola Peninsula as a Research Object / Г. М. Керт // *Onomastica Uralika* : History of the Study of Toponyms in the Uralian Languages. — Debrecen ; Hki, 2002. — Vol. 2. — S. 121–132. — Bibliogr.: s. 129–132.
55. Этногенез саамов / Г. М. Керт // Прибалтийско-финские народы России. — М., 2003. — С. 43–48. — (Сер. «Народы и культуры»).
56. Информационные технологии в исследовании топонимии / Г. М. Керт, В. Т. Вдовицын // *Вопр. языкознания*. — 2005. № 3. — С. 102–124.
57. Критерии идентификации саамской субстратной топонимии // *Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Ин-та яз., лит. и истории Карел. науч. центра РАН / РАН, КарНЦ, Ин-т яз., лит. и истории*. — Петрозаводск, 2005. — С. 338–347.
58. Загадки карельской топонимики : рассказ о географических названиях Карелии / Г. Керт, Н. Мамонтова. — Петрозаводск : Карелия, 2007. — 118 с.
59. Загадки карельской топонимики : рассказ о географических названиях Карелии / Г. Керт, Н. Мамонтова. — Петрозаводск : Карелия, 2008. — 119 с.
60. Саамская топонимная лексика. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2009. — 178 с.

Новые книги*

2007

Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии : материалы и исследования / отв. ред. И. И. Русинова ; Перм. ун-т. — Пермь, 2007. — Ч. 1. — 156 с. ; Ч. 2. — 238 с.

Сборник содержит труды по истории и этимологии пермской лексики, а также работы, характеризующие современную языковую ситуацию в Пермском крае. Отдельный раздел первой части посвящен ономастике региона.

О. В. Гордеева анализирует топонимы, встречающиеся в фольклоре Прикамья, при этом акцент делается на функционировании гидронимов *Волга* и *Кама*. *С. М. Поздеева* исследует иноязычные основы в кунгурской топонимии Прикамья. Автор осуществляет этимологический и мотивационный анализ ойконимов и гидронимов южных говоров Прикамья.

В статье *О. Н. Симушовой* описывается неофициальная система именования женщин на материале дневника жительницы д. Камгорт Чердынского района Пермского края. Автор устанавливает, что антропонимикон дневника М. Н. Суслевой в целом отражает историческую традицию именования, но в то же время неизбежны и определенные трансформации. *Т. Ю. Шкляева* производит классификацию отантропонимических ойконимов Соликамского района Пермского края, выделяя группы с топонимами, образованными от календарных, некалендарных имен, прозвищ, фамилий.

О. И. Васнева обращается к системе имен собственных в демонологической лексике, характеризуя особенности этой системы на материале пермских говоров.

Еще одна статья по ономастике представлена во второй части сборника: *Т. А. Сироткина* выявляет смысловое наполнение ряда этнонимов, функционирующих в пермских говорах (через анализ контекстных употреблений, устойчивых сочетаний с этнонимами и их апеллятивных производных).

Кузнецов А. В. Тарногский ономастикон. Словарь фамилий кокшаров и названий деревень Тарногского района / А. В. Кузнецов. — Вологда : ВГПУ, 2007. — 240 с.

Книга из серии «Живое русское слово» представляет ойконимию и антропонию Тарногского района Вологодской области. В предисловии рассматриваются особенности названий групп кокшеньгских деревень, дается характеристика источников представленной ономастической лексики, излагается структура словарной статьи ойконима и антропонима, обсуждается проблема существования парных названий в ойконимии Тарногского района. В словаре-ономастиконе содержится более 300 типичных фамилий и около 600 названий деревень. Фамилии и названия деревень расположены в едином корпусе словаря в алфавитном порядке. В словаре представлены существующие и хронологические варианты онимов и их этимология. В книге имеется несколько приложений и карт, демонстрирующих систематизацию ономастического материала и обобщение исследований, а также фотоиллюстрации «Деревни Кокшеньги», сделанные автором.

Kowalik-Kaleta Z., Dacewicz L., Raszevska-Żurek B. Słownik najstarszych nazwisk polskich — pochodzenie językowe nazwisk omówionych w *Historii nazwisk polskich*. Т. 1 / Z. Kowalik-Kaleta, L Dacewicz., B.Raszevska-Żurek. — Warszawa, 2007.

В «Словарь древнейших польских фамилий...» вошли фамилии, составившие первый том «Истории польских фамилий на социальном и бытовом фоне XII–XV вв.» (Z. Kowalik-Kaleta. *Historia nazwisk polskich na tle społecznym i obyczajowym XII–XV wieków*. Т. 1. — Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2007. — 440 s.). Для каждой фамилии в словарной статье приводится этимология. В качестве этимонов могут выступать как аппеллятивы — существительные, прилагательные и глаголы (реже — другие части речи), так и онимы: топонимы, этнонимы, антропонимы. Также указывается источник, где был зафиксирован данный аппеллятив или оним: исторические словари польского языка, словарь праславянского языка, исторические словари географических названий, научные исследования, посвященные анализу аппеллятивов и топонимов различных регионов Польши. В конце каждой статьи указывается дата первой фиксации фамилии в исторических документах, вид фамилии (патронимическая, оттопонимическая, отаппеллятивная, отэтнонимическая, иноязычного происхождения), а также дается отсылка к «Истории польских фамилий», где можно найти более подробные сведения о соответствующей фамилии.

Słownik nazw miejscowości i mieszkańców / oprac. A. Kubiak-Sokół. — Warszawa : Wydawnictwo Naukowe, PWN, 2007. — 470 s.¹

Словарь содержит 7 400 названий населенных пунктов Польши — всех городов и важнейших деревень, а также формы их словоизменения, производные прилагательные и названия жителей. Автор учитывал новейшие изменения в орфографии (в том числе новые принципы записи двукомпонентных наименований), а также ежегодные распоряжения Министерства внутренних дел и администрации об изменении названий некоторых населенных пунктов. Здесь можно найти ответы, например, на такие вопросы: как звучит прилагательное от топонима *Kudowa* (*kudowski* или *kudowiański*?), кто живет в *Tychach* (*tyszanie* или *tychowianie*?) и пр. Кроме того, в словарь включены ответы на вопросы о названиях населенных пунктов, заданные на страницах лингвистической интернет-консультации издательства PWN. Содержащийся обратный индекс помогает определить особенности словоизменения названий, которые не вошли в словарь, но имеют такую же финаль, что и названия, приведенные в нем.

2008

Lipowski J. Ewolucja nazwisk w południowej części Śląska Cieszyńskiego / J. Lipowski. — Wrocław : Uniwersytet Wrocławski, 2008. — 349 s.²

В книге рассматривается проблема эволюции фамилий жителей южной части Чешинской Силезии. В первой части монографии излагаются теоретические и методоло-

¹ Использована информация сайта книжного интернет-магазина «Księgarnia Internetowa PWN» (URL: <http://ksiegarnia.pwn.pl>).

² Использована информация сайта издательства Вроцлавского университета (Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. URL: <http://www.wuwr.com.pl>).

гические основы исследования: место антропонимов среди имен собственных, происхождение фамилий и проблема описания их мотивации, факторы, влияющие на формирование антропонимов и пр. Вторая часть книги посвящена диахроническому анализу фамилий. Автор затрагивает такие проблемы, как эволюция словообразовательной структуры фамилий; трудности их структурной классификации; продуктивность суффиксов, служащих для образования фамилий; эволюция словообразовательных формантов, эволюция графических форм названий и др. В отдельных разделах характеризуются женские фамилии, фамилии исконные и заимствованные. В конце книги приводится алфавитный список фамилий.

Maletić F., Šimunović P. Hrvatski prezimenik. Pučanstvo Republike Hrvatske na početku 21. stoljeća / F. Maletić, P. Šimunović. — Zagreb : Tehnička knjiga, 2008³.

Монументальный трехтомный труд Ф. Малетича и П. Шимуновича, общим объемом 2 200 с., посвящен хорватским фамилиям. Издание включает все фамилии, которые были зафиксированы в ходе всеобщей переписи населения Хорватии, проведенной в 2001 г. С помощью этого справочника можно определить, куда и откуда пришли носители данной фамилии и где в первый раз была зафиксирована та или иная фамилия. В третьем томе представлены названия всех существующих населенных пунктов Хорватии (6 654) с указанием зафиксированных в них фамилий и количества их носителей. Особенно ценным издание делает его исследовательская часть, где П. Шимунович рассматривает возникновение и развитие хорватских фамилий, судьбу фамилии в диаспоре, характеризует самые частотные фамилии Хорватии. В сжатом виде (на шести страницах) приведены выводы, сделанные П. Шимуновичем при изучении названий хорватских населенных пунктов (гл. «Imena hrvatskih naselja (ojkonimi)»).

Michow E. Legenda Kielc zamknięta w nazwie. Studium etymologiczne i kulturowe / E. Michow. — Kielce, 2008. — 192 s.⁴

Книга Элжбеты Михов посвящена изучению существующих народных этимологий топонима *Кельце* (*Kielce*). Источниками материала послужили свентокшиские топонимические легенды, а также региональные тексты иных жанров (художественные, исторические, археологические, географические, туристические и т. д.), содержащие распространенные, но научно не обоснованные версии возникновения топонима *Кельце*. Внимание не только к научным этимологическим интерпретациям, но и к оригинальным народным версиям позволило рассматривать проблему этимологизации топонима Кельце, учитывая лингвистические, культурные и исторические факторы. Работа Э. Михов — первое исследование в польской лингвистической традиции, полностью посвященное названию одного населенного пункта, поэтому, по словам автора, оно не претендует на методологические и теоретические обобщения по народной этимологии.

³ Использована информация сайтов «Maticahrwatska» (URL: <http://www.matica.hr>), книжного интернет-магазина «Superknjizara» (URL: <http://www.superknjizara.hr>).

⁴ Использована информация сайта Естественно-гуманитарного университета им. Я. Кохановского в Кельцах (Uniwersytet Humanistyczno-Przyrodniczy Jana Kochanowskiego w Kielcach. URL: <http://www.ujk.edu.pl>).

Вступительный раздел книги содержит характеристику явления народной и научной этимологии, а также рассмотрение принятых в лингвистике научных версий происхождения топонима *Кельце*. В основной части монографии представлен лексический анализ процессов и результатов ненаучной этимологизации рассматриваемого топонима. Ложные этимологии были систематизированы согласно семантической классификации онимов, а также согласно генетическому критерию, выявляющему принципы, которыми руководствовались народные «творцы», во всем их формальном и семантическом разнообразии. Монографию завершает описание черт, функций и причин, которые повлияли на появление нескольких десятков ложных этимологий. Кроме того, в приложении помещены таблицы, содержащие полное сопоставление всех народных и научных этимологий.

*Podlawska D., Świątek-Brzezińska M. Słownik nazw osobowych i miejscowych / D. Podlawska, M. Świątek-Brzezińska. — Bielsko-Biała, 2008. — 512 s.*⁵

Словарь, составленный Д. Подлавской и М. Свёнтек-Бжезиньской, включает различные виды имен собственных: антропонимы, топонимы, эргонимы (названия торговых марок, супермаркетов, фирм, институтов, организаций и пр.). Читатель может почерпнуть сведения об их структуре, принципах написания, словоизменения и произношения, в некоторых случаях — и информацию об их происхождении.

*Słownik nazw geograficznych z odmianą i wyrazami pochodnymi / J. Grzenia. — Warszawa : PWN, 2008. — 400 s.*⁶

Словарь включает 4 000 польских и «иноземных» географических названий, сведения об их написании (включая возможные варианты) и произношении. Кроме того, приводятся оттопонимические прилагательные, названия жителей, а также географические наименования, производные от рассматриваемых топонимов.

2009

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : пространство и человек / Е. Л. Березович. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : ЛИБРОКОМ, 2009. — 236 с.

В монографии осуществляется этнолингвистический анализ обширного массива традиционной русской топонимии, собранной преимущественно в полевых условиях на территории Русского Севера. Разрабатывается методика извлечения этнокультурной информации из топонимической системы. Особое внимание автор уделяет проблеме реконструкции системы народных представлений о пространстве — реальном географическом и осваиваемом в ходе человеческой деятельности.

⁵ Использована информация сайта книжного интернет-магазина «Poczytaj.pl» (URL: <http://www.poczytaj.pl>).

⁶ Использована информация сайта книжного интернет-магазина издательства PWN (Księgarnia Internetowa PWN. URL: <http://ksiegarnia.pwn.pl>).

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : мифопоэтический образ пространства / Е. Л. Березович. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : ЛИБРОКОМ, 2010. — 240 с.

Книга продолжает исследование, начатое в предыдущей монографии автора — «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : пространство и человек». Автор реконструирует мифопоэтический образ пространства, отраженный в топонимии. Рассматриваются идеи и символы народной религии, представленные в топонимах; осуществляется характеристика топонимов, образованных от прецедентных сакральных локативов; анализируется концепция «заветного места» в русской топонимии. Кроме того, в монографии исследуются особенности взаимодействия топонимической системы и фольклора, которые выявляются на материале топонимических преданий с мифологическими и историческими мотивами.

Дьякова В. И., Хитрова В. И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями) / В. И. Дьякова, В. И. Хитрова. — Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2009. — 344 с.

Представленная лексикографическая работа — это словарь полного типа: авторы включили в корпус лексем всю (по возможности фиксации) географическую терминологию, употребляемую жителями Воронежской области. Современная географическая лексика подается на историческом фоне: в качестве комментария приводятся данные, извлеченные из воронежских памятников письменности XVII–XIX вв. В том случае, если лексемы, зафиксированные в памятниках, не подтверждаются данными сбора диалектологических экспедиций, проводившихся с 1958 по 2002 г., на устаревшие, вышедшие из употребления слова составляется отдельная словарная статья. Все данные (современные и исторические) поданы в сопровождении контекста с обязательной атрибуцией. В конце словарной статьи приводятся топонимы Воронежской области (если таковые имеются), в состав которых входят исследуемые термины.

Словарь позволяет сформировать представление об истории, развитии и функционировании (в том числе в топонимии) географической терминологии Воронежской области и может быть основой дальнейших исследований как лингвистов, так и других специалистов.

Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии : материалы и исследования. Вып. 3 / отв. ред. И. И. Русинова ; Перм. ун-т. — Пермь, 2009. — 248 с.

В очередном выпуске этого серийного издания представлены новые результаты исследований пермских ученых, в том числе и по ономастике, тематически соотносящиеся с опубликованными ранее в этой же серии (2007–2008), а также в сборнике «Лингвокультурное пространство Пермского края» (2009).

Т. Ю. Шкляева в статье «Гидронимы, образованные от названий животных, в гидронимии бассейна р. Березовая Чердынского района Пермского края» (с. 240–244) рассматривает названия рек *Собачья* и *Медведица* как метонимические кальки коми-пермяцких гидронимов *Ошья* и *Качанка* соответственно и предлагает несколько интерпретаций коми-пермяцкого *Пыжьсянка* (в том числе и как производное от ихтионима

пыжсьян, записанного В. И. Далем). *О. В. Гордеева* продолжает изучение того, как в различных фольклорных жанрах функционируют отдельные топонимы («Топоним *Москва* в русском фольклоре Пермского края», с. 45–59).

О. Н. Симушова («Именование женщин в пермских памятниках делового языка XVII–XVIII вв.», с. 201–211), сопоставляя структуру женских антропонимов в деловых актах и ревизских сказках, делает выводы об особенностях номинации женщин (разнообразии наименований и активизация личного имени), о степени влияния на нее разговорного языка и отсутствии региональной специфики. *Е. Н. Полякова* подготовила к публикации, описала и перевела на современный русский язык текст чердынской челобитной XVII в., который можно рассматривать и как источник изучения антропонимии этого времени (с. 170–173).

Т. А. Сироткина («Этнонимический тезаурус Пермского края: состояние и перспективы» (с. 211–221) рассматривает способы лексикографического представления этнонимов в толковых словарях, энциклопедических и специальных (Р. А. Агеевой, Г. Ф. Ковалева) и предлагает проект регионального словаря, в который бы вошли местные этнонимы, функционирующие в различного типа дискурсах (деловом, научном, художественном и диалектном), а словарная статья включала бы также ономастические и апеллятивные производные от этнонима (в публикации приводится в качестве примера статья на этноним *татары*).

Анализу народной хрононимии в мотивационном аспекте посвящена статья *В. О. Николаевой* («Способы модификаций названий праздников православного календаря в северных говорах Пермского края», с. 85–91).

***Костромичева М. В.* Орловский региональный социолект : материалы к словарю : учеб.-метод. пособие по дисциплине «Этнолингвистика» для студентов филологич. фак-та / М. В. Костромичева. — Орел : Орлов. гос. ун-т, 2009. — 32 с.**

В учебно-методическом пособии, разработанном в лаборатории «Язык, фольклор, этнография города и деревни» при НИИ филологии Орловского государственного университета, представлены материалы к словарю регионального социолекта города Орла (60 словарных статей). Большая часть материалов словаря — местная топонимия, поскольку именно она, по мнению авторов, чаще всего «реагирует» на изменения в городской жизни. В словарь регионального социолекта города Орла включены народно-бытовые (неофициальные) названия городских объектов: районов, улиц, площадей, памятников, скверов, отдельных зданий и т. д. Кроме того, в словарь вошли элементы народно-разговорного языка, городского просторечия, жаргона и т. п. Небольшую группу лексики, отраженной в словаре, составляют образные обозначения городских реалий, в том числе мотивированные именами орловских политиков. В качестве иллюстративного материала в словарных статьях использованы цитаты из орловских газет 1998–2009 гг.

***Кузнецов А.* Именослов Устьянских волостей. Происхождение названий деревень, рек, озер и фамилий устьяков / А. Кузнецов. — Тотьма ; Вологда, 2010. — 184 с.**

Очередная книга своеобразной ономастической серии вологодского краеведа Александра Кузнецова посвящена ономастике бассейна реки Устья и ее главного притока

р. Кокшеньги (в ее нижнем течении). Книга состоит из трех частей, каждая из которых содержит словарь онимов определенного типа. В первой части — «Словарь названий устьянских деревень» — представлены ойконимы исконного происхождения. В словарной статье содержатся народные варианты названий, их происхождение, данные исторических документов о возникновении названия и населенного пункта. Вторая часть — «Словарь фамилий устьяков» — включает местные фамилии с указанием их происхождения, ареала распространения в пределах данной территории, а также хронологии существования (приводятся фамилии начиная с XV в.). Третья часть — «Словарь названий рек и озер бассейна Устья» — содержит объяснение происхождения гидронимов. В книге имеются приложения: таблица соответствий «Прямые и обратные взаимосвязи устьянских фамилий и ойконимов» и карты.

Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования / ред. Е. Н. Полякова ; Перм. ун-т. — Пермь, 2009. — 250 с.

В статьях сборника представлены результаты лингвокультурологического исследования Верхнего и Среднего Прикамья на материале памятников письменности XVI–XIX вв., современных данных апеллятивной лексики и ономастики, извлеченных из устной речи и письменных текстов. Ономастика представлена четырьмя публикациями, две из которых выделены в самостоятельный раздел («Лингвокультурное пространство Пермского края по данным ономастики»). Это статьи *М. В. Богачевой* «Эргонимы с компонентами тематической группы “цвет”» (с. 183–193) и *О. В. Гордеевой* «Топонимы *Петербург, Питер, Петроград, Ленинград* в русском фольклоре Пермского края» (с. 193–206).

О. В. Гордеева рассматривает частотность употребления того или иного варианта топонима — *Петербург, Петроград, Питер, Ленинград* — в соотношении с жанровой природой и тематикой фольклорных текстов, обильно ею цитируемых, не ставя, однако, перед собой задачу детальной разработки образа или образов, стоящих за этими названиями города.

М. В. Богачева анализирует эргонимы г. Перми, содержащие указание на тот или иной оттенок цвета или цвет как таковой (*цвет, колор, колер, колорит* и т. п.) — всего 120 наименований (из электронного справочника «Желтые страницы», насчитывающего 36 тыс. эргонимов) — с точки зрения лексического состава (собственно русские цветообозначения, варваризмы), графического оформления (кириллица, в том числе и при воспроизведении варваризмов; латиница), мотивации (в том числе цветовых предпочтений номинатора, символики цвета), а также выполняемых функций (в соответствии с типами эргонимов, выделяемыми *Т. П. Романовой*: информативные, рекламные, рекламно-информативные и номинативные — т. е. нерекламные и неинформативные).

Две статьи представлены в разделе «Тематические группы лексики в источниках изучения лингвокультурного пространства Пермского края». *Т. А. Сироткина* («Этнонимы (названия народов) в лингвокультурном пространстве Пермского края», с. 158–173) рассматривает функционирование этнонимов в дискурсах различного типа и времени: деловой письменности XVI–XIX вв., записях диалектной речи XX в. и художественных произведениях (*А. И Герцен, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. Никонов, А. Иванов, М. Струганов*). Статья *И. А. Подюкова* («Лексика деонимического происхождения

в пермских говорах», с. 174–182) содержит многочисленные примеры апеллятивизации имен собственных — прежде всего антропонимов (причем не только русских, но и тюркских) и топонимов. Это весьма пестрая тематически и мотивационно группа, которая представляет немалые трудности для интерпретации, в том числе вследствие активности процессов паронимической аттракции.

В последнем разделе сборника — «Материалы для изучения лингвокультурного пространства Пермского края» — опубликованы две чердынские отдельные грамоты XVII в. (подготовка к печати и предисловие *Е. Н. Поляковой*, с. 206–214) и один документ XVIII в. (подготовка к печати и предисловие *Н. В. Чугаева*, с. 214–218), содержащие имена собственные, а также материалы *Т. Ю. Шкляевой* к словарю гидронимов бассейна реки Березовой Чердынского района Пермского края (с. 218–242), насчитывающие 200 названий русского, финно-угорского (преимущественно коми-пермяцкого) и тюркского происхождения, собранных по различным письменным источникам.

Полякова Е. Н. Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья : материалы для самостоятельной работы : учеб. пособие / Е. Н. Полякова; Перм. ун-т. — Пермь, 2009. — 260 с.

Учебное пособие профессора Е. Н. Поляковой предназначено для студентов-филологов Пермского университета, изучающих общий курс «Региональная лексикология и ономастика» и специальные курсы, в том числе спецкурс по ономастике. В пособии дана программа курса (с указанием рекомендуемой литературы), список тем для самостоятельной работы (докладов, рефератов) и материалы для ее выполнения. Материалы для самостоятельного изучения распределены по 35 темам. В том числе, в соответствии с заявленной проблематикой, представлен ряд статей автора по топонимии и антропонимии Пермского края.

Дается обзор литературы по пермской ономастике (тема 21). Рассматривается отражение в пермской топонимии и антропонимии связи разных культур и результатов взаимодействия языков (темы 18, 20, 35). В различных аспектах анализируются ойконимы Пермской области (темы 22–24). Выясняется происхождение топонимии окрестностей отдельных населенных пунктов (тема 25) и отдельных топонимов (темы 18, 26). Исследуется топонимия и антропонимия XVII в. на территории Перми (тема 27). Затрагиваются вопросы происхождения пермских фамилий XVI–XVIII вв., в том числе этимологии их диалектных основ (темы 28–34).

Пособие является источником ценного материала по ономастике Прикамья и может быть полезно не только студентам и учителям, занимающимся краеведческой работой в школе, но и специалистам-ономатоологам.

Рогалев А. Ф. Географические названия в калейдоскопе времен / А. Ф. Рогалев. — Гомель : Барк, 2009. — 256 с.⁷

В книге в форме очерков рассказывается о происхождении географических названий Белоруссии. Информационный потенциал топонимов позволяет представить са-

⁷ Использована информация сайта книжного интернет-магазина «Эўрыка» (URL: <http://evrica.belkniga.by>).

мые разнообразные реалии минувших времен — жизненный уклад, особенности мировосприятия и мировоззрения предков, этнические и языковые контакты, миграционные процессы, исторические события. Книга будет полезна специалистам, преподавателям (языковедам, историкам, географам), а также всем, кто интересуется историей языка в связи с историей народа.

Рогалев А. Ф. Историческая антропонимия Гомеля и окрестностей / А. Ф. Рогалев. — Гомель : Барк, 2009. — 152 с.⁸

В книге рассказывается об именовании людей, живших на территории Белоруссии и на сопредельных восточнославянских землях с глубокой древности; о происхождении, назначении (функциях) и видах отчеств; о формировании первых фамильных прозваний и типов существующих фамилий. Имеющиеся в распоряжении автора материалы позволяют представить специфику именованья жителей Гомеля и гомельских сел в XVI–XVIII вв. и на этой основе рассмотреть становление современного фамильного фонда в данном регионе. Читателей должен заинтересовать список наиболее частотных в наши дни личных мужских и женских имен с указанием их этимологического значения.

Рогалев А. Ф. Назвы Бацькаўшчыны (тапанімія Беларусі) / А. Ф. Рогалев. — Гомель : Барк, 2009. — 216 с.⁹

В книге А. В. Рогалева, на протяжении многих лет изучавшего топонимию Белоруссии, рассказывается о происхождении названий населенных пунктов и водных объектов разных районов Белоруссии. Анализ топонимов дает возможность реконструировать те стороны прошлого, сведения о которых не дошли через письменные источники. Автор приводит некоторые интересные и малоизвестные исторические факты. Научный подход к изложению материала совмещен с прекрасным художественно-публицистическим стилем, что делает книгу доступной широкому кругу читателей.

Синдаловский Н. А. Книга Перемен. Судьбы петербургской топонимики в городском фольклоре / Н. А. Синдаловский. — М. : Центрполиграф, 2009. — 350, [2] с.

Очередная книга известного исследователя Петербурга Н. А. Синдаловского посвящена истории петербургских пригородов; улиц, переулков, проспектов и площадей; рек, каналов, островов и мостов; исторических территорий, садов, парков и связанным с ними фольклорным текстам. Описывая тот или иной объект, автор рассматривает его историю и случаи переименования, приводит исторические и легендарные сведения о личности, связанной с этим объектом или в честь которой объект был назван (например, в главе о Гатчине пишет о Павле I и об Аракчееве или в главе об Ариновской улице — о няне Пушкина Арине Родионовне). Приводятся также неофициальные, в том числе

⁸ Использована информация сайта книжного интернет-магазина «Эўрыка» (URL: <http://evrica.belkniga.by>).

⁹ Использована информация сайта книжного интернет-магазина «Эўрыка» (URL: <http://evrica.belkniga.by>).

шуточные названия городских объектов (например, *Белка* (ул. Белы Куна), *Купчинская Народная Республика* (район Купчино) и т. д.), а также различные тексты городского фольклора, так или иначе связанные с этими объектами, — предания, песни, частушки, анекдоты, пословицы и поговорки, присловья и т. д.

Историко-фольклорный образ улицы, площади, парка и др. не был бы полным без наполняющих их объектов, будь то какое-либо выдающееся здание, памятник, предприятие или место проведения досуга, о которых автор также не забывает. Например, в главе «Александра Невского, площадь» приводятся неофициальные названия памятника Александру Невскому (*Оловянный солдатик*, *Регулировщик* и *Конный гаишник*), в главе «Светлановский проспект» — народные интерпретации находящегося здесь завода «Светлана» (в честь дочери Сталина Светланы; как аббревиатура от выпускаемых на заводе *световых ламп накаливания*) и т. д.

«Книга Перемен» является популярным изданием и прежде всего предназначена для массового читателя, интересующегося историей Петербурга, однако содержит она и немало ценных сведений о городском фольклоре и топонимике. Впрочем, досадным недостатком книги является поверхностная атрибуция приводимых текстов и языковых фактов и полное отсутствие сносок (внутренний список литературы и информантов приведен в конце), что существенно затрудняет ее использование специалистами.

Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Ч. III : Словарь хронимов / А. В. Черных. — Пермь : Пушка, 2009. — 280 с.

Издание является третьей книгой, продолжающей цикл монографических исследований календарной обрядности русских в Прикамье. Настоящий словарь включает более 1 000 статей, в которых проанализированы наименования отрезков времени (календарных периодов, отдельных праздников и дней), обозначенных термином «хронимы», которые зафиксированы в живой народной речи русских Пермского Прикамья. Словарь снабжен географическим указателем, содержащим названия всех населенных пунктов, материалы из которых использованы в словаре, и идеографическим указателем, позволяющим выстроить реальные связи и календарную соотнесенность терминов.

Antroponimia Polski od XVI do końca XVIII wieku : Wybór artykułów hasłowych oraz wykazy nazwisk wraz z chronologią i geografiją. Tom II : H—M / pod red. A. Cieślíkowej. — Kraków: Wydawnictwo LEXIS. 2009. — 436 s.

Словарь «Антропонимия Польши с XVI до конца XVIII века» составляется коллективом отдела польской антропонимии Института польского языка Польской академии наук в Кракове под руководством Александры Чесликовой. В словарь включены личные имена, ставшие мотивирующей основой для фамилий, а также те имена и отчества, которые встречаются в текстах во второй позиции (после имени), поскольку они здесь выступают в качестве фамилии. Источники материала — метрические записи о крещении, венчании, погребении; гербовники, списки владельцев, служащих и др., хранящиеся в различных архивах, и региональные монографии. О структуре словарной статьи см.: *Вопр. ономастики*. 2009. № 7. С. 129.

Blanár V. Vlastné meno vo svetle teoretickej onomastiky / V. Blanár. — Martin : Matica slovenská, 2009. — 158 s.¹⁰

Монография «Собственное имя в свете теоретической ономастики» подводит итоги изучения собственных имен Винцентом Бланаром. Автором поднимаются вопросы статуса имени собственного, имени собственного как языкового знака особого рода, взаимосвязи содержательной и формальной стороны ономастического знака, понятия и термина «функциональный член» (*funkčný člen*), на которое автор опирается, давая функциональное и структурное определение собственных имен и их состава. По мнению автора, необходимой частью описания имен собственных является изучение их функционирования в современной коммуникации. Выделение специфических признаков онимов сделало возможным моделирование имен собственных.

Carnets du Cediscor. № 11 : Le nom propre en discours / M. Lecolle, M.-A. Paveau, S. Reboul-Touré éd. — Paris : Presses Sorbonne Nouvelle, 2009. — 216 p.

Очередной выпуск вестника Центра дискурсивных исследований Университета «Новая Сорбонна» посвящен изучению функционирования имени собственного в дискурсе. Используя лингвистические методы, а также методы смежных дисциплин (философии языка, социологии, литературоведения), авторы сборника стремятся показать, как в реальном дискурсе имя собственное участвует в конструировании смысла, а также как его собственный смысл моделируется дискурсивным контекстом. Во вступительной статье Мишель Леколь (*Michelle Lecolle*), Мари-Анн Паво (*Marie-Anne Paveau*) и Сандрин Ребуль-Туре (*Sandrine Reboul-Touré*) кратко представляют историю изучения онимов во Франции, фокусируясь на значении контекста в формировании семантики имени собственного. Ключевая, по мнению составителей, проблематика, задаваемая контекстным окружением, отражена в структуре сборника.

Первая часть — «Идентичность, идентификация и смена идентичности» — представлена двумя статьями. Гу Ашар-Байль (*Guy Achard-Bayle*) исследует функционирование антропонимов в медиадискурсе, посвященном случаям трансформации внешности (пластическая хирургия, смена пола, пересадка лица). Среди интересных феноменов автор особо выделяет два: 1) «вакантное» имя собственное (при смене пола, когда имя утрачивает свою идентифицирующую функцию, употребляется в дискурсе наряду с апеллятивными субститутами с двойственным грамматическим родом); 2) «утрата» имени собственного (при освящении первого удачного опыта пересадки лица стремление не упоминать имени пациента, предпочтение нарицательных номинаций, в том числе с выраженным коннотативным фоном). Статья Жоржетты Числары (*Georgeta Cislaru*) посвящена ник-неймам (*pseudo*), используемым в интернет-общении. Автор показывает, как в прозвище отражается тематика и характер общения коммуниканта.

Вторая часть — «Конструирование события в прессе» — включает работы, исследующие различные аспекты именованного события. Теоретические вопросы прагматики обсуждаются в статье Алис Криг-Планк (*Alice Krieg-Planque*), где дается типология

¹⁰ Использована информация сайта книжного интернет-магазина «ABC Knihy» (URL: <http://www.abcknihy.sk>).

таких номинаций, а также обосновывается значимость их исследования. *Мари Веньяр* (*Marie Veniard*) обращается к изучению функционирования прагматима «война в Афганистане» в современной прессе, а *Мишель Леколь* (*Michelle Lecolle*) представляет анализ частного случая семантического перехода: *Outreau* ‘город на Севере Франции’ > ‘юридическое фиаско’. Анализ построен на изучении корпуса газетных текстов, освещающих «дело Утро» (2001–2006) и отражающих основные этапы апеллиативации ойконима.

Третья часть — «История, память, легенда» — посвящена реализации мемориальной функции онимов. В статье *Инны Хмелевской* исследуется ономастикон спортивного репортажа. Автор приходит к выводу о том, что включение имен собственных позволяет придать репортажному дискурсу квазиэпический характер. *Марж Каснер* (*Marge Käsper*) изучает функционирование имени Карла Маркса в современной эстонской прессе, причем исследуются как упоминания имени, так и отсылки к его идеям, цитаты из его трудов. В результате делается вывод об образе Маркса в современной эстонской публицистике. *Мари-Анн Паво* (*Marie-Anne Paveau*) посвятила свою статью «полемонимам» (названиям битв), внутренняя форма которых позволяет реконструировать характер восприятия события и его фиксации в коллективной памяти народа. Изучение использования таких имен в газетном и журнальном дискурсе позволяет обнаружить «апеллятивный потенциал» полемонимов, а также реконструировать неявные компоненты их коннотативной семантики. Завершает сборник статья известного французского ономаста *Мари-Ноэль Гари-Приёр* (*Marie-Noëlle Gary-Prieur*), которая, отталкиваясь от идеи принципиального различия между языковым значением имени собственного и его дискурсивной интерпретацией, показывает, как все же возможен переход от одного к другому.

2010

Майорова Т. В. Топонимические предания в «Приходах и церквях Тульской епархии» (1895) / Т. В. Майорова. — Тула : Тул. гос. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2010. — 120 с.

В книге представлены топонимические предания, извлеченные из уникального исторического источника конца XIX в. «Приходы и церкви Тульской епархии». Предания рассматриваются с позиций современной ономатологии, отделяющей истинную мотивацию названия от народной этимологии. Книга Т. В. Майоровой представляет собой топонимический словарь. Ойконимы в словаре приводятся в порядке их фиксации в источнике. Статьи строятся следующим образом: приводится заглавное слово (ойконим), затем цитируется топонимическое предание, далее следует пояснение автора, комментирующее предание и содержащее истинную этимологию топонима. Во введении к словарю дается характеристика источника, а также поясняются некоторые лингвистические термины, используемые в работе. Приложение содержит алфавитный указатель географических названий и собственных имен.

Проблемы общей и региональной ономастики : материалы VII Международной научной конференции. — Майкоп : Изд-во АГУ, 2010. — 376 с.

Содержание сборника полностью соответствует программе одноименной конференции (см. о ней подробнее в наст. изд.); в разделах сборника нашла отражение тема-

тика пленарного и секционных заседаний, посвященных теории ономастики, антропонимике, топонимике, литературной ономастике и специфике ономастического и ономастического словообразования.

Русский язык : исторические судьбы и современность : IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2010 г.) : труды и материалы / сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. — 894 с.

Сборник в числе прочих содержит также тезисы ономастических докладов, прочитанных на одноименной конференции; подробнее о них см. в публикации А. Н. Соловьева в наст. изд.

Язык и традиционная культура Северо-Запада : сб. ст. памяти Л. Я. Петровой / редкол. : В. Л. Васильев (ред.-сост.), А. В. Жуков, Н. Н. Вихрова. — Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. — 263 с.

В сборнике представлено более 20 статей, тематически соответствующих сфере научных интересов замечательного филолога, преподавателя кафедры русского языка НовГУ Л. Я. Петровой, памяти которой посвящен сборник. В книгу вошли статьи по диалектологии и истории языка, ономастике, методике преподавания русского языка. В числе авторов — исследователи разных научных центров России и зарубежья.

Ономастический раздел сборника включает 9 статей, связанных преимущественно с исторической топонимией новгородских земель. Древняя топонимия этого региона представлена авторами в различных аспектах: стратиграфическом и типологическом (В. Л. Васильев), лингвогеографическом (А. И. Илиади, А. Л. Шилов), этимологическом (В. В. Виноградов, А. В. Иваненко). Кроме того, в ономастический раздел вошли работы по этнонимии (А. В. Крюков) и урбанонимии (Т. В. Шмелева), а также статья, посвященная проблемам и перспективам создания электронной базы данных «Ойконимы России» (А. А. Бурыкин).

Duma J. Nazwy wodne w dorzeczu Warty od Proсны do Ujście do Odry (z wyłączeniem dorzecza Noteci). Cz. I : Nazwy rzek / J. Duma. — Warszawa : DiG, 2010. — 300 s. ; Cz. 2 : Nazwy jezior. — Warszawa : DiG, 2010. — 462 s.¹¹

В двухтомном исследовании Ежи Думы подробно описываются гидронимы бассейна Варты — от Просны до Одера (за исключением бассейна Нотецы). Первая часть посвящена названиям рек изучаемого региона, вторая включает названия озер, прудов, в том числе прудов для разведения рыб, стариц и рыбацких тоней, появляющиеся уже в средневековых документах.

¹¹ Использована информация сайта книжного интернет-магазина издательства PWN (Księgarnia Internetowa PWN. URL: <http://ksiegarnia.pwn.pl>).

Kucharzyk R. Słownictwo odantroponimiczne w gwarach polskich / R. Kucharzyk. — Kraków : Instytut Języka Polskiego PAN, 2010. — 212 s.¹²

Исследование Р. Кухажык «Отантропонимическая лексика в польских говорах» сосредоточено на проблеме взаимоотношения имен собственных и имен нарицательных. Предметом исследования являются апеллятивы, возникшие на базе онимов. Материал ограничен лексемами, фонетически тождественными именам собственным (например, *adam* 'человек глупый и неуклюжий', *kazimierz* 'заяц', *jadwiga* 'иволга', *jagnieszka* 'божья коровка') или их производным (ср. *jadwiśka* 'хохлатый жаворонок', *iwanko* 'аист', *jasiek* 'желудок'). В поле исследования также были включены выражения, содержащие антропонимический компонент (например, *święty janik* 'ивановский червячок', *gruba kasia* 'толстая кишка у свиньи', *batogi świętego jana* 'цикорий обыкновенный', *ogryzek jadama* 'кадык'). Пристальное внимание уделяется рассмотрению механизмов возникновения отантропонимических дериватов, особенно апеллятивизации и псевдоапеллятивизации. Также отмечаются культурные и психолингвистические особенности функционирования отантропонимической лексики.

Mnohotvárnost a specifičnost onomastiky. IV. česká onomastická konference, Ostrava 15.–17. září 2009 : sb. příspěvků. — Ostrava : Ostravská univerzita v Ostravě ; Praha : Ústav pro jazyk český AV ČR, 2010. — 522 s.

В сборнике представлены материалы докладов участников IV чешской ономастической конференции «Многообразие и специфичность ономастики» (Острава, 15–17 сентября 2009 г.). Обзор тематики докладов конференции представлен в: *Вопр. ономастики*. 2010. № 8.

Информация подготовлена при участии сотрудников Уральского университета (Екатеринбург): *Н. В. Галиновой, Т. Н. Дмитриевой, Е. Э. Ивановой, Н. М. Ивашиной, Е. Д. Казаковой, А. А. Макаровой, К. В. Пьянковой* (отв. за рубрику; пер. с польск., серб.-хорв., словац.), *Д. В. Спиридонова* (пер. с франц.), *О. А. Теуш, Л. А. Феоктистовой*.

¹² Использована информация сайта книжного интернет-магазина издательства Института польского языка ПАН (Księgarnia Instytutu Języka Polskiego PAN. URL: <http://kupujmy.eu>).

НОВЫЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ОНОМАСТИКЕ (2008–2010)*

2008¹

1. *Мусаева Р. А.* Кумыкская антропонимика: прозвища и полуимена : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Р. А. Мусаева ; Дагестан. гос. ун-т. — Махачкала : [б. и.], 2008. — 22 с.
2. *Хвесько Т. В.* Дихотомия апеллятив/онома в языке и речи (на материале рус. и англ. яз.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Хвесько ; Тюмен. гос. ун-т. — Челябинск : [б. и.], 2008. — 45 с.

2009

1. *Ахметзянова Л. М.* Антропонимы в художественных текстах Д. Хармса: структурно-семантический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Ахметзянова ; Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. — Казань : [б. и.], 2009. — 20 с.
2. *Бурцева Н. В.* Отантропонимическая деривация в русском и немецком языках (по лексикографическим источникам) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Бурцева ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2009. — 22 с.
3. *Гарагуля С. И.* Антропонимическая парадигматика и идентичность индивида (опыт системного описания личных имен в США) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С. И. Гарагуля ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М. : [б. и.], 2009. — 42 с.
4. *Иванова О. В.* Имена собственные в лирике поэтов Смоленской поэтической школы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Иванова ; Смол. гос. ун-т. — Смоленск, 2009. — 19 с.
5. *Ковлакас Е. Ф.* Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. Ф. Ковлакас ; Кубан. гос. ун-т. — Краснодар : [б. и.], 2009. — 51 с.
6. *Костюченкова Е. М.* Экспликация ценностной картины субэтноса казаков в донском ономастиконе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. М. Костюченкова ; Кабард.-Балкар. гос. ун-т. — Нальчик : [б. и.], 2009. — 22 с.
7. *Кургузова Е. В.* Имена собственные немецкой культуры в историческом фрагменте нормативно-научной картины мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Кургузова ; Смол. гос. ун-т. — Смоленск : [б. и.], 2009. — 20 с.

---

* Список составлен К. В. Пьянковой (Уральский университет, Екатеринбург) на основе Летописи авторефератов диссертаций (Государственный библиографический указатель Российской Федерации. М., 2009. № 10–12; М., 2010. № 1–5) и материалов сайтов Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (URL: <http://www.nbuv.gov.ua>); «Автореферат: Авторефераты украинских диссертаций (URL: <http://avtoreferat.net>).

¹ Список авторефератов диссертаций за 2008–2009 гг. дополняет перечень, опубликованный в журн.: *Вопр. ономастики.* 2009. № 7. С. 137–139.

8. *Обухова Е. С.* Принципы составления словаря ономастических единиц творчества А. С. Пушкина : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Обухова ; Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж : [б. и.], 2009. — 23 с.
9. *Постникова О. А.* Антропонимическая символика в англоязычной культуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Постникова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — СПб. : [б. и.], 2009. — 21 с.
10. *Путова И. Н.* Этнокультурные особенности испанских паремий с топокомпонентом : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Н. Путова ; Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж : [б. и.], 2009. — 23 с.
11. *Раемгужина З. М.* Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира (аспекты формирования и особенности функционирования) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / З. М. Раемгужина ; Башк. гос. ун-т. — Уфа : [б. и.], 2009. — 48 с.
12. *Солопов А. И.* Греко-латинская географическая номенклатура: ее внешняя и внутренняя структура : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. И. Солопов ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М. : [б. и.], 2009. — 47 с.
13. *Халтуева Г. О.* Топонимический лексикон «Сокровенного сказания монголов» и «Кодзики»: общее и частное : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. О. Халтуева ; Бурят. гос. ун-т. — Улан-Удэ : [б. и.], 2009. — 25 с.
14. *Хвесьюко Т. В.* Дихотомия апеллатив / онома в языке и речи (на материале рус. и англ. яз.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Хвесьюко ; Челяб. гос. пед. ун-т. — Челябинск : [б. и.], 2009. — 45 с.
15. *Шен Д. А.* Этноним в лексико-семантическом пространстве английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Шен ; Нижегор. гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова. — Н. Новгород : [б. и.], 2009. — 21 с.
16. *Шостка Е. С.* Прозвища Тамбовской области : языковой и социокультурный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Шостка ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. — Тамбов : [б. и.], 2009. — 22 с.
17. *Щербакова Т. В.* Искусственная номинация коммерческих предприятий (на материале тюмен. наименований) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Щербакова ; Тюмен. гос. ун-т. — Тюмень : [б. и.], 2009. — 24 с.
18. *Юдина Т. А.* Концепт «Оренбург» в произведениях русских писателей XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Юдина ; Оренб. гос. ун-т. — Самара : [б. и.], 2009. — 19 с.

2010

1. *Афанасьева О. Е.* Имена собственные в деловых документах Поонежья в XVI–XVI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Е. Афанасьева ; Вологодский. гос. пед. ун-т. — Вологда : [б. и.], 2010. — 22 с.
2. *Беляева М. Ю.* Ономастикон западных районов Краснодарского края: полисистемный аспект : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / М. Ю. Беляева ; Ставропольский гос. ун-т. — Ставрополь : [б. и.], 2010. — 52 с.
3. *Гильфанова Ф. Х.* Антропонимия сибирских татар в этнолингвистическом аспекте (на материале русских архивных документов XIX–XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ф. Х. Гильфанова ; Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. — Казань : [б. и.], 2010. — 23 с.

4. *Гэн Усинь*. Структура имени и именные сочетания в современном русском и китайском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гэн Усинь ; Рос. ун-т дружбы народов. — М. : [б. и.], 2010. — 22 с.

5. *Махмаджонов О. О.* Историко-лингвистическое исследование топонимии Гиссарской долины Таджикистана) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. О. Махмаджонов ; Ин-т яз. и лит. им. Рудаки АН Респ. Таджикистан. — Душанбе : [б. и.], 2010. — 52 с.

6. *Осыка М. В.* Топонимические фразеологизмы в национальной концептосфере (на материале русской и французской лингвокультур) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Осыка ; Белгор. гос. ун-т. — Белгород : [б. и.], 2010. — 21 с.

7. *Плотникова А. В.* Принципы и способы атрибуции имен собственных в произведениях жанра «фэнтези» (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Плотникова ; Воен. ун-т. — М. : [б. и.], 2010. — 19 с.

8. *Скрёбнева Т. В.* Антропонимикон современного белорусского города в динамическом и социолингвистическом аспектах (на материале русскоязычных личных имен г. Витебска) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Скрёбнева ; Витебск. гос. ун-т им. П. М. Машерова. — Минск : [б. и.], 2010. — 23 с.

9. *Соколова Е. Н.* Ономастическое пространство древнерусских памятников письменности Киевской Руси : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. Н. Соколова ; Тюмен. гос. ун-т. — Челябинск : [б. и.], 2010. — 39 с.

10. *Трапезникова А. А.* Ономастическое сознание современного горожанина (на материале эргонимии Красноярска) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Трапезникова ; Сибир. фед. ун-т. — Красноярск : [б. и.], 2010. — 21 с.

11. *Черникова Е. М.* Имена собственные в жанре семейных родословных : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. М. Черникова ; Белгород. гос. ун-т. — Белгород : [б. и.], 2010. — 24 с.

12. *Школьникова М. В.* Лингвокультурологический аспект антропонимического пространства романа А. С. Иванова «Тени исчезают в полдень» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Школьникова ; Тюмен. гос. ун-т. — Тюмень : [б. и.], 2010. — 24 с.

Диссертации на украинском языке

2008

1. *Абдула Ю. А.* Становлення ойконімії Слобожанщини (на матеріалі Харківщини) : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Ю. А. Абдула ; Кіровоград. держ. пед. ун-т ім. В. Винниченка. — Кіровоград : [б. и.], 2008. — 16 с.

2. *Блажчук Ю. І.* Антропонімія Уманщини XVII — початку XXI ст. : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Ю. І. Блажчук ; Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. — Київ : [б. и.], 2008. — 22 с.

3. *Кирилюк О. Л.* Кінонімія в сучасній українській мові: принципи номінації та способи творення : автореф. дис. ... канд. філол. наук / О. Л. Кирилюк ; Кіровоград. держ. пед. ун-т ім. В. Винниченка. — Кіровоград : [б. и.], 2008. — 20 с.

4. *Невструєва А. О.* Поетика імені у творчості Томаса Гарді (уессекський цикл романів) : автореф. дис. ... канд. філол. наук / А. О. Невструєва ; Дніпропетр. нац. ун-т. — Дніпропетровськ : [б. и.], 2008. — 22 с.

5. *Новикова Ю. М.* Семантико-словотвірна структура прізвищ Центральної і Східної Донеччини : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Ю. М. Новикова ; Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. — Одеса : [б. и.], 2008. — 22 с.

2009

1. *Баньої В. Ф.* Мікротопонімія басейну річки Ужа (на матеріалі українських говірок Закарпаття) : автореф. дис. ... канд. філол. наук / В. Ф. Баньої ; Прикарпат. нац. ун-т ім. В. Стефаника. — Івано-Франківськ : [б. и.], 2009. — 20 с.

2. *Бережна М. В.* Ономастикон романів Дж. К. Ролінг циклу «Гаррі Поттер» в українському та російському перекладах : автореф. дис. ... канд. філол. наук / М. В. Бережна ; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. — Київ : [б. и.], 2009. — 20 с.

3. *Борисович О. В.* Лінгвокогнітивний аспект онімів та їх дериватів у англомовній літературній рецензії : автореф. дис. ... канд. філол. наук / О. В. Борисович ; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. — Київ : [б. и.], 2009. — 20 с.

4. *Воляннюк І. О.* Становлення і розвиток ойконімії Північної Тернопільщини ХІІ—ХХ ст. : автореф. дис. ... канд. філол. наук / І. О. Воляннюк ; Прикарпат. нац. ун-т ім. В. Стефаника. — Івано-Франківськ : [б. и.], 2009. — 19 с.

5. *Галай О. Б.* Українська урбанонімія Закарпаття в ХХ—ХХІ ст. : автореф. дис. ... канд. філол. наук / О. Б. Галай ; Ужгород. нац. ун-т. — Ужгород : [б. и.], 2009. — 29 с.

6. *Горенко О. П.* Літературний антропонім: концепт та інтерпретація (на матеріалі творів американських романтиків) : автореф. дис. ... д-ра філол. наук / О. П. Горенко ; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. — Київ : [б. и.], 2009. — 36 с.

7. *Дика Л. Л.* Ойконімія Східного Поділля (ХІV—ХХ ст.) : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Л. Л. Дика ; Прикарпат. нац. ун-т ім. В. Стефаника. — Івано-Франківськ : [б. и.], 2009. — 20 с.

8. *Гліаді О. І.* Праслов'янська топонімія балканського ареалу : автореф. дис. ... д-ра філол. наук / О. І. Гліаді ; НАН України; Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. — Київ : [б. и.], 2009. — 36 с.

9. *Канна В. Ю.* Структура, функції та лексикографія конотативної топонімії : автореф. дис. ... канд. філол. наук. / В. Ю. Канна ; Донец. нац. ун-т. — Донецьк : [б. и.], 2009. — 17 с.

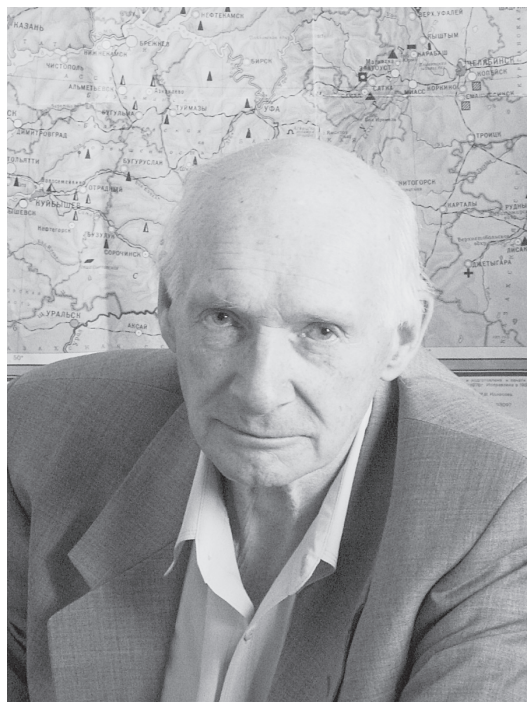
10. *Кравченко Ю. В.* Гідронімія колишнього Великого Лугу Запорізького : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Ю. В. Кравченко ; Запоріз. нац. ун-т. — Запоріжжя : [б. и.], 2009. — 20 с.

11. *Сколоздр О. Р.* Онімна та апелятивна номінація особи в малій прозі Івана Франка : автореф. дис. ... канд. філол. наук / О. Р. Сколоздр ; Львів. нац. ун-т ім. І. Франка. — Львів : [б. и.], 2009. — 18 с.

12. *Яцій В. О.* Ойконімія Івано-Франківської області : автореф. дис. ... канд. філол. наук / В. О. Яцій ; Ін-т укр. мови НАН України. — Київ : [б. и.], 2009. — 18 с.

13. *Яцура О. П.* Антропонімікон сучасних поетичних і прозових творів А. Вознесенського та Є. Євтушенка (структурно-функціональний аспект) : автореф. дис. ... канд. філол. наук / О. П. Яцура ; Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. — Київ : [б. и.], 2009. — 20 с.

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Российская наука и российская высшая школа понесли невосполнимую утрату: 9 октября 2010 года на восемьдесят пятом году жизни скончался выдающийся российский ученый-языковед, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ветеран и почетный профессор Уральского государственного университета им. А. М. Горького, доктор филологических наук **Александр Константинович Матвеев**.

А. К. Матвеев – автор более десятка книг и нескольких сотен научных статей. Его труды широко известны специалистам по истории русского языка, ономастике, этимологии, финно-угроведению во всем мире. Он создатель одной из самых результативных и активно работающих научных топонимических экспедиций России и стран СНГ, первой в вузах страны учебно-научной топонимической лаборатории. Под его руководством защищено более 30 кандидатских и 6 докторских диссертаций, еще 4 докторские диссертации близки к завершению. А. К. Матвеев – признанный руководитель Уральской ономастической школы. Его ученики занимают ведущие должности в университетах

Екатеринбурга, Тюмени, Кирова, Андижана и других городах бывшего Советского Союза, его советы и рекомендации всегда ценили ономатологи и этимологи Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Карелии, Финляндии. А. К. Матвеев – руководитель целого ряда крупных научных проектов, неоднократно получавших грантовую поддержку российских научных фондов.

А. К. Матвеев вел большую научно-организационную работу: был руководителем комплексной программы Минвуза РСФСР «Духовная культура Урала», директором Института русской культуры при Уральском университете, главным редактором гуманитарной серии «Известий Уральского университета», главным редактором всероссийского журнала «Вопросы ономастики», членом Ученого совета Уральского университета, членом диссертационного совета по защите докторских диссертаций при Уральском университете, организатором и ответственным редактором научных серий «Вопросы ономастики», «Русская диалектная этимология», «Финно-угорское наследие в русском языке», неоднократно выступал инициатором и председателем Оргкомитета целого ряда всероссийских и международных конференций, сыгравших значительную роль в развитии отечественной лингвистики.

Многие поколения студентов запомнят А. К. Матвеева как блестящего лектора и талантливого педагога. Память об Александре Константиновиче Матвееве навсегда сохранят его коллеги и ученики, все, кто знал этого виднейшего ученого, удивительного человека, истинного русского интеллигента.

В редколлегию журнала поступили многочисленные письма и телеграммы со словами скорби и сочувствия. Мы выражаем глубокую благодарность всем, кто разделил с нами горечь утраты, и публикуем некоторые из откликов.

Весть о кончине Александра Константиновича Матвеева глубокой скорбью отозвалась в наших сердцах. Умер выдающийся ученый, замечательный человек, подлинный рыцарь науки. Около шестидесяти лет отдал Александр Константинович любимому делу — исследовательской работе в области диалектологии, диалектной лексикографии, этимологии, теоретической и прикладной топонимастики. Многие из работ Александра Константиновича стали подлинной классикой отечественной и мировой науки о языке, а сам он оставил по себе добрую память не только как крупнейший ученый, но и как открытый доброжелательный человек.

Александр Константинович никогда не ограничивал свою деятельность только академическими изысканиями, являясь на протяжении многих десятилетий профессором, заведующим кафедрой Уральского государственного университета. Он проявил себя как замечательный воспитатель научной молодежи. В рамках топонимической школы А. К. Матвеева прошли обучение целые поколения отечественных лингвистов.

*Академики РАН А. П. Деревянко, А. Б. Куделин,
В. А. Тишков (Москва)*

Всем сердцем скорбим о кончине Александра Константиновича Матвеева, крупнейшего Ученого, Учителя, Организатора науки. Его научная деятельность отмечена ярким новаторством в различных направлениях, которым посвящены его многочисленные труды и которые успешно развивает созданная им научная школа. Огромный научный потенциал сочетался в нем с личным обаянием человека большой души, оригинального ума и яркого характера. Со времени докторской защиты Александра Константиновича в нашем институте, через череду встреч, подаренных нам словарей и монографий, а затем этимологических конференций он стал очень близким и дорогим для нашего коллектива человеком, что помогло нам получить полное представление о всей величине этого истинного служителя науки, продолжателя лучших традиций отечественных ученых-языковедов, глубоких и кропотливых, скромных и смелых энтузиастов и прежде всего — бесконечно преданных родному языку. Мы очень благодарны Александру Константиновичу за интерес и доброе расположение к нашему коллективу, за научное сотрудничество. Мы навсегда сохраним самую светлую память о нем как Ученом и Человеке.

*Сотрудники отдела этимологии и ономастики
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН:
А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот, Т. В. Горячева, Л. В. Куркина,
И. П. Петлева, А. К. Шапошников (Москва)*

Известие о кончине Александра Константиновича Матвеева стало для сибирских филологов столь же неожиданным, сколь и тяжелым ударом. Мы всегда удивлялись его успехам как на поприще науки, так и в сфере подготовки кадров, восхищались его талантом и трудолюбием исследователя и редкими человеческими качествами.

Наша наука понесла большую утрату, и утешение приходится искать в мысли о том, что жизнь Александра Константиновича сложилась славно: он стал одним из творцов современной российской этимологии, топонимики, ономатологии, практическим и теоретическим исследователем субстрата, создал сильную и оригинальную научную школу, постоянно действующую топонимическую экспедицию. Для Уральского университета он стал тем же, кем в свое время А. П. Дульзон для Томского пединститута: две этих выдающихся фигуры показывают, как велика роль личности в развитии науки.

Как ученый он сочетал методологическую строгость, трезвость семантического расчета и верность законам сравнительно-исторического языкознания с любовью к полевым исследованиям и знанием географии не только на карте, но и «в натуральную величину», по принципу личного посещения топонимических и иных географических объектов.

Он дал людям услышать то, что называют языком Земли, раскрыв загадки множества топонимов и географических терминов Урала, Зауралья и всего Севера России, проникнув в тайны далекого прошлого обширнейших регионов. Субстратная топонимия нередко остается единственным свидетелем этого прошлого, жизни давно исчезнувших народов.

Все, кто знал Александра Константиновича, запомнили его благородную личность, влиявшую на окружающих не понуждением, а силой ума и стремлением к справедливости и гуманной целесообразности. Все, кому посчастливилось быть его гостями, запомнили его как главу гостеприимного и радушного дома.

Он ушел от нас, но он прожил необычайно продуктивную, полезную для людей жизнь, оставив по себе благодарную память у многих и многих. Нам остается продолжить его дело, сверяясь с его трудами и советами, которые еще совсем свежи в памяти.

Светлая память и слава Александру Константиновичу Матвееву.

*Директор Института филологии Сибирского отделения РАН,
чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановская;
зав. сектором русского языка Института филологии,
чл.-корр. РАН А. Е. Аникин (Новосибирск)*

Коллектив Института языкознания РАН с глубоким прискорбием узнал об уходе из жизни выдающегося российского ученого-языковеда Александра Константиновича Матвеева. Наши сердца переполняет ощущение огромной, едва ли восполнимой утраты: от нас ушел человек редкого исследовательского и организационного таланта, мудрый и любимый педагог-воспитатель, человек высокой чести и безупречных душевных качеств.

Вся жизнь Александра Константиновича была образцом служения науке. Его вклад в развитие отечественной филологии громаден, его роль в стимулировании ономастических исследований уникальна. Основатель Уральской ономастической школы и знаменитой топонимической экспедиции, первой в нашей стране учебно-научной топонимической лаборатории, автор множества глубоких научных трудов в области русского и финно-угорского языкознания, теоретик языка и диалектолог, главный редактор авторитетного журнала «Вопросы ономастики» – таков научный облик этого замечательного человека, чей след в отечественной науке и культуре неизгладим и светел.

Александр Константинович будет жить в трудах новых поколений российских языковедов, в сердцах близких и учеников, в нашей общей благодарной памяти.

*От имени коллектива Института языкознания РАН
директор института, чл.-корр. РАН В. А. Виноградов (Москва)*

Александр Константинович Матвеев — выдающийся отечественный лингвист, организатор исследований в области теоретической и прикладной топонимистики, этимологии, лингвистической географии, диалектологии и диалектной лексикографии.

Многие годы он работал в УрГУ, где воспитал множество учеников. Главным его детищем — Уральская топонимическая школа, ставшая уникальным научным центром. Основное направление научных исследований А. К. Матвеева было связано с лингвистическим исследованием Севера и Северо-Востока европейской России (Урал, Приуралье, Русский Север), Средней России и Зауралья: сбор и анализ топонимии и диалектной лексики, изучение языковых контактов русского населения с другими народами России, древнее расселение и миграции последних, реконструкция данных о вымерших языках.

А. К. Матвеев в своих работах поддерживал и развивал лучшие традиции исследований прибалтийско-финских, пермских, саамских, обско-угорских и ненецких языковых субстратных элементов в русской лексике и топонимии. Этимологические труды А. К. Матвеева отличала проницательность, строгое следование принципам и методам сравнительно-исторической грамматики русского и других языков. Во всех его исследо-

ваниях присутствует детальный анализ фонетической и семантической сторон иноязычного этимона и его адаптации на русской почве, представлены всесторонне продуманные мотивировки, согласующиеся с историко-культурными и лингвогеографическими фактами, немалая часть которых была собрана самим А. К. Матвеевым и его учениками.

Дирекция и сотрудники Института лингвистических исследований РАН выражают искренние глубокие соболезнования родным и близким, коллегам и ученикам Александра Константиновича Матвеева, труды которого останутся важной главой отечественного языкознания.

*От имени коллектива Института лингвистических исследований РАН
директор института, академик РАН Н. Н. Казанский (Санкт-Петербург)*

В современном отечественном языкознании личность и деятельность Александра Константиновича Матвеева выделялась, поражала и привлекала редким и гармоничным сплавом драгоценных качеств глубокого знатока и хранителя родного языка в его самой естественной диалектной основе, выдающегося исследователя, мудрого и щедрого воспитателя молодых ученых, дальновидного организатора науки, человека большой, доброй, чуткой души.

Труды Александра Константиновича Матвеева широко известны как в научных кругах нашей страны, так и за ее пределами. Изучение диалектной лексики русского языка, в частности финно-угорских следов в говорах Русского Севера, многочисленные топонимические исследования, этимологии апеллятивной и ономастической лексики — вот лишь некоторые аспекты многогранной научной деятельности А. К. Матвеева. На протяжении многих лет заведую кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета, Александр Константинович являлся создателем и постоянным руководителем Уральской школы научных исследований в области диалектологии, этимологии, ономастики.

*Зав. словарным отделом ИЛИ РАН С. А. Мызников,
сотрудники словарного отдела (Санкт-Петербург)*

Мы потеряли большого ученого, талантливую организатора науки и настоящего Учителя. Созданная им Уральская топонимическая школа не имеет равных по количеству и качеству учеников, уникальности, масштабам и результатам проектов. Журнал «Вопросы ономастики», организованный и успешно выходящий под его руководством, не только объединил ономастическое сообщество, но и поднял престиж и уровень исследований в области ономастики. Блестящие работы Александра Константиновича в области субстратной топонимии Русского Севера явились толчком для развития топонимических исследований у нас в Карелии. Считаю себя его учениками.

Скорбим вместе с вами. Верим в то, что заложенные Александром Константиновичем традиции будут продолжены уральской школой.

*Карельские коллеги: И. И. Муллонен, Д. В. Кузьмин,
Н. Н. Мамонтова, О. Л. Карлова, И. А. Кюрюшнова,
Л. П. Михайлова, А. В. Приображенский (Петрозаводск)*

Известие о смерти Александра Матвеева мы восприняли с огромной печалью и скорбим вместе со всеми его близкими. Он был выдающимся ученым, известным и ценным также в Польше, среди ономастов и этнолингвистов, соединял ответственность и страсть исследователя с деятельностью организатора и воспитателя молодых ученых. Мы помним его мудрые слова о том, что «имя — ключ ко многим проблемам истории человечества и его языков, так как ни в одной другой сфере языка не выражено с такой силой слияние “своего” и “чужого”». Мы считаем большой честью личное знакомство с ним в Екатеринбурге и то, что мы могли на страницах журналов «Etnolingwistyka» и «Onomastica» популяризировать его научные труды в Польше. Своими замечательными научными работами и жизненной позицией он навсегда останется с нами.

*Е. Бартминьский, С. Небжеговска-Бартминьска,
коллектив люблинских этнолингвистов и ономастов*

Топонимическая комиссия Московского центра Русского географического общества глубоко скорбит вместе с екатеринбургскими коллегами по поводу кончины профессора Александра Константиновича Матвеева. Ушел из жизни замечательный ученый, внесший существенный вклад в развитие ономастических исследований в России, создавший и возглавивший Уральскую ономастическую школу, воспитавший целую плеяду серьезных ономастологов. Велико значение работ А. К. Матвеева и для русистики, финно-угроведения и других лингвистических и исторических дисциплин. Переоценить заслуги члена-корреспондента РАН А. К. Матвеева невозможно. Его научные труды будут иметь непреходящую ценность для всех новых поколений филологов. Наша наука понесла невозполнимую утрату. Московские коллеги искренне соболезнуют семье Александра Константиновича, его друзьям, ученикам и соратникам. Мы сохраним светлую память о нем в наших сердцах.

*От имени Топонимической комиссии МЦ РГО
А. В. Барандеев, Р. А. Агеева (Москва)*

Это наша общая утрата и общее горе. Многие волгоградские лингвисты опираются в своих исследованиях на идеи А. К. Матвеева. Все наши филологи знают его как руководителя Уральской ономастической школы, как главного редактора гуманитарной серии «Известий Уральского университета», главного редактора всероссийского журнала «Вопросы ономастики», организатора многих всероссийских и международных конференций, сыгравших значительную роль в развитии отечественной и мировой науки.

Для меня лично встреча с Александром Константиновичем на конференции в Екатеринбурге еще в студенческие годы открыла интересные направления научного поиска, послужила толчком для исследовательской деятельности. Его открытость, интеллигентность, доброжелательность, внимание к каждому стали для меня образцом в педагогической деятельности. Светлая память Александру Константиновичу Матвееву.

В. И. Супрун (Волгоград)

Кончина Александра Константиновича Матвеева — огромная потеря для ономастологов, языковедов, филологов, для всех нас, особенно тех, кто знал его лично, общался и работал с ним. Что касается меня, то я хорошо знаком с Александром Константиновичем прежде всего по его трудам, которые всегда оказывали и продолжают оказывать большое влияние на мои скромные занятия наукой, все время подпитывают их и дают новые знания. Все, что выходило из-под пера Александра Константиновича, заранее казалось мне интересным. Я сразу понял творческий масштаб этой личности, а позднее узнал удивительные человеческие качества его, действительно истинного русского интеллигента. Мне особенно импонировала непрекращающаяся свежесть его творчества, особенно то, что он, в отличие от многих других ученых (даже серьезных и глубоких), будучи уже в очень зрелом возрасте, никогда не «бронзовел» и не вещал с монумента. Он, как и раньше, как и всегда, просто скрупулезно работал со множеством конкретных фактов, тщательно выверяя, дополняя и уточняя их, и все его весомые обобщающие суждения и осмысления всегда базировались на проверенной им конкретике (а не на пустоте, разглагольствовании и красивом полете фантазии, как мы это видим сплошь и рядом). Что будет за гранью, мы не знаем, а в этом мире созданное им останется и не забудется.

В. Л. Васильев (Великий Новгород)

Александр Константинович был и останется целой эпохой в отечественной ономастике, воплощением в ней основательности, творчества, необыкновенного трудолюбия, умения передать это последующим поколениям. Это трагедия для всех нас. Огромная и невозполнимая утрата.

О. Т. Молчанова (Щецин, Польша)

Ушел из жизни большой ученый, человек огромного таланта и выдающихся организаторских способностей. Он вывел российское финно-угроведение на мировой уровень. Им созданы блестящие работы по топонимике Урала. Организованная им топонимическая экспедиция собрала уникальный и неповторимый материал по лексике и топонимии Русского Севера, по исследованию финно-угорского субстрата. Издание этих материалов («Словарь говоров Русского Севера») обязательно должно быть продолжено. Написанные А. К. Матвеевым труды по структуре и основам финно-угорского субстрата поражают эрудицией и широтой. Особенно хочется отметить в его работах исключительную научную ответственность и строгость. А. К. Матвеев создал научную школу, целую плеяду блестящих учеников. Его выдающаяся личность привлекала к себе людей со всей страны. Его труды по ономастологии стали настольными книгами. А. К. Матвеев — гордость нашей науки.

В. А. Меркулова (Москва)

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях географических объектов

Бабуш	Бабушкинский район Вологодской области
Вин	Виноградовский район Архангельской области
Вож	Вожегодский район Вологодской области
В-Т	Верхнетоемский район Архангельской области
В-Уст	Великоустюгский район Вологодской области
Карг	Каргопольский район Архангельской области
К-Б	Красноборский район Архангельской области
К-Г	Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
Кон	Коношский район Архангельской области
Лен	Ленский район Архангельской области
Леш	Лешуконский район Архангельской области
Мез	Мезенский район Архангельской области
М-Реч	Междуреченский район Вологодской области
Ней	Нейский район Костромской области
Ник	Никольский район Вологодской области
Нюкс	Нюксенский район Вологодской области
Нянд	Няндомский район Архангельской области
Он	Онежский район Архангельской области
Плес	Плесецкий район Архангельской области
Пыщуг	Пыщугский район Костромской области
Сок	Сокольский район Вологодской области
Сусан	Сусанинский район Костромской области
Тарн	Тарногский район Вологодской области
Уст	Устьянский район Архангельской области
Устюж	Устюженский район Вологодской области
Холм	Холмогорский район Архангельской области
Череп	Череповецкий район Вологодской области
Шенк	Шенкурский район Архангельской области

В названиях языков и диалектов

манкс.	манкский язык
--------	---------------

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алпатов Владислав Викторович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка и современных технологий обучения, Московский городской педагогический университет (Москва) — alpatov.v@list.ru.

Ахметова Мария Вячеславовна, кандидат филологических наук, заместитель главного редактора журнала «Живая старина» (Москва) — malinxi@rambler.ru.

Баранова Ксения Ивановна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург) — baranova.ksenija@yandex.ru.

Васильев Валерий Леонидович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород) — vihnn@mail.ru.

Ивашова Надежда Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург) — ivashovanm@e1.ru.

Кривошапова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель специализированного учебно-научного центра Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург) — insekt@yandex.ru.

Макарова Анна Андреевна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург) — toronimist@yandex.ru.

Намитокowa Роза Юсуфовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Адыгейского государственного университета (Майкоп) — innef@mail.ru.

Остап Роман Иванович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела украинского языка Института украиноведения им. И. Крипякевича НАН Украины (Киев).

Разумов Роман Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (Ярославль) — rvrazumov@list.ru.

Соловьев Алексей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Смоленской государственной сельскохозяйственной академии (Смоленск) — sancognoalexnat@mail.ru.

Феоктистова Любовь Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург) — lfeoktistova@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Фомин Анатолий Аркадьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург) — ant@isnet.ru.

Фролова Ольга Евгеньевна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва) — olga_frolova@list.ru.

SUMMARY

Baranova K. I., Fomin A. A. Kys in “Kys”: the semantic potential of the name and mechanisms of its actualization

Key words: Russian literary onomastics, poetic onomastics, names in literature, name, poetic name, phonosemantics of names in literature, poetics of names in literature.

The authors look at a nonce name *kys* in the novel under the same title by T. Tolstaya that becomes a key word for the whole novel. They analyze the word's use in the prototext adopted by the writer that largely defined the initial idea of the novel, and study the name's phonosemantic implications, in order to reveal the influence exerted by the name on dynamics of building the key image of the novel, to trace the semantic potential of a nonce proper name as well as its role in shaping the general conceptual background of the text.

Frolova O. Ye. Biblical names in proverbs

Key words: Proverb, anthroponym, semantics of proper names in the text, poetics of the Bible, semantic field.

The article deals with Russian proverbs containing Biblical anthroponyms. Such proverbs enter on a kind of dialogue with the Bible and serve as a comment on it. The author's aim is to reveal the semantic and pragmatic implications of Biblical personal names in a proverb. Anthroponyms may be considered as a field, with God's name in the centre. This name has a complex semantic structure because it possesses both nominative and predicative functions. More than that, the status of the name God as an anthroponym isn't obvious. The periphery of the anthroponymic field is occupied by proper names whose status doesn't cause any doubts: Jesus, Adam, Eve.

Akhmetova M. V. Notes on Russian informal city-names

Key words: toponymy, toponyms, informal toponyms, informal speech, abbreviation, syncopa, pseudonym, quasitonym, internet language, jargon, slang, word-formation.

The paper deals with linguistic means of coining informal toponyms in the Russian language. The author discerns three major methods: shortening (including different kinds of letter and syllabic abbreviation, and syncopas), morphemic and phonetic change (including different kinds of contraction, affixation, adjectivization and methatheses) and semantic change (including contamination with other existing or fictional place-names, replacement by a quasitonym or any other word, use of historic forms of the place-name etc.).

Feoktistova L. A. Names and their derivatives in the jargon of railway workers

Key words: Russian onomastics, onomasiology, deonymic nomination, appellativization of proper names, jargon, cultural connotations of proper names, paronymic attraction, language play.

The paper looks at proper names of various classes in secondary deonymic use (derivatives from proper names) in the jargon of railway workers. The author aims to give interpretation of motivation of the jargonisms, to reveal general tendencies (principles or models) and particular features of deonymic nomination in the professional jargon.

Functioning of names in secondary nomination follows the general principles of selection of language units in the jargon and the rules of their use as means of nomination (paronymic attraction,

SUMMARY

broad involvement of “donor” spheres of lexis, precedential nomination, language play). Specific for the jargon of railway workers is domination of proper names (anthroponyms, ethnonyms, collective territorial nicknames) over place-names, as well as onomastic play on abbreviations (e.g. *fedja* ‘steam engine of FD series’, *masha* ‘steam engine M-62’).

Alpatov V. V. English metaphorical place-names with Christian associations

K e y w o r d s: metaphore, English place-names, Christian associations.

Figurative place-names are particularly interesting to study, as they represent the effects of metaphoric thinking about the landscape and are probably more than other types of names revealing about human perception of space. This brief paper gives a glimpse of coarse-grained classification of such place-names on the material of English toponyms with Christian associations. The associative block lies in the domain of *secundum comparationis* — the concepts with which the named objects are compared. The classification however is based on examination of *tertium comparationis* — the ground for comparison where we single out: 1) outer resemblance and 2) inner resemblance, likeness of function or assessment.

Razumov R. V. Geographical terms in the systems of in-town place-names in provincial towns

K e y w o r d s: Russian place-names, geographical term, urbanonym (in-town place-name), city place-names, regional place-names, historic onomastics.

In this article the author analyses the usage of geographical terms in the systems of the names of Russian provincial towns. The author notes the reasons for change of geographical terms, gives examples of parallel usage of different geographical terms for the same object, observes the evolution of usage of geographical terms in small and big towns of Yaroslavl region since the 18th century till nowadays.

Ivashova N. M. On one of the earliest monuments of Russian toponymic lexicography (“Izjasneniye nekotorykh korelskikh slov...” by P. P. Svinjin, 1829)

K e y w o r d s: Russian lexicography, toponymic lexicography, toponymics, dictionary entry, etymology, Baltic-Finnish languages.

The paper contains lexicographic treatment of one of the earliest monuments of Russian toponymic lexicography (1829). The small research in dictionary format of etymology of place-names in the Russian North, based on translation of local names from Karelian, is interesting from the point of view of forming the microstructure of future toponymic dictionaries, as well as methods of dictionary description of a place-name, especially of its etymology. The author conducts a lexicographic analysis of the dictionary entries and assesses reliability of some etymologies.

Научное издание

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2010. № 2 (9)

Редакторы	<i>Е. Ф. Васюта</i> <i>Л. А. Феоктистова</i>
Редактор перевода	<i>В. В. Алпатов</i>
Корректор	<i>К. В. Пьянкова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л. А. Хухарева</i>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-0310 от 15.07.05.

Учредители: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
121019, Москва, ул. Волхонка, 18/2;

ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

План выпуска 2010 г., поз. 76.

Подписано в печать 21.10.2010. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 15,0. Усл. печ. л. 15,8. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Тираж 250 экз. Заказ

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Требования к авторскому оригиналу

- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии (на дискете или электронной почтой) с одной распечаткой текста. Параметры: Word 6.0/7.0 (формат *doc* или *rtf*), шрифт *Times New Roman*, кегль основного шрифта — 14-й, сносок — 12-й, интервал — 1,5, абзац 0,7 (установка через меню: *Формат — Абзац — Отступ — Первая строка 0,7*).
- Примечания — подстрочные, нумерация сквозная.
- Библиографические ссылки — затекстовые (алфавитный список). Форма связи ссылки с основным текстом — с помощью фамилии автора (названия книги), года издания (если несколько изданий одного автора), страницы (если это прямая цитата) в квадратных скобках.
- При наличии в статье авторских сокращений после списка литературы приводится их перечень.
- Языковой иллюстративный материал выделяется в тексте работы курсивом. Для выделения лексического значения используются одинарные кавычки (' '), при цитировании — угловые («»), смысловые выделения можно подчеркнуть.
- Объем статей — до 1 уч.-изд. (авт.) листа (40 000 знаков).
- Резюме на русском и английском языках (от 500 до 1 000 знаков, считая пробелы); ключевые слова (не более 10).

Оформление библиографических ссылок

- Оформление ссылок может различаться для разных видов цитируемых изданий. Например:
- Книга или статья одного, двух авторов: [Степанов, 28]; [Мамонтова, Муллонен, 52].
  - Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенного индекса к году (как в самой ссылке, так и в списке литературы): [Михайлов, 1993а, 101].
  - Сборник, коллективный труд, словарь, атлас и т. д. (в том числе — сокращенное название): [Уральские имена, 73], [МДС, 81], [ААЕ, 9].
  - Архивные материалы: [ГААО, ф. 198, оп. 7, д. 68, 22] — курсивом выделен лист документа, все остальные элементы ссылки (указание на фонд, описание, дело) даются сокращенно и разделяются запятой.
  - Карты, словники, картотеки и т. п. — с помощью сокращенного названия: [КСГРС].
  - Многотомные издания и издания из нескольких выпусков: [СРНГ, 12, 270].
  - Перечень библиографических ссылок дается в конце статьи в алфавитном порядке. Для сокращенных названий сначала приводится аббревиатура, а затем полное описание работы.

Общие правила

- К статье прилагаются краткие сведения об авторе (ФИО, место работы, должность и ученое звание, почтовый адрес, телефон, при наличии — электронный адрес).
- Статьи, уже опубликованные или направленные автором в редакции других журналов, не принимаются.
- Статьи не рецензируются и не возвращаются.
- Редколлегия письменно извещает автора о решении, касающемся публикации статьи.
- Денежное вознаграждение за публикацию не предусматривается.

Адрес редколлегии и редакции журнала

- 620000, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, Уральский государственный университет им. А. М. Горького, редакция журнала «Вопросы ономастики». Электронный адрес: fasmer@yandex.ru.
- Электронная версия журнала размещается на сайтах:
Института русского языка им. В. В. Виноградова — <http://www.ruslang.ru/agens.php?id=onomastica>,
научной библиотеки УрГУ — <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/786>.